

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Слово объ удовольствіяхъ, произнесенное въ день університетскаго акта 17-го января Преосвященнаго Амвросія.

Постепенное отпаденіе христіанскаго Запада отъ православія. Православнаго д-ра богословія Владиміра Гете (съ франц.) Н. Истомина.

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ (Біографическій очеркъ). Священ. Т. Буткевича.

Штундизмъ и Пашковщина (По поводу сочиненія Германа Далтока „Evangelische Strömungen in der Russischen Kirche der Gegenwart.“ Heilbronn. 1881) * * *

Обозрѣніе церковныхъ событій въ минувшемъ году. Ѳ. Садова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Что такое философія? (Окончаніе). Профессора Московской духовной академіи. В. Нудряцева.

Заслуга греческихъ философовъ архаическаго періода Н. Страхова.

Письма философа Сенеки * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе листа: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церковнымъ приходамъ Харьковской епархіи—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Правленія Ахтырскаго духовнаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 руб.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ въ редакціи новаго журнала по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 1 дня 1884 года.

Цензоръ Протоіерей *Т. Павловъ*.

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

ОБЪ УДОВОЛЬСТВІЯХЪ *).

*„Веселись юноша въ юности твоей
и да вкушаетъ сердце твое радости въ
юности твоей, и ходи по путямъ серд-
ца твоего и по видѣнію очей твоихъ;
только знай, что за все это Богъ при-
ведетъ тебя на судъ“ (Эккл. 11, 9).*

Одну изъ особенностей нашего времени составляетъ вѣрнее раз-
множеніе и разнообразіе удовольствій. Тысячи людей заняты изо-
брѣтеніемъ новыхъ удовольствій и усовершенствованіемъ прежнихъ;
удовольствіямъ служатъ науки и искусства; имъ посвящаютъ себя
самые разнообразныя и иногда высокіе таланты; на людей, обла-
дающихъ этими талантами, сыщутся богатства и почести; ихъ
встрѣчаютъ и провожаютъ изъ одной страны въ другую при во-
сторженныхъ кликахъ и рукоплесканіяхъ; о нихъ пишутъ цѣлыя
книги; имъ по смерти ставятъ памятники наравнѣ съ героями,
съ учеными и государственными людьми.

Мало этого; объ удовольствіяхъ составлено нынѣ цѣлое ученіе.
Ихъ почитаютъ столь же необходимою принадлежностію нашей
жизни, какъ познаніе истины и служеніе добродѣтели; только съ
помощію ихъ надѣются развить въ человѣкѣ чувство изящнаго,
какъ съ помощію науки думаютъ достигнуть развитія ума и сво-
бодной воли. Наконецъ,—имъ придаютъ высокое нравственное зна-
ченіе въ дѣлѣ усовершенствованія человѣчества, какъ вѣрному

*) Произнесено на литургіи въ день храмоваго праздника и годичнаго акта въ Харьковскомъ Университетѣ.

средству облагороженія людей, очищенія ихъ вкусовъ, нравовъ, привычекъ; ихъ признають наилучшимъ средствомъ и для отвлеченія народныхъ массъ отъ грубыхъ пороковъ.

Не возможно въ короткое время, со всею строгостію и вѣрностію съ христіанской точки зрѣнія, обсудить всѣ эти современныя воззрѣнія и явленія. Этотъ долгъ лежитъ на всѣхъ современныхъ пастыряхъ нашей Церкви, долгъ, который такъ тщательно исполняли древніе отцы Церкви, по отношенію къ удовольствіямъ языческимъ. Но необходимо нынѣ каждому христіанину немедленно заpastись указаніями и руководствомъ, какъ онъ можетъ и долженъ держать себя въ этомъ потоцѣ, въ этомъ вихрѣ, въ этомъ чаду страстнаго устремленія людей нашего вѣка къ удовольствіямъ и наслажденіямъ всякаго рода.

Такое руководство мы находимъ въ Эклезіастѣ Соломона, этого мудраго, богатаго и роскошнаго царя, который извѣдалъ всѣ наслажденія жизни -- благородныя и неблагородныя, едва не потонулъ въ нихъ, и потомъ, оплакавъ горькими слезами покаянія свои увлеченія, оставилъ намъ этотъ вздохъ души, обманутой надеждою найти блаженство въ радостяхъ земныхъ: „все суета и томленіе духа“. Уступая человѣку, особенно въ молодости, право исвать удовольствій жизни и пользоваться ими, онъ съ кротостію мудреца, искушеннаго горькимъ опытомъ, остерегаетъ: „веселись юноша въ юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радости въ юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ“.

У насъ нынѣ многіе, соблазняемые удовольствіями, но и смущаемые совѣстію, безпрестанно спрашиваютъ: „неужели это грѣхъ? неужели все это запрещено?“ — Не то хочетъ сказать Соломонъ, что Богъ обрекъ человѣка въ этой жизни на одни лишенія и страданія, что во всѣхъ удовольствіяхъ есть непременно грѣхъ, за который мы будемъ судимы на судѣ Божіемъ, но — что *скользокъ путь* удовольствій, что надобно пользоваться ими съ бдительною совѣстію и осторожностію, что на этомъ пути легко стать въ такія нравственныя состоянія, за которыя намъ неизбежно придется дать

отвѣтъ Богу, за которыя не только мы будемъ судимы, но и осуждены.

Христіанское ученіе не унижаетъ и не подавляетъ ни одной благородной способности и свѣдонности природы человѣческой; оно признаетъ въ насъ и чувство изящнаго, и даже на немъ основываетъ самую нашу способность къ вѣчному блаженству въ будущей жизни. Но, полагая въ основаніе всякаго человѣческаго совершенства, прежде всего освобожденіе насъ отъ грѣховъ, съ которыми ни для кого нѣтъ мѣста въ царствіи Божіемъ, оно требуетъ освобожденія нашего ума отъ заблужденій познаніемъ истины, и очищенія сердца,—гдѣ собственно и сосредоточивается чувство изящнаго,—отъ плотскихъ страстей силою благодати Божіей, самонаблюденіемъ и нравственною борьбою съ соблазнами и грѣхами. Только при этихъ условіяхъ оно признаетъ возможнымъ сдѣлать насъ способными къ безгрѣшнымъ наслажденіямъ истинною красотою, которой первообразъ въ Богѣ, а отображеніе на прекрасныхъ созданіяхъ Божіихъ земныхъ и небесныхъ. И такъ, христіанство, при всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни, требуетъ отъ насъ прежде всего труда самоусовершенствованія, и только совместно съ нимъ разрѣшаетъ намъ удовольствія и наслажденія жизни. Такимъ образомъ, намъ открыты наслажденія семейнымъ счастіемъ, но съ соблюденіемъ супружескаго цѣломудрія и другихъ обязанностей; наслажденія человѣческою красотою, но безъ возбужденія грубыхъ пожеланій, наслажденія красотами и дарами природы, но безъ злоупотребленія ими; наслажденія благородными искусствами, но безъ обращенія ихъ въ орудія нашихъ страстей. Намъ скажутъ, что тогда удовольствія потеряютъ для насъ всю свою пріивлекательность, будутъ безцвѣтны, однообразны, скучны. Это правда, но только по отношенію къ тѣмъ любителямъ удовольствій, которые ищутъ въ нихъ самозабвенія и простора грубой чувственности; для людей же не желающихъ потерять нравственное равновѣсіе, способность самонаблюденія и миръ совѣсти—они будутъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, т. е. отдохновеніемъ отъ труда жизни, утѣшеніемъ въ трудахъ и поощреніемъ къ трудамъ дальнѣйшимъ.

Съ этой христіанской точки зрѣнія на наши удовольствія легко усмотрѣть, когда они увлекаютъ насъ въ тѣ опасныя нравственныя состоянія, о которыхъ мы говорили выше.

И во-первыхъ, въ подобныя состоянія мы приходимъ, когда широкое поле удовольствій открывается для насъ *преждевременно*. Для правильнаго развитія человѣка, какъ существа свободнаго, требуется прежде всего образованіе въ немъ дѣятельныхъ, такъ сказать, рабочихъ силъ души, каковы—умъ, воля и самосознаніе. Какъ правильно настроенный музыкальный инструментъ только тогда издаетъ пріятные звуки, когда всѣ струны его держатся въ такомъ напряженіи, какое нужно для тона, который отъ каждой изъ нихъ требуется: такъ и въ душѣ нашей только тогда совершается стройная дѣятельность, когда каждая способность ея дѣйствуетъ во всю свою силу и въ согласіи съ другими. Удовольствія, дѣйствуя на чувство и воображеніе, какъ на такія силы, которыя больше принимаютъ впечатлѣнія со стороны, чѣмъ дѣйствуютъ самостоятельно, больше возбуждаются и волнуются, чѣмъ соблюдаются и правильно устанавливаются,—тѣмъ самымъ ослабляютъ дѣятельность нашего ума и воли, распускаютъ крѣпко натянутыя струны нашего духовнаго инструмента и, когда употребляются умѣренно, даютъ имъ надлежащій отдыхъ; но, когда впечатлѣнія на наши внѣшнія чувства, на сердце и воображеніе бываютъ слишкомъ часты и сильны, тогда онѣ становятся похожими на грубые удары въ струны нѣжнаго инструмента, производимые невѣжественною рукою, не только лишаютъ его гармоніи, но и повреждаютъ. Въ такія нравственныя состоянія приводимъ мы, при нашихъ современныхъ взглядахъ на удовольствія, почти насильственно нашихъ дѣтей и молодыхъ людей. Тѣ и другіе, сообразно со своимъ возрастомъ, должны учиться, привыкать къ труду, нравственно складываться, держать себя въ бодромъ и напряженномъ состояніи всѣхъ силъ духа; а мы, не только соблазняемъ ихъ предложеніемъ всякихъ удовольствій, но и проповѣдуемъ имъ о необходимости какъ можно раньше познакомиться со всѣми родами ихъ, участвовать въ нихъ какъ можно чаще, на-

ходя въ этомъ одинъ изъ путей просвѣщенія и способовъ развитія человѣка. Мы и достигаемъ этого развитія, но не въ дѣятельныхъ сплахъ молодыхъ людей, а въ навыкѣ, въ развитіи вкуса къ наслажденіямъ и потомъ въ жаждѣ удовольствій. По мѣрѣ учащенія удовольствій, умножаются часы, когда высшія силы духа остаются въ бездѣйствіи и праздности, а отъ этого онѣ тупѣютъ, теряютъ живость и легкость въ свойственной имъ дѣятельности, что подрываетъ и самую охоту къ занятіямъ. Отсюда происходитъ лѣнь къ занятіямъ научнымъ, обнаруживающаяся въ несправномъ носѣщеніи уроковъ,—отсюда страсть къ празднымъ разговорамъ и шумнымъ оргіямъ,—отсюда предъявленіе, со стороны молодыхъ людей, правъ на пользованіе всякаго рода удовольствіями, большею частію неоправдываемое ни дарованіями, ни заслугами, а только простымъ заявленіемъ, что и *мы умѣемъ наслаждаться*; отсюда происходитъ новое нравственное начало современныхъ судей, по которому они оправдываютъ воровъ тѣмъ, что и имъ желательно и нужно попользоваться удовольствіями жизни, хотя бы на чужой счетъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что и политическія волненія народныхъ массъ наиболѣе поддерживаются завистію къ людямъ достаточнымъ, происходящею отъ страсти къ наслажденіямъ. Вотъ прямыя послѣдствія узаконенія всякихъ удовольствій и наслаженій, какъ обязательнаго воздѣлыванія цѣлой полосы нашей жизни, какъ средства образованія человечества,—наконецъ какъ права, принадлежащаго равно всѣмъ, и даровитому и бездарному, и трудолюбивому и лѣнивому, и богатому и бѣдному. А мы еще смѣшимъ насильственно навязать всякія новозобрѣтенныя удовольствія нашему простому православному народу, еще и не помышляющему о нихъ, не соображающему ни съ умственными, ни съ нравственными силами. Отъ грубыхъ удовольствій, которыя замѣчаются въ немъ, мы можемъ отвлечь его только сообщеніемъ ему вѣрныхъ понятій о нихъ и нравственныхъ правилъ о возвышеніи духа, объ очищеніи сердца, о борьбѣ со страстями, а безъ этихъ условій всѣ утонченныя удовольствія, какія бы мы ни указали ему, онъ превратитъ въ гру-

быя и въ старымъ порокамъ только прибавитъ нѣсколько новыхъ.

Другая опасность, представляемая современными удовольствіями,—это потрясеніе въ обществѣ нравственныхъ основъ и главнымъ образомъ *цѣломудрія*. Что составляетъ защиту, охрану цѣлости и неповрежденности невинной души отъ грѣха? Страхъ грѣха, чувствительность совѣсти, стыдъ цѣломудрія. Господь указалъ намъ присутствіе грѣха даже въ одномъ *воззрѣніи съ возжеланіемъ* (Мат. 5, 28) именно потому, что подобное воззрѣніе, при невниманіи къ себѣ, часто повторяемое, открываетъ намъ путь къ предметамъ возжеланія и лишаетъ духъ нашъ внутренняго мира и безопасности. Что же производятъ въ насъ эти облагороженные картины чувственной красоты, столь обыкновенныя на современныхъ зрѣлищахъ? Онѣ сначала колеблютъ, а потомъ и разрываютъ тѣ тонкія завѣсы и покровы, которыми стыдъ цѣломудрія,—это благороднѣйшее свойство нашей души,—ограждаетъ и защищаетъ ее отъ вторженія въ воображеніе нечистыхъ представленій и отъ возбужденія въ сердцѣ страстныхъ возжеланій. Что же должно происходить съ душами христіанскими тамъ, гдѣ намѣренно устраняется всякая предосторожность и благоприличіе, на этихъ извѣстныхъ *всѣмъ языческихъ вечерахъ*, которые къ стыду нашему не только допускаются въ нашемъ христіанскомъ обществѣ, но еще пользуются и покровительствомъ, какъ собранія содѣйствующія просвѣтительному сближенію молодыхъ людей. Что должны производить въ сердцахъ юношей и дѣвицъ, по самому возрасту своему склонныхъ къ возбужденію страстей—это обнаженіе порока, эти необузданныя рѣчи, всѣ эти ухищренія, имѣющія цѣлюю представить въ привлекательномъ видѣ самыя постыдныя страсти? Здѣсь уже не колебаніе покрововъ цѣломудрія, здѣсь, по изрѣченію пророка Іереміи, *входитъ нравственная смерть во всю окна нашей души* (Іер. 9, 21); здѣсь ниспровергаются всѣ преграды, какія поставляютъ противъ вторженія зла въ души наши разумъ, совѣсть и сила воли, и цѣлыми массами вторгаются въ нихъ враги ихъ цѣлости, благоустройства и внутренняго мира. Увеселенія подобнаго рода, появляющіяся въ обществѣ не какъ случайныя

уклоненія отъ порядка правильной жизни, а какъ учрежденія имѣющія права гражданства, можно назвать не иначе, какъ намѣреннымъ развращеніемъ народа. Пройдите мысленно сверху до низу всю эту лѣстницу современныхъ увеселеній отъ облагороженныхъ до самыхъ грубыхъ, прибавьте въ этому современныя убѣжденія, что стыдливость есть предразсудокъ; что страстныя движенія сердца свойственны нашей природѣ и потому законны, такъ что и сдерживать ихъ не слѣдуетъ; что нравственныя приличія—пустыя выдумки; что чувство должно быть свободно; что вліяніе церкви на семейную жизнь излишне; что крѣпкія узы брачныхъ союзовъ стѣснительны; что для молодыхъ людей плотскія связи, хотя бы и преступныя, необходимы, --сообразите все это, и вы увидите, что и свободой проповѣданія этихъ ученій и покровительствомъ всякимъ увесилительнымъ учрежденіямъ, мы не только открываемъ, но какъ бы намѣренно углаживаемъ для народа всѣ пути къ его нравственному развращенію. Послѣ этого не удивляйтесь, что ваши образованныя дочери бѣгутъ изъ подъ роднаго крова невѣдомо куда и невѣдомо съ кѣмъ, что у васъ молодыя жены и мужья безъ жалости бросаютъ другъ друга, оставляя дѣтей на произволъ судьбы, что ваши сыновья вступаютъ въ преждевременные браки безъ вашего вѣдома и согласія къ униженію вашего семейства и рода. Но мы идемъ и дальше: мы и малыхъ дѣтей спѣшимъ ввести въ этотъ водоворотъ страстей, устроая для нихъ особыя собранія, по образу собраній для взрослыхъ, чтобы скорѣе дать имъ понять, что и они люди съ правами на современныя удовольствія, что и имъ надо спѣшить познакомиться съ чарующимъ блескомъ свѣтскихъ собраній, съ тщеславіемъ, волненіями зависти, страстію къ нарядамъ, выѣздамъ и, если не съ дѣйствительными пороками чувственности, до которыхъ они еще не доросли, то, по крайней мѣрѣ, съ внѣшними ихъ пріемами и съ мечтаніями о нихъ. Какъ благовременно нынѣ вспомнить намъ слова Спасителя нашего о страшной участи тѣхъ, кто соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ (Мѡ. 18, 6), когда сами родители спѣшаютъ изгнать дѣтей своихъ изъ ихъ рая невинности,

отнять у нихъ чистыя радости едва разцвѣтающей жизни; и замѣнить ихъ тѣми страстными увлеченіями, каѣмъ предаются сами.

Столь-же великую опасность удовольствія представляютъ и въ томъ отношеніи, что къ нимъ легко пріобрѣтаются навыки, незамѣтно *переходящіе въ страсти*. Наша чувственность жаждетъ удовольствій и всегда склонна къ ихъ повторенію и усиленію получаемыхъ отъ нихъ впечатлѣній. На повтореніи основывается павыкъ, на усиленіи впечатлѣній—увеличеніе жажды наслажденій; изъ того и другаго слагается страсть, или то страшное нравственное состояніе, въ которомъ духъ нашъ совершенно порабощается чувственности, со всеѣми своими высшими силами и стремленіями. Привыкните часто гулять съ извѣстными приспособленіями для увеличенія удовольствія,—и васъ по времени все будетъ чаще позывать на эти прогулки, и все труднѣе будетъ послѣ нихъ собираться съ мыслями и приниматься за дѣла требующія усиленнаго труда. Привыкните къ употребленію изысканной пищи, или къ употребленію ея въ большомъ количествѣ и вамъ по времени будетъ трудно соблюдать воздержаніе, или употреблять пищу простую и суровую, каковую даютъ нужда и бѣдность. Привыкните часто и много употреблять легкаго вина, и вы почувствуете потребность въ болѣе крѣпкомъ. Чѣмъ наши наслажденія сильнѣе раздражаютъ наши нервы и возбуждаютъ чувственныя потребности, тѣмъ страшнѣе къ нимъ павыкъ. Здѣсь настоящее мѣсторожденіе тѣхъ страстей, отъ которыхъ гибнетъ человѣчество: страсти къ азартнымъ играмъ, пьянства, сладострастія и другихъ. Здѣсь постепенно и незамѣтно воспитываются тѣ несчастные любители удовольствій, для которыхъ и жизнь не мила безъ привычныхъ наслажденій, которые готовы скорѣе разстаться съ нею, чѣмъ начать трудную борьбу съ пріобрѣтеннымъ навыкомъ. Отсюда выходятъ тѣ разорители состояній и бичи своихъ семействъ, для которыхъ не тяжелы слезы и страданія женъ, нищета и распущенность дѣтей, для которыхъ не страшна потеря добраго имени, не унижителенъ позоръ; отсюда выходятъ и тѣ преступники, для которыхъ не жаль ра-

зорить ближняго похищеніемъ его собственности и убить чело-
вѣка, лишь-бы найти средства для привычныхъ наслажденій. Вотъ здѣсь остановитесь и спросите: неужели есть грѣхъ—не-
винная игра, дающая пріятный отдыхъ, вино, назначенное при-
родою для нашего подкрѣпленія и увеселенія, любовь, для ко-
торой и созданъ человекъ? Отвѣтъ на одинъ изъ этихъ вопро-
совъ опять даетъ намъ Соломонъ, отвѣтъ разрѣшающій и все
другіе подобныя вопросы: *невинно вино, укоризненно пьянство.*
(Притч. 20, 1). Не винны все удовольствія дозволяемая совѣстію
и закономъ нравственнымъ, но преступно злоупотребленіе ими;
не они виновны, а мы всегда склонные по своей грѣшной при-
родѣ перейти въ употребленіи ихъ мѣру и поработить себя имъ.
И можно-ли не бояться суда Божія, которымъ Соломонъ желаетъ
остеречь юношу жаждущаго удовольствій, когда подъ ними скры-
вается пропасть, готовая поглотить неосторожныхъ?

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ одномъ затруднительномъ
нравственномъ состояніи, въ которомъ оказываются и добрые
христіане при современномъ порядкѣ пользованія удовольствіа-
ми: мы разумѣемъ увеселительныя собранія и зрѣлища въ пос-
ты и на канунѣ великихъ праздниковъ. Здѣсь также говорятъ:
„что за особенный грѣхъ провести въ великій постъ, или подъ
праздникъ вечеръ въ собраніи, гдѣ не дѣлается ничего противо-
законнаго и преступнаго?“ Въ этихъ вопросахъ видѣнъ тотъ-же
поверхностный взглядъ, тоже внѣшнее сопоставленіе явленій безъ
углубленія въ ихъ внутреннее значеніе. Но вы всмотритесь бли-
же въ то, что вы дѣлаете. Вы вѣруете не въ идоловъ, которые
слѣпы, и для которыхъ все равно, чтобы вы ни дѣлали; вы вѣ-
руете въ Бога живаго, всевидящаго, любящаго васъ и безкорыст-
но ищущаго вашей любви для вашего спасенія и блаженства.
Онъ смотритъ на ваше колебаніе между исполненіемъ обязанно-
сти по отношенію къ Нему и требованіями свѣта, или вашей
собственной склонности: Ему противно ваше малодушіе, для Не-
го оскорбительна ваша измѣна. Вспомните какъ вы поступаете
въ подобныхъ случаяхъ по отношенію къ вашимъ ближнимъ: ес-

ли вы въ несчастіи и горести,—вы нейдете на праздничное собраніе у любимаго вами семейства, чтобы не огорчить радующихся выраженіемъ печали на лицѣ вашемъ; когда вы чтите память умершаго дорогаго для васъ человѣка, тогда вы соблюдаете вашъ по немъ трауръ и отказываетесь не только отъ общественныхъ, но и отъ частныхъ увеселительныхъ собраній. По какому закону вы поступаете въ этихъ случаяхъ? Конечно по самому возвышеннѣйшему изъ законовъ,—по закону любви. Но откуда въ васъ эти прекрасныя свойства и проявленія любви? Конечно отъ Бога, Который одинъ есть Любовь. Зачѣмъ-же вы къ Нему именно такъ несправедливы, что Ему одному отказываете въ этихъ проявленіяхъ любви, что въ тѣ дни и часы, въ которые Онъ желаетъ видѣть васъ у Себя, вы бѣжите отъ Него въ собранія не для Него и не во славу Его учрежденныя, а составляющія иногда уничиженіе, и даже поруганіе Его Святаго Имени? Развѣ это можетъ не оскорблять Его? Развѣ ангелы и святые Божіи, наши покровители и молитвенники, къ которымъ мы иногда съ такими горькими слезами прибѣгаемъ въ несчастіяхъ,—развѣ они за насъ предъ Богомъ не стыдятся? Вспомните эти скорбныя слова, сказанныя Христомъ Спасителемъ въ страшную ночь предъ Его страданіями, когда Онъ, послѣ своей молитвы, пришелъ къ уснувшимъ Апостоламъ: *тако-ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?* (Мѡ. 26, 40). Но они только уснули, и при томъ отъ немощи и утомленія; они только не смогли совершить подвига бдѣнія и молитвы въ часы душевной тоски своего Учителя и оставили Его одного, а не промѣняли пребыванія съ Нимъ на увеселенія, которыхъ, вѣроятно, въ эту ночь было много въ большомъ городѣ Іерусалимѣ,—но и это огорчило нашего Господа. Что-же дѣлаемъ мы? На кого мы Его мѣняемъ? Куда мы бѣжимъ отъ Него въ часы бдѣнія и молитвы? И еще спрашиваемъ: какой въ этомъ грѣхъ?—Здѣсь много грѣховъ: грѣхъ легкомыслія, грѣхъ неблагодарности къ Богу, грѣхъ забвенія о томъ духовномъ царствѣ, котораго мы состоимъ членами, т. е. Церкви, гдѣ замѣчаютъ наше отсутствіе; грѣхъ нрав-

ственного разслабленія, по которому не можемъ провести нѣсколько недѣль поста безъ изысканныхъ удовольствій; наконецъ, грѣхъ отупленія нравственнаго чувства, о которыхъ свидѣлствуютъ нашъ смѣхъ, рукоплесканія и клики восторговъ на зрѣлищахъ въ часы церковныхъ торжествъ, или покаянной печали и слезъ. И вотъ что удивительно,—при этомъ мы заботимся о благѣ нашихъ семействъ, о благѣ отечества, съ полною надеждою все необходимое для нихъ имѣть, какъ будто всѣ роды благъ могутъ быть нами получаемы откуда нибудь, кромѣ Господа Бога, Котораго мы неблаговременными публичными собраніями всенародно оскорбляемъ. Но исторія свидѣлствуетъ, что общественныя бѣдствія и посылаются правдою Божіею преимущественно за открытое, всенародное уничиженіе имени Божія. На всѣ софизмы и извороты, которыми мы въ этихъ случаяхъ себя оправдываемъ, отвѣчаетъ намъ строгое слово святаго Апостола Павла: „не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что похвѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ“. (Галат. 6, 7).

Заклучимъ наше размышленіе послѣднимъ наставленіемъ Соломона, которымъ онъ оканчиваетъ и свои сѣтованія о суетѣ жизни человѣческой: „бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка“ (Эккл. 12, 13). Но какъ это строгое наставленіе ветхозавѣтнаго учителя согласить съ нашею естественною и неосуждаемою закономъ склонностію къ земнымъ утѣшеніямъ и удовольствіямъ, и соединить въ одномъ краткомъ правилѣ и благоговѣніе къ закону и дозволеніе удовольствій? Въ этомъ руководствуютъ насъ проповѣдники Евангелія, обѣщающіе намъ еще въ этой жизни предвкушеніе радостей Царствія Божія въ духовныхъ утѣшеніяхъ. *Царствіе Божіе*, говоритъ Апостоль Павелъ, *есть правда, и миръ, и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17). А такъ какъ и природа есть Царство Божіе, и христіане суть народъ Божій, то вмѣстѣ съ дарами духовными и все, что есть лучшаго, чистаго, благороднаго въ мірѣ земномъ.—свободою христіанскою открыто намъ для наслажденія, но подъ условіемъ, чтобы наслажденія наши не нару-

шали нашей внутренней правоты предъ Богомъ, и ира совѣсти, и не дѣлали нашего сердца недостойнымъ и неспособнымъ къ утѣщеніямъ благодати Божіей. Аминь.

ПОСТЕПЕННОЕ ОТПАДЕНІЕ

ХРИСТИАНСКАГО ЗАПАДА ОТЪ ПРАВОСЛАВІЯ *).

I.

Въ теченіе восьми вѣковъ западъ былъ православнымъ.

Почему же онъ отпалъ отъ православія?

Потому что римскій епископъ, въ восьмомъ столѣтіи, усвоилъ себѣ власть высочайшую, всемірную; потому что епископъ этотъ пожертвовалъ святымъ ученіемъ въ угоду своему честолюбію и для *легальнаго* основанія своего деспотизма.

Возстановленіе западной римской имперіи при Карломанѣ было эпохою основанія—деспотизма римскаго епископа или эпохою основанія панства.

Первоначально римскій епископъ былъ признаваемъ всѣми только первымъ среди патріарховъ; онъ пользовался, подобно остальнымъ патріархамъ, извѣстными преимуществами въ своей патріархіи; старался подчинить нѣкоторыя западныя церкви своему патріархату; но встрѣчалъ еще сильное сопротивленіе со стороны наиболѣе выдающихся западныхъ епископовъ; онъ не смѣлъ еще провозгласить себя ихъ главою; онъ говорилъ съ ними во имя лишь каноновъ, охранять которые онъ обязанъ былъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, по причинѣ важности своего престола.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда домъ Инниновъ почувствовалъ надобность въ высокомъ авторитетѣ римскаго епис-

*) Статья написана по-французски редакторомъ L'Union Chrétienne, Др-мъ Владиміромъ Гете.

вопа для освященія въ глазахъ народа своего похищенія царскаго престола. Римскіе епископы вошли въ виды этого дома. И вотъ заключень былъ тѣсный союзъ между ними и Пипинами. Отсюда то и возникла *Римская имперія* карловинговъ и папство.

Разъ будучи основано, папство должно было подумать о всеобщемъ его признаніи, должно было позаботиться о томъ, чтобы стать необходимымъ и твердо поставленнымъ.

Для достиженія этой цѣли всѣ средства ему казались пригодными.

Первымъ изъ этихъ, употребленныхъ папствомъ средствъ было провозглашеніе себя превыше соборовъ, даже вселенскихъ. Но вдругъ папство не могло навязать всѣмъ этого ученія. Даже въ половинѣ среднихъ вѣковъ Гербертъ, ставшій позже папою подъ именемъ Сильвестра II, писалъ Сегюину, епископу санскому, слѣдующее: „я смѣло говорю, что еслибы даже епископъ римскій сталъ учить несогласно съ вами и, не смотря на предостереженіе, не захотѣлъ бы подчиниться церкви, то долженъ, согласно съ заповѣдью Божіею, *быть признанъ язычникомъ и мытаремъ*“.

Дѣло столь важное, какъ православіе, не могло заглохнуть вдругъ въ великихъ и древнихъ церквахъ, и вотъ почему остатки или воспоминанія о немъ можно встрѣчать во всѣ послѣдующія вѣка, послѣ восьмага вѣка. Даже папы по временамъ вынуждался оказывать ему свое уваженіе. Такъ Иннокентій III, основатель схизмы, существующей до настоящихъ поръ между христіанскимъ Востокомъ и Западомъ, писалъ по поводу развода Филиппа Августа, короля французскаго, съ своею женою: „Еслибы я осмѣлился рѣшить это дѣло безъ соборной власти, то совершилъ бы преступленіе и рисковалъ бы быть низложеннымъ всею церковію“.

Но папы выражались подобнымъ образомъ только въ извѣстныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и это нѣсколько не мѣшало имъ заявлять притязанія на верховенство въ церкви и признавать себя превыше соборовъ. А въ тоже время не мѣшало имъ становиться все болѣе и болѣе враждебными ко всякаго рода соборамъ, какъ признасть это кардиналъ Зарабелла, въ своемъ *трактатѣ*

о схизмѣ. „Существовало, говоритъ онъ, древнее обыкновеніе рѣшать всѣ важныя и трудныя дѣла на соборахъ и собираться часто по поводу церковныхъ дѣлъ; но съ теченіемъ времени нѣкоторые папы, замѣнивъ духъ церкви политикою слѣпыхъ міра сего, стали пренебрегать этими священными собраніями и причинили церкви величайшій вредъ“. Зарабелла оплакиваетъ затѣмъ ослѣпленіе папъ, которые, бывъ обольщены льстецами, усвоили себѣ власть безпредѣльную и похитили права епископовъ.

Можно сказать, что во всѣ вѣка были люди, апеллировавшіе противъ папъ во имя древняго православія.

Другой кардиналъ, Николай де-Куза, въ сочиненіи своемъ подъ названіемъ; „*Catolическое согласіе (Concordance catholique)*“, доказываетъ верховенство вселенскихъ соборовъ и отсюда выводитъ обязанность папъ подчиняться имъ. Онъ признаетъ, что епископы, на основаніи церковныхъ законовъ могутъ протестовать противъ похищенія ихъ правъ папами.

Вполнѣ признавая папство, то есть, центральную власть въ церкви, Николай де-Куза не признаетъ однакоже эту власть принадлежащею исключительно только римскому епископу. Въ случаяхъ, когда бы этотъ епископъ оказался недостойнымъ, власть его можно ввѣрить какому либо другому епископу, напримѣръ трирскому, который сталъ бы такимъ образомъ законнымъ преемникомъ св. Петра.

Очевидно, что эту теорію православіе оспаривало, такъ сказать, самую сущность папскаго института.

Ришеръ, одинъ изъ послѣднихъ защитниковъ православія на западѣ, говоритъ въ своей *Апологии Жерсона*: „Если папа превышаетъ собора, то вселенскіе соборы ошибались и были схизматическими, потому что они освятили соборное управленіе въ церкви. Кардиналъ де-Лорренъ, делегатъ на Тридентскомъ соборѣ, даже говорилъ, что во Франціи сочли бы еретиками тѣхъ, которые признали бы папу превыше собора.“

Такова была эпоха истиннаго галликанизма (французскаго церковнаго духа), бывшаго только остаткомъ первобытнаго православія.

Въ эту эпоху галликанцы не хотѣли еще признать папу непогрѣшимымъ и не позволяли ему предсѣдательствовать на вселенскомъ соборѣ съ властію превышающею власть церкви; они требовали, чтобы древнее каноническое право первобытной церкви было сохранено во всей силѣ, чтобы епископы были признаваемы во главѣ своихъ церквей по праву божественному, чтобы поставленіе епископовъ совершалось согласно съ древними обычаями и опредѣленіями вселенскихъ соборовъ. Констанскій и Базельскій соборы были органами этихъ галликанцевъ, и на засѣданіяхъ этихъ соборовъ было постановлено, что соборъ выше папы.

Разумѣется папы постоянно возставали противъ подобнаго ученія; такъ наприм., при посредствѣ своихъ горячихъ сторонниковъ, они употребили невѣроятныя усилія ослабить опредѣленіе шестого вселенскаго собора, осудившаго Гонорія, епископа римскаго, какъ поборника моноелитской ереси. Шестой соборъ, осудившій ученіе Гонорія, осудилъ также и его лично и исключилъ изъ диптиховъ его имя. Соборное опредѣленіе составлено въ присутствіи и съ согласія делегатовъ отъ римскаго епископа. Да и самъ римскій епископъ Агафонъ писалъ собору, что онъ тоже осудилъ своего предшественника. Левъ II и Адрианъ II, равнымъ образомъ, принимали это опредѣленіе, утвержденное на седьмомъ соборѣ и затѣмъ на засѣданіяхъ собора, провозглашеннаго Римомъ восьмымъ вселенскимъ соборомъ.

Особенно Беллярминъ выдавался между защитниками Гонорія; онъ даже изобрѣлъ доказательство, по которому вселенскіе соборы не были непогрѣшимыми въ *вопросахъ, касающихся фактовъ**. Римъ осудилъ это ученіе, когда еретикъ западной церкви, яansenеты, старался найти въ немъ средство для избѣжанія папскаго порицанія въ отношеніи къ *факту* пяти положеній ихъ

*) Различіе *ученія* отъ *факта* основывается на томъ предположеніи, что можно по неосторожности, по ошибкѣ и по другимъ причинамъ высказать ложное ученіе, но въ тоже время уважать истинное ученіе; словомъ, можно *ошибаться*, или *неправильно быть понятымъ*; но въ тоже время не быть въ дѣйствительности *еретикомъ*, и слѣд. быть свободнымъ отъ соборнаго осужденія.

вѣроученія, признанныхъ Римомъ еретическими и извлеченныхъ изъ сочиненія Янсена: Augustinus. Вопросъ въ этомъ случаѣ всецѣло касался факта, но папа призналъ за собою право рѣшить его окончательно; между тѣмъ, какъ по Беллармину, даже вселенскій соборъ не имѣлъ права рѣшать вопроса о фактѣ въ отношеніи къ Гонорію. Но шестой вселенскій соборъ осудилъ и фактъ и самое ученіе Гонорія; и никогда никакія іезуитскія увертки не будутъ въ состояніи перерѣшить опредѣленіе шестаго вселенскаго собора, опредѣленіе приведенное въ исполненіе римскими епископами, еще не считавшими себя тогда *папами*.

Это опредѣленіе шестаго собора до такой степени противорѣчило притязаніямъ Рима, въ отношеніи къ соборамъ, что римская курія запретила изданіе *Дневника* (Liber Diurnus), составленнаго уже въ семнадцатомъ вѣкѣ Голштеніемъ, и запретила по слѣдующимъ причинамъ.

Liber Diurnus Romanorum Pontificum или *Дневникъ римскихъ первосвященниковъ* есть любопытный памятникъ семнадцатаго вѣка. Книга эта есть сборникъ, содержащій въ себѣ, между другими предметами, образчики писемъ, которыми пользовались римскіе епископы, когда писали письма къ князьямъ, пріамсамъ и епископамъ. Образчики этихъ писемъ представляютъ рѣзкій контрастъ между древнимъ и новымъ обыкновеніемъ папъ писать письма. Въ образчикахъ можно также находить формулы для утвержденія новопоставляемыхъ епископовъ субъурбанскихъ (пригородныхъ), то есть, подчиненныхъ непосредственному приматству Рима. Но въ нихъ нельзя найти ни одной формулы ни для возведенія въ епископское достоинство всѣхъ другихъ лицъ какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, ни для утвержденія митрополитовъ въ ихъ преимуществахъ, — доказательство очевидное, что до седьмаго вѣка римскіе епископы еще не претендовали на присвоеніе себѣ правъ поставленія епископовъ въ чужихъ епархіяхъ, не стоявшихъ въ отношеніи къ нимъ въ непосредственной зависимости (suburbicaines). Для Рима было очень важно поэтому уничтожить сборникъ, въ которомъ можно было находить открытое исповѣданіе вѣры

римскихъ епископовъ, исповѣданіе того, что они принимали шесть вселенскихъ соборовъ, бывшихъ до седьмага вѣка, и признавали анафемѣ произнесенную на Гонорія.

Когда Голштеній началъ печатать *Liber Diurnus*, издатель этой книги послалъ три первые листа ученому де-Марка, епископу парижскому. Въ то же время и Римъ, чрезъ посредство Целіо Шиколомини, французскаго нунція, употребилъ все усилія, чтобы добыть эти три листа и затѣмъ запретилъ самое изданіе. Изъ всего изданія сохранился только одинъ экземпляръ въ секретныхъ архивахъ Ватикана, вмѣстѣ съ рукописью, которою пользовался Голштеній. И книгу, и рукопись можно было видѣть въ Парижѣ, при Наполеонѣ 1-мъ, когда Ватиканскій архивъ былъ перевезенъ въ столицу Франціи.

Иезуиты тоже владѣли рукописью этого сочиненія въ своей библіотекѣ Коллегіи Клермана въ Парижѣ. Отецъ Гарнье издалъ эту рукопись въ 1680 году.

Очень замѣчательно, что именно иезуитъ издалъ въ свѣтъ сочиненіе, которое Римъ хотѣлъ предать самому глубокому забвенію. Такимъ образомъ ультрамонтанство само доставило оружіе для своего пораженія.

Мы уже замѣчали, что православіе проявлялось иногда даже у нѣкоторыхъ папъ. Такъ, Адріанъ VI, будучи профессоромъ въ г. Левенъ, училъ въ своихъ: *Вопросы на четвертую книгу мѣтній*. (*Questions sur le quatrième livre des Sentences*), что папа можетъ ошибаться, потому что многіе папы, говоритъ онъ, были еретиками, какъ, между прочимъ, Іоаннъ XXII. Возведенный затѣмъ на римскій престолъ, Адріанъ перепечаталъ свое сочиненіе безъ всякаго измѣненія.

Но папы, оказывавшіе невольное уваженіе православію, были рѣдки. Почти все они были страшными врагами православія, и для усилннѣйшаго искорененія его, постоянно проводили мысль о своей личной непогрѣшимости во всехъ своихъ рѣчахъ и во всемъ своемъ поведеніи.

Для достиженія же еще большаго успѣха въ дѣлѣ уничтоженія

православія на Западѣ, они намѣренно преувеличили значеніе своей власти и вознесли ее превыше всякой временной, или мірской власти.

II.

Папство употребило величайшія усилія, чтобы доказать, что духовная власть, которую оно присвоаетъ себѣ, выше всякой мірской власти. Хорошо понимая, что свѣтская власть служитъ величайшимъ препятствіемъ въ существованіи папскихъ плановъ всемірнаго господства, папы рѣшились унижить и подчинить ее себѣ.

Иисусъ Христосъ сказалъ своимъ апостоламъ: „Царство Мое не отъ міра сего“. Сатана сказалъ Христу: „Я дамъ Тебѣ всѣ царства міра, если Ты поклонишься мнѣ“.

Папы забыли слово Иисуса Христа и приняли предложеніе сатаны господствовать надъ всѣми царствами міра.

Когда святой Григорій 1-й писалъ императору Маврикію, то выражался: „Я, недостойный служитель, обращающійся съ рѣчью къ моимъ господамъ, что такое я какъ не прахъ и не червь?“ Пусть же сравнятъ этотъ образъ выраженія съ выраженіями Григорія VII, Венедикта VIII, Григорія IX, Сикста V и многихъ другихъ, не исключая даже Пія IX, и тогда ясно поймутъ путь, пройденный папствомъ, послѣ того какъ оно забыло преданія древнихъ патріарховъ Рима.

Въ средніе вѣка думали доказать папскую власть, пользуясь аллегоріею двухъ небесныхъ свѣтилъ, появляющихся днемъ и ночью. Григорій IX декретомъ своимъ объявилъ, что папская власть—это солнце, а царская власть—это луна, заимствующая свой свѣтъ отъ солнца. Различіе между двумя планетами указываетъ на различіе, существующее между папствомъ и царствомъ. Папствованіе на столько выше царствованія, на сколько солнце выше луны. Чтобы сообщить особенную важность этому превосходству, комментаторы этой декретаріи Григорія IV ссылались даже на знаменитаго географа Итоломея, который ужъ никоимъ образомъ не могъ подозрѣвать, что его авторитетомъ будутъ пользоваться для подтвержденія подобнаго рода ученія.

Папство надѣялось достигнуть всемірнаго господства при посредствѣ возстановленія западной имперіи; Карломанъ и его домъ представлялись ему очень податливыми для осуществленія этихъ видовъ. Но событія разрушили эти увлекательныя надежды. Вопреки всѣмъ усиліямъ закрѣпить за собою *прямую* власть надъ государствами, папы встрѣтили столь сильное сопротивленіе, что сами вынуждены были смириться предъ *непрямой* властію государей. Тѣмъ не менѣе папы всегда усвоили себѣ *in petto* прямую власть надъ всѣми царствами міра.

Беллярминъ, сдѣлавшій такъ много въ пользу ультрамонтанства, былъ однакоже осужденъ за одно лишь, впрочемъ очень ясное ученіе о томъ, что власть папъ надъ государствами — *непрямая*. Сикстъ V не простилъ ему отрицанія того, что папа есть прямой владыка царствъ всего міра. Самъ Беллярминъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи, тоже подтверждаетъ и историкъ его Фюлигате. Много разъ потомъ іезуиты пытались причислить къ лику святыхъ своего отца Беллярмина, но всѣ ихъ попытки сокрушались предъ упреками, дѣлаемыми кардиналами ученію Беллярмина. Въ частности его упрекали въ томъ, что онъ училъ только о непрямой папской власти надъ міромъ; признавалъ важное значеніе соборовъ для искорененія ересей; утверждалъ, что папы и вселенскіе соборы не непогрѣшимы въ вопросахъ, касающихся фактовъ; училъ, наконецъ, что освобожденіе церковныхъ имуществъ и церковныхъ лицъ отъ обложенія сборами и податями основывается на правѣ церковномъ, а не на правѣ Божественномъ.

Впрочемъ, послѣднее ученіе не принадлежитъ Беллярмину.

Когда папство наталкивалось на факты, которымъ не могло противустоять, оно уступало имъ; но въ сущности папы только притворялись въ этихъ случаяхъ. Такъ поступило напр. папство, когда при всемъ своемъ желаніи не осмѣлилось отлучить отъ церкви германскихъ князей, секуляризовавшихъ по опредѣленію Вестфальскаго трактата епископства и аббатства въ пользу протестантовъ.

Но когда папство было сильно, оно протестовало, и если опасно было протестовать открыто, то протестовало, но крайней мѣрѣ, тайно; обыкновенно тогда папы подписывали буллы, которыя затѣмъ сдавались въ секретные архивы Ватикана. Такъ именно поступилъ Климентъ XIII; не осмѣливаясь открыто протестовать противъ рѣшенія объ изгнаніи іезуитовъ изъ Франціи, онъ *уничтожилъ это рѣшеніе* парламента секретною буллою, данною 5 сентября 1764 г.

Непрерывная протестація противъ свѣтской власти папъ на Западѣ была только воспоминаніемъ о прежнемъ православіи. Если она была живѣе, чѣмъ протестація противъ духовнаго деспотизма, то это зависѣло отъ того, что въ ней принимали непосредственное участіе свѣтскіе князья.

Теперь же, когда православіе, вслѣдствіе тысячелѣтняго вытравленія на Западѣ, совершенно уничтожено въ нѣдрахъ римской церкви, западные богословы утверждаютъ, что папа обладаетъ безусловною властію какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ отношеніяхъ. Правда, эта гнусная ересь, въ наше время мало находитъ послѣдователей; всѣ усилія богослововъ распространить ее обазываются ничтожными предъ всеобщимъ индифферентизмомъ и невозможностію осуществить ее на практикѣ; тѣмъ не менѣе истинно то, что ересь эта существуетъ.

Исторія борьбы съ этою ересью есть наглядная исторія усилій сохранить старинное православіе, но въ то же время она свидѣтельствуетъ и о томъ, что православіе на Западѣ находится въ падшемъ состояніи.

Еще въ началѣ семнадцатаго вѣка Сарди спрашивалъ: Если папа есть монархъ надъ монархами, то какъ случилось то, что въ первые вѣка столько святыхъ первосвященниковъ не пользовались своею властію? Белларминъ отвѣтилъ: Невѣрные и еретическіе цари были тогда лишь терцимы, потому что церковь не была достаточно сильною, чтобы низложить ихъ; но еслибы она имѣла тогда силу, то могла и даже должна была бы лишить ихъ престола, лишь бы только правила благоразумія этому не мѣшали *).

*) Bellarm. De Potesta Summi Pontificis in temporal. С. II

Беллярминъ, въ эпоху когда жилъ, могъ говорить совершенно свободно. Самые могущественные государи соглашались тогда съ папою, и во Франціи Лига, безъ всякаго притворства, осуществляла на практикѣ папское ученіе. Но позже по *благоразумію* часто притворялись, будто бы этого ученія совсѣмъ не существуетъ; его скрывали подъ тяжелымъ покровомъ; но что говорили Беллярминъ, было именно то, что думали и что думаютъ еще и теперь папы и ихъ приверженцы.

Для созданія своего могущества и для закрѣпленія своего господства надъ совѣстію людей и надъ всею жизнью ихъ, папы прибѣгали къ средствамъ, извѣстнымъ подъ именемъ: отрѣшенія отъ должности (*suspenses*), запрещенія (*interdits*), порицанія (*censures*), отлученія (*excommunications*). Всѣ эти средства папы расточали, когда того требовало *благоразуміе* и когда надобно было подавить такъ часто обнаруживавшіяся православныя стремленія, даже въ половинѣ среднихъ вѣковъ. Петръ Даміани былъ болѣе православнымъ, чѣмъ большинство высокопоставленныхъ лицъ его времени, а потому писалъ смѣлыя письма папѣ Александру II, очень расточительно на анафемы противъ людей, незаслуживавшихъ ихъ. Эти очевидныя воспоминанія о прежнемъ православіи, исходившія даже отъ лицъ высокоуважаемыхъ въ римской церкви, не остановили однакоже папъ, и они предались затѣмъ полнѣйшей воздержности въ дѣлѣ расточенія тяжелыхъ наказаній всѣмъ, невиновавшимся имъ.

Отлучительная булла, изданная Климентомъ VI противъ Людовика Баварскаго, содержитъ въ себѣ слѣдующія страшныя проклятія: „Да падетъ гнѣвъ небесный на тебя въ этой и будущей жизни; да поглотитъ тебя живымъ земля“!... Квинтъ-эссемція этихъ пріятныхъ благопожеланій находится въ знаменитыхъ буллахъ, или буллѣ извѣстной, подъ именемъ *in Coena Domini*, потому что булла эта читается въ четвергъ страстной седмицы. Первымъ авторомъ ея былъ Пій V, прежній инквизиторъ, а затѣмъ причисленный Римомъ къ лику святыхъ. Булла эта, изданная въ 1566 году, была затѣмъ послѣдовательно

дополняема Павломъ V и Урбаномъ VIII. Булла поражаетъ отлученіемъ всѣхъ князей, налагающихъ новыя подати безъ позволенія папы, а также доставляющихъ вооруженную помощь невѣрнымъ.

Очевидно, что подѣ этими двумя предлогами папы создавали для себя возможность возмущать народы противъ своихъ государей при введеніи новыхъ налоговъ и поражать своихъ противниковъ, если они оказывались невѣрными папамъ.

Франція, долѣе сохранявшая православіе, чѣмъ другіе западные народы, отказалась принять буллу *in Coena Domini*. Одинъ этотъ отказъ помѣстилъ ее въ число невѣрныхъ и отлученныхъ государствъ, по прямому смыслу этой буллы. И такъ не понятно, почему папы продолжали находиться въ сношеніяхъ съ Франціей. Вотъ доказательство, среди тысячи другихъ, что папство смѣется надъ всякимъ ученіемъ, даже надъ своимъ собственнымъ, когда какой-либо интересъ побуждаетъ его къ этому.

Климентъ XIV, уничтожившій іезуитское общество, за что добрые отцы іезуиты отравили его ядомъ *для большей славы Божіей*, уничтожилъ также обыкновеніе читать каждый годъ буллу *in Coena Domini*, но ученіе буллы осталось всегдашнимъ ученіемъ римскаго двора и его защитниковъ. При Наполеонѣ I-мъ, когда нѣкоторые богословскіе факультеты обратились къ кардиналу Комбасересу съ вопросомъ по поводу императорскаго брачнаго развода, разрѣшаемаго только папою, то изъ Рима уполномочили кардинала не только совершить разводъ, но и въ частности ему дали права снять съ французовъ отлученіе за нарушеніе буллы *in Coena Domini*. И такъ булла сохраняетъ полную силу только въ Римѣ, а современные ультрамонтанскіе канонисты во Франціи нисколько не стѣсняются утверждать, что она обязательна для каждаго католика.

Чтобы утвердить свои притязанія на церковный абсолютизмъ и на свое верховенство надъ всѣмъ мірскимъ, папы прибѣгали къ различнымъ средствамъ, съ которыми полезно познакомиться въ слѣдующемъ общемъ очеркѣ.

III.

Мы твердо установили тотъ фактъ, что папство, присвоивъ безусловную власть въ сферѣ духовной и заявивъ притязаніе на абсолютизмъ въ мірскихъ дѣлахъ, этимъ нанесло смертельный ударъ православію. Въ самомъ дѣлѣ, только вслѣдствіе усвоенной себѣ власти, папы наложили на западную церковь иго нововведеній и мало по малу лишили ихъ православія.

Чтобы заглушить протесты, проявлявшіеся по временамъ у различныхъ народовъ, папы прибѣгали ко множеству разнообразныхъ средствъ, съ которыми не бесполезно будетъ познакомиться.

Прежде всего папы усвоили себѣ власть надъ нравственными законами и заявили притязаніе на *разрѣшеніе* всѣхъ отъ исполненія этихъ законовъ.

Преимущественно со временъ четвертаго Латеранскаго собора, бывшаго въ 1215 году, папы присвоили себѣ эту власть или это право. Они пользовались имъ преимущественно въ отношеніи къ государямъ, у которыхъ искали защиты или какой-либо милости. Право *разрѣшенія* наиболѣе способствовало къ усиленію папскаго могущества. Всѣ желавшіе уклониться отъ исполненія извѣстныхъ законовъ считали себя счастливыми, когда находили легкое средство къ этому въ папскомъ разрѣшеніи.

Кромѣ того, въ каждой діоцезіи епископъ обязанъ былъ успокоивать совѣсть людей, давая всѣмъ понять, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно приобрѣтать *разрѣшеніе* отъ исполненія закона.

Мало этого. Папство создало изъ *этого разрѣшенія* особенный институтъ. Папа разрѣшалъ потому, что считалъ себя превыше законовъ. Онъ разрѣшалъ за деньги отъ исполненія всѣхъ безъ исключенія законовъ, и Римъ даже въ наши дни владѣетъ особаго рода каталогомъ, въ которомъ различнаго рода разрѣшенія, допускаемыя Римомъ, подведены подъ опредѣленную таксу. Монашескія конгрегаціи, снабженныя этими разрѣшеніями, имѣютъ своихъ агентовъ даже за границею; эти агенты появляются и во

Франціи и обнародываютъ разрѣшенія по установленной цѣнѣ. Посредствомъ небольшого количества денегъ можно получить разрѣшеніе отъ всѣхъ обязанностей. Въ силу этого разрѣшенія всякій законъ перестаетъ быть обязательнымъ.

Само собою понятно, что подобнаго рода средствами папство распространило свое вліяніе на все христіанское общество, въ которомъ такъ много есть людей, желающихъ разрѣшить себя отъ исполненія самыхъ прямыхъ своихъ обязанностей. Вѣдь очень удобно имѣть подъ руками владыку закона, который за сходную сумму денегъ можетъ освободить людей отъ исполненія ихъ обязанностей. И ужъ надобно вовсе не имѣть денегъ, чтобы оставаться вѣрнымъ своему долгу.

Рядомъ съ разрѣшеніями существуютъ еще *индульгенціи*.

Въ первенствующей церкви пользовались *индульгенціею* (снисходительностію) въ отношеніи къ грѣшникамъ, переносившимъ съ особеннымъ усердіемъ наложенное на нихъ публичное покаяніе.

Разумѣется, эта первоначальная индульгенція не имѣетъ никакого сходства съ папскими индульгенціями. Папскія индульгенціи суть полныя отпущенія грѣховъ за деньги, полное освобожденіе отъ публичнаго покаянія, которое было нѣкогда налагаемо за извѣстные явные грѣхи, и въ тоже время полное освобожденіе отъ всѣхъ наказаній, которыя, по смыслу римскаго ученія, Господь Богъ можетъ временно налагать въ жизни будущей. Итакъ папа усвоаетъ себѣ право обладанія Божественнымъ правосудіемъ, и Самъ Богъ долженъ подчиняться папскимъ рѣшеніямъ.

Съ цѣлію сдѣлать эти индульгенціи болѣе желательными для своихъ послѣдователей, папство измыслило чистилище, т. е. мѣсто мученій, въ которомъ Господу Богу угодно мучить людей за грѣхи простительные и легкіе, или мѣсто, въ которомъ возможно совершить заглаженіе грѣховъ, не совершенное въ этой жизни.

Папство пожаловало себя правомъ сокращать время чистилищныхъ мученій посредствомъ частныхъ индульгенцій, и даже совершенно отмѣнять ихъ посредствомъ индульгенцій полныхъ.

Всѣ эти индульгенціи соединялись съ извѣстными обрядами,

съ извѣстными молитвами; всегда сопровождались болѣе или менѣе значительнымъ вознагражденіемъ, разумѣется по средствамъ и имущественному положенію каждаго пріобрѣтавшаго ихъ.

Въ трактатахъ объ индульгенціяхъ можно читать до какихъ злоупотребленій доведено было присвоенное себѣ папамъ право раздачи ихъ. Продажу индульгенцій умножали до безконечности. Папы становились тѣмъ болѣе щедрыми на нихъ, что въ индульгенціяхъ видѣли средство усилить свое могущество, свое непрерывное вліяніе на западную церковь, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить свои доходы.

Что-же касается нечестиваго и преступнаго ученія, скрытаго подъ теоріею индульгенцій, то къ нему столько привыкли въ папской Церкви, что это трудно даже и представить себѣ. Католики вѣрятъ, что папское слово освящаетъ все.

Юбилеями назывались дни всеобщихъ индульгенцій. Бонифаций VIII, въ 1300 году, установилъ столѣтніе юбилей. Климентъ VI, въ 1349 г., опредѣлилъ существованіе юбилеевъ въ каждое пятидесятилѣтіе. Съ тѣхъ поръ ихъ постоянно умножали, и наконецъ юбилей сталъ возможнымъ всегда, когда только папѣ хотѣлось обнародывать его. Юбилей сдѣлался средствомъ пріобрѣтенія громаднхъ денегъ. Всѣ желавшіе воспользоваться милостями великихъ или всеобщихъ индульгенцій вносили денежное вознагражденіе. Всѣ эти маленькія вознагражденія, какъ маленькіе ручейки, текли въ Римъ и тамъ составляли собою огромную рѣку, изъ которой утоляли жажду папа и всѣ его прелаты и монсиньоры, посмѣиваясь въ то же время надъ добрыми людьми, вѣрующими въ индульгенцію и во всѣ подобнаго рода вещи.

Чтобы распространить свою власть надъ церковію еще болѣе, папы объявили себя господами литургіи.

Въ древнихъ литургіяхъ сохранилось много православія. Надобно было тщательно истребить его въ нихъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Нѣкогда общественное моленіе (collecte) или молитва въ римскій праздникъ кафедры св. Петра, 18 января, начиналась слѣдующи-

ми словами: „*Deus, qui Beato Petro apostolo tuo, collatis clavibus regni coelestis animas ligandi atque solvendi pontificum tradidisti*“ (т. е. Боже, передавшій блаженному Петру, апостолу Твоему, посвященство посредствомъ врученія ему ключей Царствія Небеснаго для связыванія и разрѣшенія *душъ*...). Это общественное моленіе находится также въ служебникѣ Геласія и св. Григорія. Но съ тѣхъ поръ какъ образовалось папство, оно уничтожило слово *душъ* (*animas*), означавшее конечно то, что Іисусъ Христосъ далъ св. Петру одну лишь власть духовную. Говоря-же *о власти вязать и рѣшать* вообще, въ общемъ смыслѣ, папы пріобрѣтали возможность сообщить своей власти болѣе широкій смыслъ. Это и случилось на самомъ дѣлѣ.

Евангеліе въ среду на четвертой недѣлѣ великаго поста въ римской церкви начиналось слѣдующими словами:

„Іисусъ, посмотрѣвъ на учениковъ, сказалъ Симону Петру: если братъ твой согрѣшитъ противъ тебя, скажи Церкви...“. Судя по контексту, очевидно, Іисусъ Христосъ училъ, что Симонъ Петръ, подобно остальнымъ апостоламъ, долженъ признавать правиломъ для себя рѣшеніе *Церкви*. Въ самомъ дѣлѣ, именно этотъ смыслъ заключается въ словахъ Христовыхъ, изложенныхъ въ XVIII главѣ евангелиста Матфея, стихъ 15—18.

Но папы, заявивъ притязаніе на верховенство въ церкви, извратили контекстъ рѣчи, подававшій мысль о томъ, что апостоль Петръ, подобно остальнымъ апостоламъ, долженъ подчиняться рѣшенію Церкви.

Вотъ самый простой способъ исказить смыслъ Евангелія. Уже давно папы не питаютъ уваженія въ Евангелію, какъ и ко всему прочему, и ихъ богословы уже давно привыкли извращать смыслъ священнаго Писанія.

Въ житіи папы Евсевія, 14 августа, говорилось, что папа *уступилъ аріанскому вѣроломству*. Слова эти постарались уничтожить, потому что они подавали мысль о томъ, что папа былъ обманутъ.

Въ древнихъ наставленіяхъ о церковныхъ службахъ Льва II,

упоминалось о Гоноріѣ, какъ о *моновелитѣ*. Слово *Гонорій* уничтожили, чтобы не подавать мысли о томъ, что папа можетъ быть еретикомъ.

Таковыми-то поступками мало по малу было уничтожено въ литургическихъ книгахъ все, что могло противорѣчить папству.

Однимъ также изъ употребительныхъ папскихъ средствъ для увѣренія всѣхъ въ своей всемірной власти, было со стороны папъ установленіе *аннатъ*, т. е. налоговъ, которые всѣ церкви должны были ежегодно вносить папскому двору. Правда, происходили постоянные протесты противъ этихъ налоговъ, но основаніе ихъ было положено и всегда поддерживаемо Римомъ.

Существовали также безчисленные протесты противъ титуловъ, помощью которыхъ папы старались распространить самыя ложныя понятія о своей власти. Извѣстно, что они усвоили себѣ исключительное право на названіе *папы*, *викарія Іисуса Христа*, *верховнаго первосвященника*, съ цѣлію увѣрить всѣхъ, что они одни должны быть признаваемы *отцами всѣхъ вѣрующихъ*; что они одни облечены всѣми правами, принадлежащими Іисусу Христу; что они одни обладаютъ первосвященствомъ верховнымъ, изъ котораго проистекаетъ христіанское священство и епископство, какъ изъ своего источника.

Равнымъ образомъ и изъ своей римской церкви они постарались сдѣлать *мать и госпожу* всѣхъ другихъ церквей.

Несмотря на многочисленные протесты, вызванные этими неправославными титулами, папы сохранили ихъ за собою и дѣло окончилось тѣмъ, что папамъ стали усвоить ихъ даже тѣ богословы, которые сохранили еще нѣкоторое воспоминаніе о православіи, какъ это случилось напр., въ церкви галликанской (французской), выродившейся со временъ царствованія Людовика XIV.

IV.

Перенесеніе церковныхъ дѣлъ для окончательнаго рѣшенія въ Римъ было тоже однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ, употреблен-

ныхъ папами для расширенія своей власти въ ущербъ древней церковной дисциплинѣ и Божественному управленію Церкви.

Соборы Никейскій и Антиохійскій установили правила для веденія церковныхъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что дѣла, внесенныя на разсмотрѣніе въ первую инстанцію епархіальнаго суда, могутъ быть переносимы апелляціоннымъ порядкомъ на соборы помѣстные и слѣдовательно могутъ быть рѣшаемы судомъ митрополитскимъ; но вслѣдствіе системы захвата, папы постарались сообщить особенную силу новому правилу, по которому Римъ рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи всѣ церковныя дѣла во всемъ мірѣ, а потому безъ всякой посредствующей инстанціи, *omisso medio*, Римъ можетъ требовать для разсмотрѣнія всѣ дѣла, и всѣ жалующіеся могутъ прямо обращаться къ нему съ своими апелляціями.

Съ системою этого захвата связывается:

1. Выраженіе: *по собственной воли, proprio motu*, помѣщаемое обыкновенно во многихъ буллахъ и подающее мысль о томъ, что папа дѣйствуетъ со всею полнотою безпредѣльной власти, ни съ кѣмъ не совѣтуется, всегда поступаетъ свободно и Церковь должна сообразоваться съ рѣшеніями его воли. Это выраженіе, получившее начало, кажется, во время спора изъ-за инвеституры, всегда было ненавистнымъ во Франціи и часто было отвергаемо со всею силою.

2. Епископская присяга предъ папою. Формула этой присяги помѣщена въ архіерейскомъ римскомъ чинопослѣдованіи и всегда возбуждала противъ себя справедливыя и многочисленныя порицанія. По смыслу этой присяги, каждый епископъ обязанъ, между прочимъ, чрезъ каждые три года отправляться въ Римъ; обязанъ защищать *владѣнія* святаго отца отъ всякаго нападенія, на сколько это позволяетъ его званіе и положеніе; обязанъ никому не открывать *тайнъ*, повѣряемыхъ ему папами или непосредственно, или чрезъ нунціевъ и пр. „Я буду заботиться, говоритъ епископъ, о сохраненіи, умноженіи и возрастаніи *правъ, почестей, притязаній и власти* господина нашего папы и его преемниковъ“. Епископъ клянется далѣе всѣми своими силами сохранять и дру-

гихъ приводить въ сохраненію *декретовъ, приказаній, распоряженій, предостереженій, повелѣній*, исходящихъ отъ римскаго двора; клянется преслѣдовать и поражать, на сколько это будетъ возможно, всѣхъ еретиковъ и схизматиковъ, и вообще каждаго, кто только не оказываетъ папѣ должнаго повиновенія и проч.

3. Формула: *милостію святаго апостольскаго престола*, употребляемая въ наше время большинствомъ епископовъ. Часто печатали, что архіепископъ Никосійскій, въ 1215 году, первый сталъ употреблять эту формулу. Захарія нашелъ ее даже въ одиннадцатомъ вѣкѣ въ завѣщаніи Амата Ньюзеанскаго, епископа *in hierpinis* *). Согласимся признать за нимъ это рѣдкое открытіе; во всякомъ случаѣ остается достовѣрнымъ, что въ теченіи болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ формула не была извѣстна въ церкви. Людовикъ д-Эрверри, возведенный на Кутанскую кафедру, въ 1347 году, былъ, говорятъ, первымъ изъ французскихъ епископовъ, употреблявшихъ ее въ заглавіяхъ своихъ распоряженій, вмѣсто обычной у его предшественниковъ формулы *humilis minister ecclesiae Constantiensis* **) (т. е. смиренный предстоятель Кутанской церкви). Многие епископы и мірскіе начальники не одобряли эту употребительную теперь формулу изъ опасенія, что она нарушаетъ право избранія, которое принадлежало нѣкогда каноникамъ каждой вакантной кафедры по простому позволенію короля и безъ всякаго извѣщенія объ этомъ папы, въ отношеніи къ которому избранный довольствовался только составленіемъ общественной грамоты, вслѣдъ за своимъ нареченіемъ ***). Формула *милостію святаго престола* предполагаетъ, что избраніе епископовъ зависитъ отъ полнѣйшаго папскаго произвола, хотя епископская власть по своему происхожденію небесная, потому что епископы замѣняютъ собою апостоловъ, получившихъ свою миссію отъ самого Іисуса Христа, и хотя въ священныя книги говорится, что епископы поставляются *Духомъ Святымъ для управленія Церковію*. Павлионъ, епископъ Алет-

*) См. его латинскія разсужденія о церковныхъ древностяхъ. Foligeno, 1781, t. II.

**) *Abrégé de la Vie des eveques de Coutances*, par Rouaut, curé de Saint-Pair, in—12. Coutances, 1742, p. 245.

***) *Ibid.* p. 250.

скій, когда обратили его вниманіе на это, уничтожилъ эту формулу, Боссюэтъ называлъ себя епископомъ по Божественному изволенію, и придавалъ своей справедливой формулѣ большую важность.

4) Преимущественно же уничтоженіе митрополичьяго управленія нанесло глубокую рану древней церковной дисциплинѣ. Общество политическое имѣетъ право *) избирать челоуѣка или нѣсколькихъ людей, которымъ ввѣряетъ свои временные интересы. Это же право, по самымъ уважительнымъ причинамъ, должно принадлежать обществу духовному; потому что ничто болѣе совѣсти не должно быть свободнымъ въ ея отношеніяхъ къ Божеству, а равно и въ выборѣ людей, которыми она хочетъ быть духовно управляема. Правила и обычаи первенствующей Церкви, касающіеся образа замѣщенія церковныхъ должностей и избранія пастырей, согласнымъ рѣшеніемъ епископа и народа, основываются на правѣ естественномъ, на правѣ Божественномъ и на апостольскомъ преданіи. Вселенскій Никейскій соборъ, въ 325 году, постановилъ, чтобы посвященіе и поставленіе епископовъ совершалось епископами помѣстной церкви во главѣ съ своимъ митрополитомъ.

Разрушеніе государствъ въ средніе вѣка отъ нашествія варваровъ, постоянныя войны и продолжительные безпорядки, со стороны феодальныхъ тирановъ, произвели и въ церковной администраціи анархію, противъ которой соборы вели упорную борьбу; постепенно сначала — вѣрующіе, потомъ простые священники, а далѣе и приходскіе священники были лишены права участвовать въ избраніи епископовъ; это право исключительно присвоило себѣ кафедральное духовенство. Жалобы по этому поводу были перенесены на разсмотрѣніе Латеранскаго собора, въ 1139 году, и соборъ возвратилъ бѣлому (*clergè séculier*) и монашествующему (*régulier*) духовенству, но не всѣмъ вообще вѣрующимъ право участія въ этомъ избраніи. Вскорѣ послѣ этого оно окончательно было присвоено кафедральнымъ духовенствомъ (*chapitres cothédraux*) и князьямъ. Впрочемъ, поставленіе властію митрополита еще удерж-

*) Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду общество вновь возникающее, или же такое, въ которомъ нѣтъ прочно установленной власти.

живалось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и даже въ нѣкоторыхъ странахъ, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, пока наконецъ Римъ, постепенно, подъ разными предлогами, не уничтожилъ это право, и власть митрополита превратилась затѣмъ только въ почетный титулъ.

Съ восьмага вѣка, пожалованіе *pallium'a* (омофора), стало еще однимъ изъ средствъ, или лучше—одною изъ ловкихъ мѣръ, помощію которыхъ была ослаблена власть митрополита *), хотя издревле, съ момента хиротоніи, *pallium* составлялъ собою принадлежность архіерейскаго облаченія, и ношеніе его при богослуженіи не требовало авторизаціи со стороны Рима. Но вслѣдствіе новаго папскаго захвата чужихъ правъ, митрополитамъ приказано было дожидать пожалованія *pallium'a*, который въ римскомъ архіерейскомъ служебникѣ названъ по этому *восполненіемъ* архіепископской власти, хотя до нашихъ дней еще никто не могъ объяснить сущность этого мнимаго восполненія **); потому что *pallium* по своему первоначальному происхожденію, составлялъ облаченіе, римскихъ императоровъ ***) и, кромѣ своего таинственнаго значенія, не заключаетъ въ себѣ никакой особенной духовной власти.

Одинъ ученый богословъ XIV-го столѣтія, Іоаннъ Мажоръ, съ негодованіемъ разсуждаетъ о папскомъ развратномъ духовенствѣ, такъ какъ говорить о немъ иначе—это означало бы округлять четверугольникъ или превращать кругъ въ четверугольникъ, что въ нравственномъ смыслѣ было бы рѣшеніемъ не разрѣшимой математической задачи о квадратурѣ круга. Не удивляйтесь, добавляетъ этотъ богословъ, тому, что подобное духовенство возноситъ папу превыше собора, созываемаго вообще рѣдко и не раздающаго церковныхъ должностей; папа же напротивъ жалуетъ это духовенство, однимъ онъ даруетъ *pallium*; другимъ—

*) *Histoire du droit public ecclesiastique français* (par du Boulay), in 8-o. Londres; 1740, t. II p. 247.

**) См. о введеніи *pallium'a*, de Marca de concordia и пр. I. VI, cap. VI. Brallion, *pallium archiepisc.* in-8-o. Paris, 1648. Ruinart, *Opera posthuma*, t. III. Morin, de sacris ordinat., p. 220 и слѣд.

***) Другіе съ большею справедливостью производятъ омофоръ отъ Ларонова зѣзда.

епископство *in partibus*; инымъ—украшеніе, требуемое тщеславіемъ, какъ напр. право наряжаться въ фіолетовый или красный цвѣтъ, усвояемый по непонятнымъ причинамъ извѣстнымъ представителямъ церкви.

Апрѣля 23 дня 1791 года, Римъ предоставилъ архіепископу пражскому, изъ фамиліи Сальмовъ, право участвовать при коронованіи римскаго короля въ красной кардинальской одеждѣ, за исключеніемъ возложенія на себя берета (головнаго убора *); не могло-ли это подстрекнуть въ прелатѣ любовь къ красному цвѣту и не должно-ли было заставить его просить папу о предоставленіи ему права одѣваться подобнымъ образомъ во всю свою жизнь? Папа, письмомъ отъ 7 декабря того-же года, отказалъ архіепископу въ этомъ, потому что, говорилъ онъ, и другіе нѣмецкіе прелаты и особенно преемники просителя на пражской кафедрѣ, захотятъ пользоваться такою-же милостію; онъ совѣтовалъ архіепископу лучше предпочитать блескъ добродѣтелей всякаго рода виѣшнимъ украшеніямъ **). Совѣтъ благоразумный, но почему его не дали съ самаго начала?

Первоначально кардиналы были настоятелями различныхъ городскихъ приходо́въ. Теперь-же они еще члены священной коллегіи, носящіе лишь титулъ какой-либо римской церкви. До французской революціи, во многихъ епископальныхъ городахъ Франціи, приходскіе священники тоже пользовались титуломъ *настоятелей кардиналовъ*.

Въ первые вѣка, смиренные приходскіе священники Рима и не думали о томъ, что когда-то ихъ преемники превратятся въ князей, съ исключительнымъ названіемъ кардиналовъ; не думали, что это достоинство для цѣлой толпы церковнослужителей сдѣлается двигателемъ и предѣломъ честолюбія. Кардинальство стало предметомъ искательства до такой степени, что можно видѣть даже одного турецкаго императора, домогавшагося кардинальской шапки для архіепископа Цибо. Объ этомъ фактѣ упоминается въ пе-

*) Архивы Рима, корреспонденція Пія VI, XVII годъ его папствованія, р. 83.

***) См. *Extrait de la Correspondance officielle de Pie VI*, fol. 149.

репискѣ Александра VI съ Баязетомъ II. Султанъ пишетъ, что онъ уже обращался съ подобною просьбою къ Иннокентію VIII, и Иннокентій обѣщаль исполнить ее; но его смерть помѣшала исполненію обѣщанія, а потому Баязеть снова *проситъ* преемника его Александра VI, сдѣлать Цпбо кардиналомъ *). Кардинальская присяга предъ папою составлена съ цѣлію какъ-бы изъять въ нѣ-которомъ смыслѣ кардиналовъ изъ ихъ національности, чтобы всецѣло посвятить ихъ римскому двору. Можно стать кардиналомъ и въ то же время оставаться чуждымъ римской іерархіи; существенно-же кардинальскій институтъ состоитъ изъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ; такова истина, возвѣщенная Тридентскимъ соборомъ; итакъ канонически кардиналы могутъ участвовать въ управленіи церковію только въ званіи діаконовъ, священниковъ и епископовъ. Около конца XII столѣтія, они усвоили себѣ исключительное право избранія папъ. до этого времени избиравшихся согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, т. е. всѣмъ клиромъ и народомъ. Отсюда возникли эти конклавы, на которыхъ, говоря словами кардинала Полпняка, первоначально избирались обыкновенно люди наиболѣе достойные, а подъ конецъ—всего менѣе предполагаемые **).

Кардинальскій институтъ, учрежденіе чисто человѣческое, захватилъ въ свои руки всѣ права іерархіи. Кардиналь діаконь стоитъ выше архіепископовъ, епископовъ, и въ ихъ присутствіи благословляетъ народъ. Бранкаціо, дѣйствительный членъ священной-коллегіи, вслѣдъ за Паецомъ, говорилъ, что священникъ даже во время совершенія литургіи не долженъ въ присутствіи кардинала-діакона благословлять народъ, не испросивши тайно у кардинала позволенія на это. ***) А Петръ де-Целле причисляетъ, кажется, авансомъ къ лику святыхъ всѣхъ кардиналовъ, называя

*) Fundgruben etc., или Mines de l'Orient, in-fol. Vienne, t. V, p. 183 и сл.

**) Рукописное донесеніе кардинала Поляньяка объ избраніи Бенедикта XIII, въ 1724 г.: это донесеніе очень любопытно. См. les Mémoires du cardinal de Retz, et ceux de l'abbé de Coulanges, родственника M-me de Savigne, изд. въ Парижѣ, 1819 г.

***) См. Fr. M. Brancatii Dissertationes, in 4° Roma, 1672, de Benedictione diaconali. p. 259.

ихъ сенаторами неба (coeli senatores). Докторъ Стефано Валентино находитъ это ученіе превосходнымъ, потому что, говоритъ онъ, на кардиналахъ „основывается наша вѣра и вѣра всей церкви“. Вслѣдъ за этимъ онъ представляетъ и доказательство: „Не говорится-ли въ первой книгѣ Царствъ, главѣ II: (Господь) „престолъ славы дастъ въ наслѣдіе вельможамъ; ибо у Господа основаніе земли, и Онъ утвердилъ на нихъ вселенную?“ Подобною силою доказательствъ отлпчается все сочиненіе Валентино *).

Римскій пурпуръ покрываетъ людей, выдающихся по своимъ добродѣтелямъ и по своимъ познаніямъ, а также людей занимающихъ видное мѣсто въ религіозныхъ спискахъ и въ лѣтописяхъ литературы.

Но если кардинальское достоинство даруется иногда въ награду за заслуги, то какъ часто оно награждаетъ собою лести и интригу! Въ консисторіи папа сначала закрываетъ, а потомъ открываетъ уста новоизбраннаго *кардинала*. Безъ сомнѣнія, эта церемонія имѣетъ смыслъ эмблематическій. Ахъ, какъ часто кардинальскую шпалку предлагаютъ только для того, чтобы этимъ открыть или закрыть уста намѣченнаго кардинала! Знаменитый Арнольдъ, если-бы былъ честолюбивымъ, могъ-бы имѣть ее; но извѣстно за какую цѣну! **) Сфондратъ и Эгюиръ, менѣе щекотливые (délicats), писали противъ четырехъ членовъ французской церкви, и въ награду за это были украшены пурпуромъ. Воссюэтъ-же, редакторъ этихъ четырехъ членовъ, не имѣлъ пурпура; но его преемникъ Бисси былъ украшенъ имъ,—тотъ самый Бисси, который, будучи епископомъ Тулонскимъ, позволилъ семинаристамъ читать „Богословскія наставленія“ отца Iuénin'a, сочиненіе въ то время очень распространенное; и который, ставши епископомъ Мосекпмъ, обнародовалъ пастырское посланіе для осужденія этого сочиненія; тотъ самый Бисси, который изобрѣлъ два рода церковной вѣры, одну для людей простыхъ, а другую для

*) См. Joseph Stevano Valentino, de adoratione pedum romani pontificis. in—12. Venetiae, 1578, на оборотѣ листа 59.

**) См. Traité de l'origine des cardinaux du Saint Siège, in—12. Cologne, 1665, des legats à lalatere etc., ibid. p. 36 и слѣд.

ученыхъ; тотъ самый, который писалъ папѣ назойливыя письма, чтобы возвестъ въ кардинальское достоинство пресловутаго аббата Дюбоа; тотъ самый, который... Но долженъ ли Бисси такъ долго останавливаться на себѣ наше вниманіе?

Герцогъ Сень-Симонъ рѣшалъ вопросъ о томъ, полезно-ли для Франціи имѣть французскихъ кардиналовъ, и пришелъ къ отрицательнымъ выводамъ. Вопросъ объ этомъ былъ возбуждаемъ и на одномъ соборѣ, но затѣмъ оставленъ.

Все вышесказанное, естественно, побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о легатахъ, нунціяхъ и посланническихъ должностяхъ. Бернардъ Клервосскій писалъ императору Фридриху I-му, что кардиналы не проповѣдники, а корсары. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыя эпохи они заявляли притязанія до крайности преувеличенныя, такъ что понадобилось издать законъ о томъ, что незаконнорожденные дѣти не могутъ быть усыновляемы съ тою цѣлію, чтобы стать законными наследниками имущества, должностей, правъ и преимуществъ своихъ усыновителей, потому что папа не имѣетъ никакихъ правъ въ мірскихъ дѣлахъ. Авторъ сочиненія о *Началѣ кардиналовъ и легатовъ à latere*, приходитъ въ негодованіе оттого, что епископы, уважаемые въ Римѣ менѣе, чѣмъ простые *домовые священники* во Франціи, всегда должны вставать въ присутствіи кардиналовъ и занимать послѣднее мѣсто послѣ этихъ высокопреосвященствъ *). Онъ желалъ-бы, чтобы въ отношеніи къ этому обыкновенію записались индифферентизмомъ великаго архіепископа Прагскаго Варооломея Мартира **).

Воздавая должную хвалу великимъ услугамъ, оказаннымъ римской церкви монашескими орденами и свѣтскими конгрегаціями; заявляя открыто, что во Франціи, наиболѣе выродившіеся ордена, до совершеннаго уничтоженія ихъ, могли еще съ честію указать на своихъ членовъ, выдающихся по своему благочестію и своимъ талантамъ: позволительно однако-же сказать, что за исключеніемъ бенедиктинцевъ, ораторіанцевъ, премонстрантовъ, законоучителей

*) *Tracté de l'origine des cardinaux du Saint Siège*, in—12. Cologne, 1665, des legats a latere etc. *ibid.* p. 36 и слѣд.

***) См. Richer, *Traité de l'appel d'abus*, t. II, p. 280 и слѣд.

и небольшой части другаго духовенства, ультромонтанскія возрѣнія прославляются и проповѣдуются во всемъ католическомъ мірѣ, и преимущественно нищенствующими монахами и іезуитами, этимъ безчисленнымъ папскимъ воинствомъ, всецѣло преданнымъ Риму. Этому то воинству Римъ по преимуществу даруетъ привилегіи и разнаго рода права разрѣшать все, посредствомъ этого воинства уничтожаетъ епископскую юрисдикцію, безнаказанно противорѣчить этой юрисдикціи и пренебрегаетъ ею. Эти монахи сами называютъ себя *папскимъ ополченіемъ* *) и сравниваютъ папскій престолъ съ престоломъ Іисуса Христа **). При посредствѣ именно ихъ обезображены и попораны въ католическомъ мірѣ истинныя іерархическія начала. Епископы, преемники апостоловъ, поставленные для *управленія Церковію Божіею*, превращены теперь въ папскихъ делегатовъ. Богословское образованіе ведется преимущественно въ духѣ этихъ идей; по смыслу этого ученія, глава церкви является какимъ-то полубогомъ, рѣшеніямъ котораго надобно усвоить такую-же силу, какъ и заповѣдямъ Того, Котораго онъ есть первый викарій. Беррье усволяетъ папѣ *исключительную власть на учительство* и называетъ его епископомъ епископовъ, епископомъ вселенской церкви. А развѣ въ коллегіи Клермонской, іезуиты не утверждали, что папа, подобно Іисусу Христу, обладаетъ непогрѣшимостію какъ въ отношеніи къ вопросамъ, касающимся фактовъ, такъ и въ отношеніи къ вопросамъ, касающимся правъ? Кольбертъ, епископъ Монпелье, написалъ даже сочиненіе противъ этого ученія, такъ какъ, по смыслу этого ученія, надобно вѣрить папскимъ рѣшеніямъ также, какъ вѣрятъ присутствію Іисуса Христа въ Евхаристіи ***).

Таковы-то средства, помощію которыхъ христіанскіе умы, по своему невѣжеству воспріимчивые ко всякаго рода заблужденіямъ, отуманиваются и наполняются въ католическомъ мірѣ столькими ложными понятіями!

*) См. Sacchi, Hist Societ. Jes., L. IV, n° 3.

***) См. Sanctarel, de hoeresi shismate et de potestate sum. pontif. prop. 3.

***) См. Oeuvres de M. Colbert, évêque de Montpellier, preface. I-re partie. p. 6.

Въ теченіе восьми вѣковъ, римская церковь, управлявшаяся на основаніи Св. Ипсанія, преданія, соборовъ, а не буллъ, бревѣ, рескриптовъ и изрѣченій живаго оракула, — стала затѣмъ управляться *ложными декретами*, о которыхъ говорятъ, что онѣ для Рима тоже, что талмудъ для синагоги; этими то подложными документами причинили міру величайшее зло. Крайности зла вызвали противоядіе, даже прежде чѣмъ образованіе, вооруженное правилами критики, доказало неподлинность декреталій. Соборы Констанскій и Базельскій и не подозрѣвали ихъ апокрифическаго характера. Если-бы этотъ обманъ былъ пзвѣстенъ соборамъ, то, безъ сомнѣнія, въ этомъ обстоятельствѣ, они нашли-бы защиту и огражденіе своихъ правъ противъ папскихъ захватовъ; знаніе всего этого доставило-бы новое оружіе п Жерсону, самому знаменитому изъ отцевъ Констанскаго собора, славѣ галиканской церкви какъ по своему благочестію и мужеству, такъ и по сочиненіямъ.

Хотя ложныя декреталіи уже давно отвергнуты на Западѣ, но онѣ и теперь еще оказываютъ гибельное вліяніе на католическій міръ, посяянными ими предразсудками и заблужденіями, а также конкордатами, помощію которыхъ свѣтскія правительства старались уменьшить зло, не пытя мужества вырвать его съ корнемъ. Отецъ Шиаризи въ одномъ анонимномъ сочиненіи своемъ, *) перечисляетъ эти конкордаты или мировыя сдѣлки, всегда столь любимыя римскимъ дворомъ, потому что, при посредствѣ ихъ, Римъ всегда сохраняетъ за собою какіе-либо обломки изъ своихъ притязаній и усвоенныхъ имъ себѣ привилегій, какъ нѣчто ему дѣйствительно принадлежащее, и въ тоже время выставляетъ условія конкордатовъ, какъ доказательство милости и благорасположенности съ своей стороны; но Римъ всегда называлъ вполнѣ *послушными* лишь тѣ страны, съ которыми не было надобности заключать подобнаго рода мировыхъ сдѣлокъ. Итакъ, очевидно, что ультрамонтанская система составляетъ собою цѣлое, коего части, научнымъ образомъ сопоставленныя, зпждутся на разрушенныхъ уже

*) См. Giannone da Campi-Elisi, ovvero conferenze segrete etc. In-8° 1791, p. 66 и слѣд.

фундаментахъ. Представленный нами очеркъ указываетъ все средства, употребленныя папами для достиженія своей завѣтной цѣли, т. е., для достиженія прямого или непрямого господства свѣтскаго и для достиженія владычества духовнаго,—указываетъ также и то, какъ папы совсѣмъ выступали за предѣлы, намѣченныя церковнымъ благоустройствомъ. Писатели, являющіеся защитниками папскихъ притязаній, обыкновенно доказываютъ папское право самымъ фактомъ существованія его на опытѣ. вмѣстѣ съ этимъ акты незаконныя и разрозненныя становятся для нихъ законными документами; на основаніи ихъ они обобщаютъ заключенія и возводятъ эти заключенія въ принципы, а отсюда уже приходятъ къ своимъ достойнымъ сожалѣнія выводамъ.

(Продолженіе будетъ)

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе).

II.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1823 года Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ окончилъ полный курсъ ученія въ кievской духовной академіи и былъ выпущенъ изъ нея *первымъ* магистромъ. — Такимъ образомъ, протоіерей Остромысленскій, магистръ четвертаго курса кievской духовной академіи, былъ совершенно правъ, когда въ своемъ привѣтствіи кievской духовной академіи, въ день ея пятидесятилѣтняго юбилея, говорилъ: „Преосвященный Иннокентій — твой *первенецъ*, Академія; кто не знаетъ его?“ — Дѣйствительно, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ имѣлъ полное право назваться *первенцемъ* кievской духовной академіи въ обширномъ смыслѣ этого слова: и *по времени* своего образованія, и *по достоинству* своихъ успѣховъ и даже, наконецъ, *по мѣсту*, занятому имъ въ спискѣ своихъ товарищей при окончаніи курса. Въ настоящее время мы не можемъ понять только одного обстоятельства. Изъ товарищей Ивана Алексѣевича Борисова шесть человѣкъ, менѣе его даровитыхъ и способныхъ, были оставлены при академіи бакалаврами и заняли вакантныя кафедры: Платонъ Ставровъ — по исторіи и по теоріи проповѣдничества, Карпъ Грузинъ — по философіи, Василій Орловъ — по греческому языку, Андрей Граниковъ — по французскому языку, Иванъ Грузинъ — по еврейскому языку и Алексѣй Шокотовъ — по философіи и богословію; а первенецъ академіи, общій любимецъ — и студентовъ, и профессоровъ, гениальный и разумный Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, — оказался для кievской духовной ака-

деміи человѣкомъ излишнимъ и совершенно ненужнымъ. Что было причиною этого непонятнаго явленія,—личная-ли недоброжелательность и нерасположенность къ нему кого-либо изъ начальствующихъ лицъ академіи или предпочтеніе гениальности и дарованія трудолюбиваго усердія и видимой скромности поведенія, которой близорукіе цѣнители Борисова, повидимому, не усматривали въ его всегда живомъ и открытомъ характерѣ,—мы не знаемъ.—Знаемъ только, что по окончаніи курса Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ при академіи оставленъ не былъ. 28-го августа 1823 года онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка въ с.-петербургскую духовную семинарію. Конечно, въ матеріальномъ отношеніи Борисовъ потерялъ въ этомъ случаѣ не много. Служба при академіи въ то время не была особенно привлекательною въ этомъ отношеніи. Были примѣры, что преподаватели академіи нерѣдко оставляли свою академическую службу для семинарской или епархіальной, какъ поступилъ, между прочимъ, и бывшій совмѣстникъ Борисова—Ставровъ. Быть же профессоромъ-инспекторомъ первостолычной семинаріи едва ли даже не было выгоднѣе академическаго профессорства въ Кіевѣ. Мы знаемъ, что такою же должностію началъ свою карьеру и великій святитель русской Церкви—митрополитъ Московскій Филаретъ. Неудобство было только въ одномъ: преподаваніе въ семинаріи да еще такого сухаго предмета, какъ греческій языкъ, дѣйствительно, было „малымъ кругомъ для усердной ревности“ такого человѣка, какъ Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ.

Впрочемъ, кругъ дѣятельности Борисова вскорѣ же по приѣздѣ его въ Петербургъ не замедлилъ значительно расшириться. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ назначенія его инспекторомъ и профессоромъ с.-петербургской духовной семинаріи, именно 15-го ноября того же 1823 года, онъ былъ опредѣленъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ректоромъ Александровскихъ духовныхъ училищъ. Здѣсь-то 10-го декабря того же года онъ принялъ и монашество съ именемъ Иннокентія и въ тотъ же день былъ рукоположенъ во іеродіакона, а чрезъ три недѣли (именно 29-го декабря того же года)—и во іеромонаха.

Съ этого времени начинается быстрое и непрерывно продолжавшееся возвышеніе Иннокентія по службѣ. Ему дѣлаютъ разныя важныя ученныя порученія, но и надлежащимъ образомъ оцѣниваютъ его труды. Такъ, 16-го октября 1824 года за усердіе и успѣхи по училищной службѣ Иннокентій былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, а 16-го декабря того-же года былъ переведенъ уже бакалавромъ богословскихъ наукъ въ с.-петербургскую духовную академію. Въ слѣдующемъ (1825) году за ревностное и дѣятельное исполненіе своихъ должностей онъ былъ награжденъ единовременною выдачею ему 500 рублей (26-го августа), затѣмъ опредѣленъ инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи и членомъ внѣшняго академическаго правленія (2-го сентября), а чрезъ три недѣли (24-го сентября) утвержденъ и дѣйствительнымъ членомъ академической конференціи. 6-го января 1826 года, за отличное преподаваніе богословскихъ уроковъ Иннокентій былъ возведенъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора богословскихъ наукъ, а 16-го марта того же года за отлично-усердную службу по академіи — въ санъ архимандрита хотя и безъ настоятельской вакансіи, но съ присвоеніемъ ему лично степени 3-го класса.

Такое быстрое повышеніе, говоритъ одинъ изъ преемниковъ Иннокентія по академической службѣ *), свидѣтельствовало уже о заслугахъ награждаемаго, а еще болѣе о тѣхъ надеждахъ, какія онъ подавалъ. — И дѣйствительно, Иннокентій не только оправдалъ, но и превзошелъ всѣ возлагавшіяся на него надежды и ожиданія. Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся онъ за свой трудъ и скоро, какъ профессоръ, рѣшительно затмилъ своими лекціями всѣхъ своихъ сотоварищей и положительно увлекъ студентовъ. Лекціи эти онъ обыкновенно преподавалъ наизусть, безъ всякой помощи тетрадокъ, съ жаромъ, съ воодушевленіемъ, голосомъ чистымъ и звучнымъ, рѣчью живою, свободною, часто разговорною, но всегда изящною и въ высшей степени общепонятною. Въ с.-петербургской духовной академіи ему выпалъ жребій изъяснять студентамъ сперва обличительное богословіе, потомъ богословіе основное,

*) Вѣнокъ стр. 22.

т. е., тѣ именно изъ богословскихъ наукъ, которыя въ дѣлѣ религіи наиболѣе даютъ простора человѣческому разуму и гдѣ молодой профессоръ, во всемъ объемѣ, могъ обнаружить блестящія стороны своего таланта и своего образованія: свѣтлость и нерѣдко оригинальность взгляда на важнѣйшіе вопросы науки, быстроту и проницательность въ соображеніяхъ, непроборимую діалектику разсудка и близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ на западѣ не только богословія, но и философіи. Краткія записки по той и другой наукѣ, какія преподавалъ Иннокентій, были потомъ составлены самими студентами и мало-по-малу распространились почти по всѣмъ семинаріямъ, въ которыхъ профессорствовали ученики Иннокентія, такъ что еще недавно ихъ можно было встрѣтить въ разныхъ семинаріяхъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ, конечно, видѣ.

Да, Иннокентій, какъ профессоръ, надолго оставилъ по себѣ память въ нашемъ школьномъ мірѣ своими богословскими лекціями, которыя въ Петербургѣ, какъ потомъ и въ Кіевѣ, не только производили обаяніе на слушателей, но и возбуждали громкій говоръ въ разныхъ сферахъ тогдашняго русскаго общества. Оно почуяло въ нихъ новое, живое, одухотворяющее вѣяніе христіанской истины; его увлекалъ и необычайный до толѣ тонъ лекцій Иннокентія и новизна его воззрѣній. Академическія лекціи Иннокентія отличались вообще смѣлостію, даже нѣкоторою самонадѣянностію теоретической мысли, новымъ оригинальнымъ отношеніемъ къ нѣкоторымъ вопросамъ богословской науки и живымъ, часто поэтическимъ изложеніемъ богословскихъ трактатовъ, особенно представлявшимся заманчивымъ послѣ сухаго латинскаго изложенія схоластическихъ богословскихъ системъ. Не отступая отъ плана богословской системы, начертаннаго еще великимъ умомъ московскаго святителя митрополита Филарета въ его „Обозрѣніи богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ“, Иннокентій однако-же умѣлъ сосредоточивать свое вниманіе на такихъ вопросахъ, которые открывали ему широкое поле для свободныхъ построений мысли и для сужденій естественнаго соображенія. При разборѣ такихъ вопросовъ, благодаря широкимъ и остроумнымъ анало-

гіямъ и сближеніямъ, предъ слушателями открывался новый горизонтъ; они знакомились съ результатами современной науки и увлекались живою картинностію представленій, какими разсыпалась предъ ними роскошная мысль, всегда ведшая за собою игривое воображеніе. Все это возбуждительно дѣйствовало на умы и пролагало путь для болѣе широкаго и сильнаго воздѣлыванія науки. Сила возбужденія—это главное, что вообще отличало и возвышало Иннокентія предъ другими дѣятелями науки.

Къ сожалѣнію, новый, живой и свободный духъ лекцій Иннокентія вызвалъ непомерныя опасенія у тѣхъ людей, которые носили на себѣ заботу о сохраненіи цѣлости и чистоты православія. На Иннокентія, этого школьнаго богословскаго профессора-новатора, начали посматривать искоса, недовѣрчиво; другіе пошли дальше и стали подозрѣвать его въ неправославіи образа мыслей; было, наконецъ, однажды и такое время, когда Иннокентія вмѣстѣ съ его другомъ—бывшимъ законоучителемъ въ Бозѣ почившаго Государя—Г. П. Павскимъ и нѣкоторыми другими учеными открыто обвиняли въ неологизмѣ, какъ называли тогда современное раціоналистическое движеніе въ западной богословской наукѣ. И жалкая посредственность, движимая гнусными мелочными страстишками, иногда пользовалась этимъ ложнымъ обвиненіемъ, какъ самымъ надежнымъ орудіемъ для того, чтобы „залаять на слона“ Но ни Иннокентій, ни Павскій сначала не придавали никакого важнаго значенія этой пустой и низкой молвѣ, отвѣчая по временамъ на нее лишь однимъ своимъ остроуміемъ. Между прочимъ, сохранился по этому поводу слѣдующій анекдотъ. Иннокентій и Павскій однажды сидѣли особнякомъ въ академической залѣ и о чемъ то между собою разговаривали. Одинъ изъ сочленовъ академической корпораціи, по всей вѣроятности не особенно расположенный къ Иннокентію, сказалъ вполголоса другому: „вонъ сидятъ наши неологи!“ — „Да, братъ, не олухи!“ сказалъ Павскій ему въ отвѣтъ, во сказалъ, говорятъ, уже нѣсколько громче. Тѣмъ не менѣе обвиненіе Иннокентія въ неологизмѣ мало-по-малу стало принимать такіе размѣры, что для оправданія себя предъ общественнымъ мнѣніемъ, Иннокентій напелъ

нужнымъ высказать публично свой взглядъ на современное ему рационалистическое направленіе въ западной наукѣ,—результатомъ чего явилась его небольшая статья—„Обличеніе неологизма или рационализма“, въ которой онъ опровергаетъ теоріи западныхъ, преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, такъ называемаго рационалистическаго направленія. Статья эта въ свое время была напечатана, но первоначально, въ видѣ лекціи, Иннокентій произнесъ ее въ одной изъ академическихъ аудиторій. Впрочемъ, даже и опубликованіе возрѣній Иннокентія на неологизмъ не достигло желанной цѣли,—не связало людскаго языка. Подозрительные и недовѣрчивые соглядатаи геніальнаго петербургскаго профессора не отказались отъ своего обвиненія. Они повторили его еще одинъ разъ и послѣ, уже въ бытность Иннокентія ректоромъ кievской духовной академіи. Но объ этомъ мы будемъ говорить еще въ свое время.

Заслуживъ славу отличнаго и образцоваго профессора въ стѣнахъ с.-петербургской духовной академіи, Иннокентій въ то же время приобрѣлъ себѣ лестную извѣстность и внѣ академіи, какъ отличный ораторъ и церковный проповѣдникъ. Какъ ученому профессору и архимандриту, ему приходилось нерѣдко произносить проповѣди то въ Александро-Невской лаврѣ, то въ Казанскомъ соборѣ, по назначенію с.-петербургскаго епархіальнаго начальства. Эти проповѣди всегда, говорятъ, привлекали множество слушателей изъ различныхъ, самыхъ отдаленныхъ кварталовъ столицы и производили фуроръ. Благодаря имъ, имя проповѣдника стало извѣстнымъ почти всему петербургскому населенію.

Наконецъ, Иннокентій много принесъ пользы обществу и богословской наукѣ за свое шестилѣтнее пребываніе въ С Петербургѣ и своимъ участіемъ въ изданіи богословскаго академическаго журнала „Христіанскаго Чтенія“, и до сихъ поръ продолжающаго издаваться при с.-петербургской духовной академіи. Основанный по инициативѣ митрополита Григорія, журналъ „Христіанское Чтеніе“ есть первый постоянный органъ духовной литературы, поставившій своею задачею удовлетвореніе потребности назидательнаго чтенія, ознакомленіе съ отеческими твореніями въ русскомъ переводѣ и разъясненіе предметовъ,

входящихъ въ кругъ духовной науки. Къ сожалѣнію, въ 1826 году журналъ этотъ совсѣмъ былъ близокъ къ паденію. Иннокентій съ помощію двухъ достойнѣйшихъ своихъ сотоварищей и друзей—В. Б. Бажанова и Г. П. Павскаго—рѣшился поддержать его и, дѣйствительно, не только поддерживалъ, но и довель его до такой степени занимательности и разнообразія, что журналъ получилъ небывалое для него дотолѣ распространеніе въ русскомъ обществѣ; его экземпляры расходились всѣ въ весьма значительномъ по тому времени количествѣ. Между прочимъ, Иннокентій помѣстилъ тогда въ „Христіанскомъ Читеніи“ два обширныя свои сочиненія: „Жизнь св. Апостола Павла“ и „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“,—изъ которыхъ послѣднее—это неподражаемое, дивное твореніе русскаго богословствующаго ума—обратило на себя всеобщее вниманіе и всѣми читалось съ полнымъ наслажденіемъ. Имъ, говорятъ, увлекались даже въ петербургскихъ салонахъ и аристократка-мать давала его читать своей дочери, въ полной увѣренности, что какъ этимъ сочиненіемъ, такъ и проповѣдями Иннокентія „Мимѣ не испортитъ своего языка“. Кромѣ того, Иннокентій помѣщалъ въ то время въ „Христіанскомъ Читеніи“ и нѣкоторыя другія свои сочиненія: проповѣди, лекціи и т. п. Изъ лекцій его, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, особенно замѣчательны: о религіи вообще, о человѣкѣ, о воскресеніи Лазаря и т. п.

„Христіанское Читеніе“ никогда не было для Иннокентія дѣломъ чужимъ или оффиціальнымъ. Бывши уже около десяти лѣтъ ректоромъ въ другой академіи, а затѣмъ—пресмтвенно въ трехъ епархіяхъ архипастыремъ, онъ всегда старался о поддержаніи, распространеніи и усовершенствованіи этого академическаго изданія, радовался, когда его дѣло шло хорошо, а себя всегда считалъ его сотрудникомъ. 27-го мая 1831 года Иннокентій писалъ изъ Кіева Г. П. Павскому: „Христіанское Читеніе“ ваше идетъ такъ удачно и скоро, что и въ чужѣ нельзя не порадоваться. Канонъ пасхальный, вѣрно, вашего перевода: его только не поютъ, а читаютъ съ великимъ удовольствіемъ. Что же вашъ Іовъ (разумѣется переводъ книги Іова), лексиконъ (разумѣется еврейско-русскій лексиконъ Павскаго),

Исторія (церковная, которую собирался писать Павскій)? Смотрите, я знаю всѣ ваши труды и при первомъ случаѣ сдѣлаю доносъ, еслибы вы вздумали утаить что-либо (намекъ на доносъ Агаѳангела по поводу литографированнаго перевода Библии на русскій языкъ). А въ 1847 году, уже бывши Харьковскимъ архіепископомъ, посылая Макарію, бывшему тогда инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи и членомъ цензурнаго комитета, для цензуры свои проповѣди — „Великій Постъ“, Иннокентій, между прочимъ, пишетъ ему: „еслибы вамъ показалось что-либо годнымъ изъ присланнаго къ напечатанію въ вашемъ журналѣ (разумѣется „Христіанское Чтеніе“), то можете сдѣлать это, сколько угодно; только ради этого не задержите книги. Я давно и много виноватъ предъ „Христіанскимъ Чтеніемъ“. Съ новаго года если что случится написать, буду присылать въ него“.

Въ бытность же свою инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи, именно въ 1826 году, Иннокентій перевелъ на польскій языкъ и составленные бывшимъ ректоромъ академіи архимандритомъ Филаретомъ, а потомъ напечатанные въ 1815 году, по распоряженію Св. Синода, „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Греко-Россійской восточной Церкви“.

Впрочемъ, относительно этого труда, оффиціально приписываемаго доселѣ Иннокентію, необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку. Противъ дѣйствительной принадлежности этого перевода Иннокентію доселѣ не было высказано никѣмъ ни малѣйшаго сомнѣнія; самъ историкъ с.-петербургской академіи, Чистовичъ прямо свидѣтельствуетъ, что переводъ „Разговоровъ“ въ 1826 году былъ сдѣланъ архимандритомъ Иннокентіемъ (Ср. Ист. Спб. д. академіи, 1857 г., стр. 310). Но въ настоящемъ (1883 году) открылись данныя, которыя заставляютъ думать, что имя Иннокентія поставлено на переводѣ фиктивно и что истинный переводчикъ Филаретовскихъ „Разговоровъ“ не Иннокентій, а бывший литовскій митрополитъ Іосифъ, еще до принятія имъ православія. Такимъ переводчикомъ Іосифъ называетъ, по крайней мѣрѣ, самъ себя. Въ своихъ „Запискахъ“, изданныхъ, по его завѣщанію, Императорскою академіею на-

укъ въ 1836 году, (томъ 1, стр. 65) Іосифъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Въ это самое время (1828 и 1829 гг.) перевелъ я на польскій языкъ сочиненіе митрополита Московскаго Филарета: *Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи Греко-Россійскія Восточныя Церкви*. Сочиненіе это, можетъ быть, слабое для православныхъ, весьма впечатлительно для иновѣрцевъ. Я испыталъ это на себѣ, испыталъ послѣ и на прочемъ униатскомъ духовенствѣ. Я предложилъ его напечатать и распространить, какъ значится въ черновой запискѣ, прилагаемой при семъ подъ № 22. О семъ было совѣщаніе между митрополитомъ Филаретомъ, Д. Н. Блудовымъ и мною. Все устроилось по моей мысли; даже нѣсколько фразъ, прибавленныхъ по желанію Блудова къ сочиненному мною предисловію *отъ издателя*, были исключены. Не помню, было ли это первое мое свиданіе съ митрополитомъ Филаретомъ или же установились уже тогда, бывшія послѣ постоянными, общія наши совѣщанія по важнѣйшимъ дѣламъ, по настоянію моему, чтобы мѣры, принимаемыя по униатскому вѣдомству, принимаемы были въ соображеніе и по управленію православной Церкви. Достоинъ замѣчанія секретъ, соблюденный относительно этого перевода. Опъ напечатанъ, по моему указанію, подъ именемъ инспектора академіи, бывшаго послѣ знаменитаго Херсонскаго архіепископа, Иннокентія. Этотъ анонимъ утвердился вполне и *преосвященный Иннокентій прослылъ знатокомъ польскаго языка*. Въ коронаціонное время, въ Москву, 1856 года, самъ преосвященный Иннокентій говорилъ мнѣ серьезно о переводѣ „*Разговоровъ*“ какъ о важнѣйшемъ дѣйствиіи первоначальнаго своего служенія,—я, можетъ быть, только изъ моихъ настоящихъ записокъ откроется истина,—если только запискамъ этимъ суждено попасть въ добрыя, благородныя руки“... Въ „черновой запискѣ“, объ изданіи въ польскомъ переводѣ сочиненія митрополита Филарета: „*Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи Греко-Россійской Восточной Церкви*“,—запискѣ, на которую, какъ мы видѣли, ссылается Іосифъ, дѣйствительно говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Сколько мнѣ извѣстно, инспекторъ здѣшней духовной академіи, архимандритъ *Иннокентій знаетъ польскій языкъ и безъ сомнѣ-*

нія не откажетъ издать отъ своего имени настоящій переводъ. Сіе было бы важнымъ и въ томъ отношеніи, что книга могла бы легче распространиться въ западныхъ губерніяхъ посредствомъ греко-россійскаго духовенства“. (Зап. Іосифа, т. I. стр. 545—546).

Точное рѣшеніе вопроса, кому собственно принадлежитъ польскій переводъ „Разговоровъ“, оффиціально приписываемый Иннокентію, рѣшить будущее; только архивныя данныя Св. Синода могутъ подтвердить „черновую записку“ Іосифа. Очень можетъ быть, что дѣло дѣйствительно происходило такимъ образомъ, какъ рассказываетъ Іосифъ. Но въ настоящее время мы намѣрены воздержаться отъ окончательнаго сужденія, имѣя въ виду слѣдующія затрудненія: 1) Іосифъ относитъ свой переводъ къ 1828 или 1829 годамъ, а переводъ, оффиціально приписываемый Иннокентію, въ 1826 году былъ уже даже отпечатанъ; 2) Иннокентій *прослылъ* знатокомъ польскаго языка не чрезъ этотъ переводъ, а потому, что онъ дѣйствительно зналъ превосходно польскій языкъ, что было извѣстно и Іосифу, какъ это видно изъ его „черновой записки“, и что несомнѣнно явствуетъ изъ статьи Иннокентія о началѣ христіанства въ Польшѣ, гдѣ Иннокентій свободно пользуется польскою литературою и въ томъ числѣ сочиненіями польскаго профессора Маціевскаго; наконецъ, 3) намъ представляется совершенно непонятнымъ поведеніе Иннокентія въ Москвѣ въ коронаціонные дни, когда онъ самому Іосифу *серьезно* говорилъ о себѣ, какъ о переводчикѣ „Разговоровъ“ на польскій языкъ, и о переводѣ, какъ о важнѣйшемъ дѣйствиіи своего первоначальнаго служенія,—и Іосифъ ничего не возражалъ ему. Очевидно, намъ остается признать что либо одно изъ двухъ: или Иннокентій шутилъ, слѣдовательно, не говорилъ *серьезно*, или же онъ дѣйствительно имѣлъ *право* такъ говорить о себѣ...

Впрочемъ, слава Иннокентія въ С.-Петербургѣ была создана не этимъ переводомъ, но самостоятельными учеными трудами, богословскими лекціями, знаменитыми проповѣдями, обаятельностью самой личности его...

Нужно вообще сказать, что въ продолженіе своего кратковременнаго, шестилѣтняго только пребыванія въ с.-петербургской ду-

ховной академіи, Иннокентій оставилъ въ ней по себѣ глубокіе, неизгладимые слѣды и имѣлъ огромное вліяніе на своихъ воспитанниковъ, какъ и вообще на состояніе всей академіи. Онъ отрезвилъ и оживилъ ея жизнь и своимъ собственнымъ примѣромъ ясно указалъ русскому обществу, чѣмъ можетъ быть русское, высше-учебное духовное заведеніе, коль скоро оно будетъ поставлено въ благопріятныя условія и вручено въ надежныя руки.

При такихъ трудахъ Иннокентія—профессорскихъ, инспекторскихъ, проповѣдническихъ и литературныхъ,—трудно, по видимому, было бы находить свободное время для выполненія еще и другихъ какихъ-либо порученій. А между тѣмъ у Иннокентія ставало времени на все. Такъ, въ 1826 году, по назначенію комиссіи духовныхъ училищъ, онъ обозрѣвалъ повгородскую и тверскую духовныя семинаріи съ подвѣдомственными имъ духовными училищами; а что къ этому дѣлу онъ приложилъ не мало трудовъ и отнесся съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ,—объ этомъ достаточно свидѣтельствуется уже одно то, что за выполненіе настоящаго порученія Иннокентій былъ Всемилоствѣйше пожалованъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Въ 1827 году, по назначенію той же комиссіи духовныхъ училищъ, Иннокентій, въ качествѣ ревизора, обозрѣвалъ с.-петербургскую духовную семинарію, что также не осталось безъ вниманія начальства: ему изъявлена была признательность отъ комиссіи духовныхъ училищъ. Въ 1828 году Иннокентій отправлялся для обозрѣнія смоленской и могилевской семинарій,—за что также ему объявлена была благодарность духовно-учебнаго начальства. Наконецъ, онъ былъ назначенъ ревизоромъ и обозрѣвалъ архангельскую семинарію, а равно лежація на пути въ Архангельскъ духовныя училища Олонецкой епархіи, и въ 1830 году,—последній годъ петербургской службы Иннокентія. Всѣ эти порученности, важныя и сами по себѣ и по своему значенію для нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, требовавшія умѣнья, зоркости, мѣткости взгляда, наблюдательности и сообразительности, были соединены однако-же съ поѣздками въ отдаленныя и иногда глухія мѣста и, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія у насъ,—осо-

бенно на сѣверѣ—въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ,— само собою разумѣется, не дешево обходились Иннокентію для его здоровья, а главное онѣ отнимали у него много дорогаго времени.

Но не легки были для Иннокентія и другія порученности, возлагавшіяся на него во время его инспекторствованія въ с.-петербургской духовной академіи. Такъ, въ 1827 году Иннокентій былъ назначенъ членомъ цензурнаго комитета при с.-петербургской духовной академіи, а въ 1828 году—и членомъ вновь образованнаго тогда комитета для цензуры духовныхъ книгъ, каковыя должности и занималъ онѣ до самаго выбытія его изъ С.-Петербурга. Обязанности цензора не легки вообще и сами по себѣ. Прочитывать чужія сочиненія въ рукописяхъ, иногда довольно не разборчивыхъ, иногда самыя оригинальныя по своему содержанію, самыя прихотливыя по авторскимъ стремленіямъ, слѣдить за вѣрностію и значеніемъ каждой мысли, cadaго выраженія, за смысломъ cadaго слова, чувствуя въ тоже время и свою собственную отвѣтственность предъ начальствомъ за недосмотръ,— дѣло не особенно пріятное. Но бываютъ времена, когда цензорскія обязанности становятся еще тяжелѣе, еще несноснѣе. Къ такимъ именно временамъ и принадлежать годы Иннокентіева цензорства. Были люди, которые особенно любили находить повсюду двусмысленности, неправомысліе, неправославіе, политическую неблагонадежность... Понятно, что въ то время цензоръ долженъ былъ зорко да зорко слѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ цензорскихъ обязанностей, чтобы не подать повода къ всякаго рода толкамъ, соблазнамъ, недоразумѣніямъ, нападкамъ, не поднять цѣлой бури по поводу пропущеннаго имъ неточнаго выраженія, двусмысленнаго слова. „Что дѣлать?“ писалъ Иннокентій къ Макарію 26 декабря 1846 года,—„вы теперь по крайней мѣрѣ живете въ тихую и не суровую погоду. Пожили-бы и поцензорствовали въ 1826—7 годахъ!... Это была вьюга на вьюгѣ, громъ за громомъ“...

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти труды и заслуги Иннокентія, какъ можно было видѣть уже и изъ сказаннаго, не оставались безъ должнаго воздаянія со стороны

не только высшаго духовнаго начальства, но и правительства. Кромѣ упомянутого уже нами единовременнаго награжденія 500 рублей, полученныхъ Иннокентіемъ въ 1825 году, онъ былъ вознагражденъ за отлично-усердную свою службу единовременною выдачею 1000 рублей въ 1828 году и, наконецъ— 1000 рублей въ 1830 году—также за ревностное и дѣятельное исполненіе своихъ должностей при с.-петербургской духовной академіи. За труды, понесенные Иннокентіемъ въ бытность его членомъ комиссіи, учрежденной для повѣрки отчетовъ при с.-петербургской духовной семинаріи съ 1809 по 1826 годъ, ему также изъявлена была благодарность отъ высшаго начальства. Затѣмъ,— въ 1828 году, по представленію академической конференціи и въ частности по предложенію докторовъ богословія—бывшаго ректора с.-петербургской духовной академіи, архимандрита Іоанна (Доброзракова) и протоіереевъ: Г. П. Павскаго и І. С. Кочетова, за уроки по богословію и напечатанныя въ „Христіанскомъ Читеніи“ сочиненія: 1) „Жизнь св. священномученика Кипріяна, епископа Карфагенскаго“, 2) „Жизнь св. Апостола Павла“ и 3) „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“,— молодой, не достигшій еще тридцатилѣтняго возраста, архимандритъ Иннокентій былъ утвержденъ комиссіею духовныхъ училищъ въ высшей ученой степени доктора православнаго богословія и получилъ наперстный докторскій крестъ. Наконецъ, въ томъ же самомъ году и за тѣ же самые ученые труды и заслуги Иннокентій удостоился получить отъ щедротъ Монаршихъ брилліантовый кабинетный крестъ и орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный Императорскою короною. Это, впрочемъ, были уже послѣднія награды, полученныя Иннокентіемъ за его службу и труды при с.-петербургской духовной академіи.

III.

1830 годъ имѣлъ довольно важное значеніе для жизни Иннокентія: первая половина его представляетъ собою конецъ петербургской дѣятельности Иннокентія, послѣдняя—начало новой, кіевской.

Послѣ выхода изъ кievской духовной академіи ректора Моусея (это было въ 1823 году, когда уже окончилъ курсъ и Иннокентій) въ кievской академіи стали происходить замѣтныя неурядицы: долго не оставались на своихъ мѣстахъ ни начальствующіе, ни учащіе, и быстро смѣняли одинъ другаго. Это не могло не отозваться дурно на ходѣ академическаго преподаванія и обученія молодыхъ людей. Профессоръ, не успѣвшій еще надлежащимъ образомъ ознакомиться съ преподаваемымъ имъ предметомъ, уже уступалъ свою кафедру другому: или только-что вышедшему изъ-за академической скамьи студенту, или приглашенному изъ какой-нибудь провинціальной семинаріи преподавателю. Такимъ образомъ, быстро смѣнялись одинъ за другимъ изъ преподавателей кievской духовной академіи, слѣдующія лица: Огіевскій, Александръ Максимовичъ, Бѣльчинскій, Савченковъ, Колоколовъ, Орловъ, Кореловъ, іеромонахъ Евгеній Соловьевъ, іеромонахъ Рафаиль, Плат. Ставровъ, Карпъ и Иванъ Грузины, іеромонахъ Анатолій, Соколовъ и др. Такая частая смѣна кievскихъ академическихъ преподавателей объясняется прежде всего, кажется, не особенно благоприятными условіями (и преимущественно матеріальными) ихъ жизни при академіи. Въ большинствѣ случаевъ академическіе наставники оставляли свою службу при академіи ради службы семинарской или епархіальной, надѣясь въ соединеніи семинарской службы съ епархіальною найти обезпеченіе, необходимое въ семейной жизни, какового не могла дать служба академическая; этому, по словамъ профессора И. И. Малышевскаго, косвенно содѣйствовало отчасти и само высшее начальство, предлагая начальствамъ епархіальнымъ замѣщать кандидатами и магистрами академій важнѣйшія должности епархіальной службы; другіе, оставляя академію, поступали на службу гражданскую, а монашествующіе чрезъ два—три года переводились на инспекторскія и ректорскія мѣста въ семинаріи, также недавно предъ тѣмъ преобразованныя и потому нуждавшіяся въ людяхъ. Тѣмъ не менѣе отъ частой перемѣны преподавателей академическая наука могла только терять и падать все ниже и ниже. Но паденію ея еще болѣе способствовала частая смѣна ректоровъ, которые

не успѣвали ознакомиться ни съ ходомъ и характеромъ общаго академическаго преподаванія, ни съ административнымъ и хозяйственнымъ порядкомъ, ни даже съ своимъ собственнымъ предметомъ преподаванія, какъ уже оставляли академію. Инспекторы, по личнымъ неудовольствіямъ и непріятностямъ, а иногда и по своему честолюбію, нерѣдко жили не въ ладахъ съ ректорами и не всегда поддерживали ихъ благія начинанія. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется и частая смѣна въ то время начальствующихъ лицъ въ кіевской духовной академіи. Когда Иннокентій оканчивалъ курсъ, во главѣ академическаго управленія, при непосредственномъ участіи кіевскаго митрополита Евгенія, стояли: ректоръ академіи архимандритъ *Моисей* (Платоновъ или Антиповъ) и инспекторъ іеромонахъ, потомъ архимандритъ Смарагдъ Крыжановскій (съ 30-го іюня 1821 года по 22-е декабря 1826 г.), бывшій преемникъ Мелетія и по инспекторской должности въ кіевской духовной академіи, и по епископской каѳедрѣ въ Харьковской епархіи. Онъ окончилъ курсъ въ с.-петербургской духовной академіи со степенью магистра и былъ оставленъ бакалавромъ при той-же академіи. Въ 1821-мъ году онъ былъ переведенъ инспекторомъ и бакалавромъ въ кіевскую духовную академію, а чрезъ три года удостоенъ былъ и званія ординарнаго профессора богословскихъ наукъ,—человѣкъ несомнѣнно ученый и весьма даровитый, честный и съ прямой, открытой душой, характера твердаго и самостоятельнаго до самой грубой упорности; онъ не могъ *смирно*, безропотно подчиняться никакому видимому авторитету, какъ бы онъ ни былъ высокъ, хотя отъ подчиненныхъ всегда и требовалъ себѣ безусловнаго повиновенія; любилъ говорить правду всѣмъ и каждому, и каждому непосредственно давалъ чувствовать свою власть и свой авторитетъ. Жесткая палка его памятна не одному духовенству Харьковской епархіи. Когда ректоръ Моисей оставилъ кіевскую духовную академію (31-го декабря 1823 года), Смарагдъ, какъ инспекторъ этой академіи, не могъ сомнѣваться въ томъ, что мѣсто ректора должны предоставить именно ему. Но его обошли. Ректоромъ кіевской духовной академіи былъ назначенъ ректоръ могилевской семинаріи, архимандритъ Ме-

летій (Леонтовичъ). Такимъ назначеніемъ не могъ быть доволенъ инспекторъ Смарагдъ. Однако же кротость, смиреніе и скромный, тихій характеръ Мелетія спасли академію отъ всѣхъ тѣхъ неурядиць, которыя нерѣдко бывають слѣдствіемъ личныхъ неудовольствій между начальствующими. Къ сожалѣнію, Мелетій былъ ректоромъ очень недолго, — не болѣе двухъ лѣтъ. По выходѣ Мелетія, Смарагдъ опять былъ обойденъ ректорствомъ и даже переведенъ изъ академіи, какъ-бы въ видѣ повышения, ректоромъ въ кievскую духовную семинарію. Что было истинною причиною этого обстоятельства, — ранги ли чиновности, указанный ли нами характеръ Смарагда, какъ человѣка довольно упornaго и строптивaго, которaго, быть можетъ, просто опасались назначать на такой постъ, или были какія-нибудь другія причины, — намъ неизвѣстно; но только ректоромъ академіи былъ назначенъ ректоръ кievской духовной семинаріи, архимандритъ и потомъ епископъ Кириллъ Куницкій, не отличавшійся особенною ученностью, но уважаемый всѣми за свое глубокое благочестіе и доброту, первый изъ ректоровъ кievской духовной академіи управлявшій нѣсколько времени этимъ заведеніемъ въ санѣ епископа чигиринскаго, викарія Кievской епархіи *). Куницкій былъ воспитанникъ еще старой кievской академіи и потому, само собою понятно, что на самомъ дѣлѣ онъ не въ силахъ былъ надлежащимъ образомъ проходить должность ректора преобразованной академіи, а еще болѣе — быть удовлетворительнымъ профессоромъ. Въ глазахъ умнаго и ученаго Смарагда онъ уже былъ человѣкомъ отжившимъ, устарѣлымъ, отсталымъ и потому мало полезнымъ для заведенія. Смарагдъ на каждомъ шагу, даже изъ стѣнъ семинаріи, могъ имѣть возможность указывать его ректорскую неспособность и профессорскую несостоятельность. Къ счастью для академіи, Кириллъ пробылъ въ званіи ректора очень не долго, — не болѣе года. Но и послѣ Кирилла не суждено было Смарагду занять мѣсто ректора кievской духовной академіи. Ректоромъ былъ назначенъ архимандритъ Платонъ Березинъ, магистръ перваго курса московской духовной академіи, бывший сначала инспекторомъ той же академіи, а

*) Умеръ, будучи уже на покое въ Кіевонечерской лаврѣ, 16 апрѣля 1836 г.

потомъ ректоромъ виѳанской семинаріи. На его мѣсто въ виѳанскую духовную семинарію перевели Смарагда. Къ сожалѣнію, архимандритъ Платонъ *считался* ректоромъ кievской духовной академіи всего только два мѣсяца (75 дней): переведенный въ Кіевъ 8 мая 1828 года, онъ скончался 23 іюля того же года. Только послѣ смерти Платона ректоромъ кievской духовной академіи былъ назначенъ архимандритъ Смарагдъ. Но и Смарагдъ не долго былъ ректоромъ кievской академіи,— всего только два года (съ 23 августа 1828 года по 27 августа 1830 года). Недолговременное пребываніе Смарагда въ должности ректора, кажется, должно быть объясняемо прежде всего тѣмъ, что онъ не сошелся съ митрополитомъ Евгеніемъ. Профессоръ И. И. Малышевскій видѣлъ одну рукописную біографію Смарагда, въ которой встрѣчаются укорительные для Евгенія намеки о недостаткѣ со стороны его вниманія къ Смарагду во время его инспекторства и ректорства въ кievской духовной академіи, причемъ послѣдній выставляется какъ-бы жертвою личнаго каприза начальника. Такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ или нѣтъ,— не знаемъ; но есть основаніе думать, что и Смарагдъ не стѣснялся обнаруживать своеправіе и свое нерасположеніе къ митрополиту Евгенію. Ставши ректоромъ кievской академіи послѣ Кирилла Куницкаго, онъ открыто насмѣхался надъ нимъ даже въ академическихъ аудиторіяхъ и не упускалъ случая въ самыхъ официальныхъ бумагахъ, представлявшихся на утвержденіе къ Евгенію, намекать на неурядицы въ дѣлахъ академіи, найденныя имъ послѣ своего предшественника, назначеннаго Евгеніемъ помимо Смарагда, который, какъ мы сказали выше, считалъ себя всегда кандидатомъ на эту должность. Кроме того, Смарагдъ не сошелся съ Евгеніемъ во взглядѣ и на научную постановку дѣла академическаго образованія, потому что онъ преклонялся предъ догматическимъ умомъ другаго святителя, — митрополита московскаго Филарета и ставилъ вообще богословско-теоретическое знаніе выше историческаго, которое, какъ извѣстно, высоко цѣнилъ кievскій митрополитъ Евгеній.

Какъ бы то ни было, но неурядицы, происходившія въ это время въ кievской духовной академіи, вслѣдствіе частой смѣны

учащихъ и начальствующихъ, не могли не обратить на себя вниманія вышшаго духовнаго начальства и не заставить его серьезно подумать о такомъ печальномъ положеніи дѣла, въ недавнее только еще время преобразованнаго, или—точнѣе—почти заново учрежденнаго выспе-учебнаго заведенія. Явилась нужда ввѣрить управленіе кievскою духовною академіею лицу дѣятельному и надежному, челоуѣку дѣльному, который могъ бы поставить ее на такую высоту, на каковой въ то время уже находились столичные духовныя академіи. Жребій палъ на молодого доктора богословскихъ наукъ, инспектора и геніальнаго профессора с.-петербургской духовной академіи, архимандрита Иннокентія. И вотъ 27 августа 1830 года Иннокентій дѣйствительно былъ опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ кievскую духовную академію; а 24 октября того же года онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ и настоятелемъ Кіево-братскаго второкласснаго училищнаго монастыря.

При болѣе самостоятельномъ положеніи и власти, какою былъ здѣсь облеченъ Иннокентій, какъ главное начальствующее лицо въ академіи,—ректоръ ея,—при умственной возмужалости и правильномъ развитіи его необыкновенныхъ способностей; при расширеніи его богословскихъ и историческихъ познаній, при усовершенствованіи его педагогическихъ понятій и приемовъ, при особенной, наконецъ, любви къ нѣкогда воспитавшей его академіи, — онъ сдѣлалъ для кievской духовной академіи гораздо болѣе, чѣмъ сколько могъ сдѣлать для академіи с.-петербургской. Въ С.-Петербургѣ, по самому служебному положенію своему, Иннокентій могъ имѣть лишь второстепенное значеніе, будучи оттѣсненъ ректоромъ отъ прямаго и непосредственнаго вліянія на ходъ и постановку академической науки, равно какъ и на самое направленіе вышшаго образованія тогдашняго духовнаго юношества. Въ совершенно иныя условія былъ поставленъ Иннокентій въ кievской духовной академіи. Здѣсь онъ былъ, говоримъ, почти полновластнымъ хозяиномъ заведенія и всегда могъ дать наукѣ такое именно направленіе, какое онъ самъ находилъ наилучшимъ. И дѣйствительно, мало сказать, что Иннокентій только оживилъ науку въ

кіевской духовной академіи. Нѣтъ, — мало-по-малу, безъ *насилственной* даже ломки традиціонныхъ обычаевъ и порядковъ, вѣковыхъ преданій и приемовъ, онъ преобразовалъ ее, возвысилъ, укрѣпилъ и подвинулъ далеко впередъ, такъ что десять лѣтъ ректорствованія его въ кіевской духовной академіи, по справедливости, могутъ быть названы самымъ блестящимъ періодомъ ея исторіи.

Дѣятельность Иннокентія въ кіевской духовной академіи можетъ быть рассматриваема съ слѣдующихъ четырехъ сторонъ: а) дѣятельность его, какъ ректора-администратора высшеучебнаго духовнаго заведенія, б) дѣятельность его, какъ профессора академіи, в) дѣятельность его, какъ проводника въ общественное сознаніе истинъ, добытыхъ академическою наукою, при посредствѣ духовно-литературныхъ изданій и печатныхъ его сочиненій и, наконецъ, г) дѣятельность его, какъ общественнаго дѣятеля въ санѣ викарнаго епископа Кіевской епархіи, выразившаяся, впрочемъ, по преимуществу только съ одной стороны, — какъ проповѣдника и служителя алтаря Господня. Съ этихъ именно четырехъ сторонъ и мы будемъ рассматривать дѣятельность Иннокентія, за время его управленія кіевскою духовною академіею.

Отъѣзжая изъ С.-Петербурга въ Кіевъ, Иннокентій вполне сознавалъ всю тяжесть, возлагавшуюся на него высшею духовною властію вмѣстѣ съ назначеніемъ на такой высокой и почетной постъ, какъ должность ректора *кіевской* духовной академіи. Но онъ чувствовалъ въ себѣ много крѣпкихъ и свѣжихъ, молодыхъ силъ, чтобы безбоязненно взять на себя эту тяжелую обязанность, чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы оживить жизнь и дѣятельность родной своей академіи, находилъ въ себѣ необходимый запасъ знаній и умѣнья, чтобы поставить академическую науку на надлежащую высоту. Не боясь никакихъ трудностей, Иннокентій болѣе всего самъ ободрялъ себя въ предстоявшихъ ему трудахъ. Въ своемъ письмѣ къ Павскому отъ 25-го ноября 1830 года, Иннокентій, подъ вліяніемъ первыхъ полученныхъ имъ отъ Кіева впечатлѣній, такъ описывалъ состояніе кіевской духовной академіи въ то время, когда онъ пріѣхалъ туда ректорствовать. „Академисты, пишетъ

онъ, „встрѣтили меня съ замѣтнымъ усердіемъ. Дай Богъ сдѣлать для нихъ что нибудь доброе: а нуждъ у нихъ не мало. Учащіе оставались доселѣ почти безъ всякаго поощренія, нѣкоторые терпятъ бѣдность, которая убиваетъ дарованія. По внѣшности въ академіи все довольно исправно, не знаю еще, каково внутри; но кажется, не худо. Только бібліотека здѣшняя, на которую я надѣялся, вовсе не отвѣтила моему ожиданію. По современной литературѣ философско-богословской едва ли найдется десятка полтора книгъ, и то неважныхъ. Не знаю, чему и кому приписать такую бѣдность: только не преосвященному Моусею (предшѣстнику Иннокентія по ректорству въ кievской духовной академіи), у котораго много было книгъ новыхъ. Но дѣлать нечего, надобно будетъ восполнить сей недостатокъ, въ какомъ благомъ дѣлѣ и вы, Герасимъ Петровичъ, надѣюсь, не откажетесь намъ посодѣйствовать“. Иннокентій очень хорошо зналъ, что Павскій всегда горячо принималъ къ сердцу интересы науки и учащейся молодежи; вотъ почему онъ и проситъ его содѣйствія при пополненіи академической бібліотеки.

Желаніе сдѣлать для кievской академіи что либо доброе— у Иннокентія не осталось только однимъ желаніемъ. Онъ принялся за исполненіе его со всею пылкостью и живостію своей природы. И справедливость требуетъ сказать, что Иннокентій даже болѣе чѣмъ оправдалъ всѣ возлагавшіяся на него надежды и ожиданія. Съ прибытіемъ Иннокентія въ Кіевъ, жизнь академіи сразу забила новымъ, живымъ ключемъ, силы ея пришли въ необычайное движеніе, наука приняла свое естественное направленіе, богословская мысль громко заявила обществу о своихъ правахъ и существованіи; кievское общество заговорило объ академіи. Профессоръ Малышевскій въ своей исторической запискѣ о состояніи кievской духовной академіи такъ характеризуетъ время ректорства Иннокентія, какъ и самого Иннокентія. „Съ 30-хъ годовъ или со времени Иннокентія, говоритъ онъ *), въ академической наукѣ замѣчается новое, болѣе оживленное, свободное и широкое развитіе. Силъ въ академіи прибываетъ; онѣ крѣпче привязываются къ ней и дѣй-

*) Юбилей кievской духовной академіи, стр. 94.

ствують съ большею дружностію и послѣдовательностію. Послѣ пяти ректоровъ перваго десятилѣтія, академія около десяти лѣтъ живетъ съ однимъ ректоромъ, ея воспитанникомъ, возвратившимся къ ней съ новымъ запасомъ развитыхъ рѣдкихъ дарованій, знаній, опытности, энергіи и уже нажитой блестящей извѣстности. Въ свойствахъ своей симпатической и широко-объемлющей души онъ почерпалъ искусство скрѣплять въ средѣ сослуживцевъ товарищескую общежительность, вносить успокоеніе и отраду въ среду личной, домашней жизни ихъ, поддержать человѣческую слабость, утѣшить семейное горе, помочь молчаливой нуждѣ. А разнообразіе знаній, широта воззрѣній, даръ инициативы, чуткой къ запросамъ современной науки и жизни, давали ему умѣнье открывать и постигать, а когда нужно, оживлять и направлять сказавшіяся дарованія и научныя стремленія въ средѣ академической“.

Первый предметъ, на который Иннокентій наложилъ свою мощную руку и съ котораго онъ началъ свою реорганизацію богословской науки въ кievской духовной академіи, была „священная“, „заповѣдная“ латынь, столь долго считавшаяся самымъ необходимымъ органомъ науки, первымъ условіемъ мнимо-научнаго преподаванія юношеству богословскихъ и философскихъ предметовъ и самымъ необходимымъ предикатомъ всякаго тогдашняго научнаго образованія. На сѣмъ же первыхъ порахъ своего ректорства въ кievской духовной академіи, Иннокентій рѣшился замѣнить и дѣйствительно замѣнилъ въ дѣлѣ преподаванія латинскій языкъ живымъ, русскимъ, простымъ и общепонятнымъ словомъ, которое при немъ въ первый разъ получило въ Кіевѣ права гражданства на кафедрахъ богословскихъ и философскихъ наукъ. Эту замѣну латыни русскою, общепонятною рѣчью можно считать первымъ признакомъ новаго движенія въ наукѣ, возбужденнаго въ кievской духовной академіи ея новымъ ректоромъ. Впрочемъ, сила привычки къ латыни въ то время въ кievской духовной академіи была еще настолько сильна и упорна, что даже Иннокентію не удалось сразу изгнать латыню окончательно изъ школьнаго употребленія. Лекціи, правда, читались уже по русски съ самаго же начала 30-хъ годовъ, т. е., съ самаго поступленія Иннокентія

на должность кievской духовной академіи, но конспекты этихъ лекцій, въ особенности по богословскимъ и философскимъ наукамъ, были представляемы къ экзаменамъ на латинскомъ языкѣ. Долгое время дѣлалъ это даже и самъ Иннокентій. Только для публичныхъ экзаменовъ, при латинскомъ конспектѣ, представляли и конспектъ, русскій—собственно тѣхъ главъ или трактатовъ изъ известной системы, по которымъ назначались отвѣты для этихъ экзаменовъ. Окончательно эти конспекты вывелись изъ употребленія только уже въ концѣ ректорствованія Иннокентія въ кievской духовной академіи.

Замѣна латинскаго языка русскимъ живымъ словомъ, важная, конечно, и сама по себѣ въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія *русской* богословской науки, получаетъ еще особенное значеніе въ томъ отношеніи, что она является самымъ необходимымъ слѣдствіемъ болѣе глубокаго реорганизаторскаго стремленія новаго кievскаго ректора, рѣшившагося разъ навсегда покончить съ пустымъ и безжизненнымъ схоластицизмомъ въ наукѣ, который до тѣхъ поръ такъ безусловно господствовалъ повсюду въ нашихъ тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. А болѣе жизненное и свободное направленіе богословствующей мысли требовало уже, очевидно, и живаго, свободнаго, общепонятнаго слова для ея виѣшняго выраженія и развитія. Одно непосредственно вытекало изъ другаго. Такое разумное стремленіе Иннокентія ясно обнаружилось уже съ самыхъ первыхъ дней его ректорства. Вотъ самое наглядное, самое ясное и разительное доказательство такого стремленія: прибывъ въ академію среди курса, когда уже почти всѣ старшіе студенты взяли темы для своихъ курсовыхъ сочиненій, а иные уже начали даже и писать ихъ, Иннокентій значительную часть этихъ темъ, напоминавшихъ собою схоластическую отвлеченность и безжизненность, замѣнилъ другими, представлявшими большій жизненный или историческій интересъ.

Въ такомъ указаніи академической наукѣ новаго жизненнаго и свободнаго направленія, вмѣстѣ съ освобожденіемъ ея отъ тяжелыхъ узъ сухаго и безжизненнаго схоластицизма, вполне выразилась то общее значеніе, которое принадлежитъ именно Иннокентію въ дѣлѣ возрожденія науки въ кievской духовной

академіи. Въ частности вліяніе Иннокентія на ходъ академической жизни было гораздо глубже. Трудясь съ неустанною ревностію самъ, онъ умѣлъ возбуждать всегда къ трудамъ и прочихъ профессоровъ кievской академіи,—и, подъ его магическимъ вліяніемъ, при его нерѣдко ближайшемъ руководствѣ, явилось въ Кіевѣ нѣсколько достойнѣйшихъ труженниковъ науки изъ среды какъ прежнихъ паставниковъ, такъ и новыхъ, которыхъ онъ избралъ и приготовилъ самъ. Изъ числа первыхъ должно поименовать протоіерея И. М. Скворцова, Я. К. Амфитеатрова, В. Н. Карпова, П. С. Авсенева, впоследствии архимандрита Теофана,—изъ числа послѣднихъ—о. Димитрія Муретова, покойнаго архіепископа херсонскаго и одесскаго, О. М. Новицкаго, І. Г. Михневича и С. С. Гогоцкаго. Всѣ эти люди трудились неустанно надъ обработкою своихъ лекцій и, дѣйствительно, читали ихъ вполне достойно академическихъ аудиторій.

Для поддержанія энергіи въ преподавателяхъ Иннокентій имѣлъ обычай очень нерѣдко посѣщать ихъ лекціи и во время этихъ посѣщеній, равно какъ и во время экзаменовъ, показывалъ всегда изумительную гибкость своего таланта и богатство своихъ разнородныхъ свѣдѣній; иногда бросалъ на науку или на извѣстныя части ея совершенно новые взгляды, предлагалъ цѣлый рядъ возраженій въ неразрывной связи, на которыя никто не въ состояніи былъ отвѣчать, и вообще говорилъ такъ бойко, красно и вдохновенно, что всѣ невольно—бывало—его заслушивались *)...

Иннокентій могъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи тѣмъ смѣлѣе и самоувѣреннѣе, что для своихъ реорганизаторскихъ стремленій и усилій онъ находилъ сильнѣйшую поддержку и сочувствіе въ лицѣ тогдашняго митрополита кievскаго—Евгенія. Имя Евгенія, знаменитое для всей Россіи и Церкви русской, должно занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ на страницахъ исторіи кievской духовной академіи. Эта академія поручалась особенному попеченію его слѣдующими словами Александра Благословеннаго въ рескриптѣ отъ 26-го марта 1822 года: „Мнѣ пріятно будетъ видѣть знаменитую нѣкогда академію кievскую, воспитавшую въ теченіи вѣковъ достойныхъ служи-

*) Вѣнокъ, стр. 25.

телей алтарю Господню, при руководствѣ вашемъ, достигающею цѣли, ей предположенной. Я увѣренъ, что просвѣщенная опытность ваша и ученіе въ духѣ вѣры принесутъ плодъ во время свое въ пользу Церкви и отечества“. Пріятно засвидѣтельствовать на основаніи самыхъ несомнѣнныхъ данныхъ, что надежды Монарха были вполне оправданы митрополитомъ Евгеніемъ. Истинный подвижникъ науки, онъ любилъ и умѣлъ возбуждать къ ней и руководить въ ней другихъ. Въ духовныхъ академіяхъ онъ видѣлъ среду, въ которой должна развиться самостоятельная духовная наука до ея высшаго уровня. Въ средѣ кievскаго академическаго общества онъ хотѣлъ быть передовымъ дѣятелемъ — руководителемъ, именуясь предсѣдателемъ академической конференціи, учрежденной въ 1823-мъ году. Онъ присутствовалъ, по словамъ Малышевскаго, лично въ ея собраніяхъ, дѣлая словесно и письменно предложенія, касавшіяся учебной и ученой дѣятельности. Кромѣ экзаменовъ, онъ бывалъ иногда и на лекціяхъ профессоровъ, вникалъ въ ихъ ученныя занятія, слѣдилъ по возможности за занятіями студентовъ, указывая для нихъ предметы и пособія, за которыми они и сами иногда обращались къ нему. Но особенную любовь и сочувствіе, по словамъ того же профессора И. И. Малышевскаго, питалъ всегда Евгеній къ академическимъ занятіямъ историческими предметами, преимущественно касавшимися прошлаго въ жизни православной Церкви русской. Давъ Кіеву и академіи ихъ исторію, онъ давалъ средства и указывалъ предметы и къ дальнѣйшей разработкѣ ея. Любовь къ своей историко-археологической спеціальности онъ хотѣлъ насадить особенно въ молодомъ поколѣніи студентовъ. Вотъ почему въ 1825 году, подъ вліяніемъ его, было сдѣлано распоряженіе, чтобы темы студентамъ для курсовыхъ разсужденій выбирались преимущественно изъ предметовъ, относящихся къ православной російской Церкви. Съ этою же цѣлію, благодаря дружбѣ Евгенія съ знаменитымъ канцлеромъ графомъ Н. Румянцевымъ, въ кievской духовной академіи, по завѣщанію канцлера, въ честь Евгенія была учреждена Румянцевская премія для студентовъ за ихъ историко-археологическія сочиненія. Плата взаимностію своему другу—Румянцеву, Евгеній въ 1833 и 1836

годахъ устроилъ сумму Румянцевской преміи, которая, имѣя въ сущности тоже назначеніе, съ тѣхъ поръ стала называться премією Евгеніево-Румянцевскою. Безошибочно можно сказать, что съ именемъ Евгенія связано около половины историческихъ сочиненій, принадлежащихъ воспитанникамъ кіевской духовной академіи 30-хъ и 40-хъ годовъ и изданныхъ ею частію отдѣльно, частію въ собраніяхъ, составившихъ цѣлыхъ три тома, частію въ „Воскресномъ Читеніи“. Нѣкоторыя изъ нихъ занимаютъ именно спеціальною разработкою частныхъ вопросовъ русской церковной исторіи и въ этомъ смыслѣ не утратили почти своего значенія еще и доселѣ, какъ, напр., „О времени крещенія св. княгини Ольги“, Ник. Соколова, — „Кто былъ первый митрополитъ кіевскій?“, іеромонаха Евсевія Ильинскаго, — „О духоборцахъ“ О. М. Новицкаго и др. *).

Эта то любовь къ исторіи и историческимъ изслѣдованіямъ, которая столько же была присуща кіевскому ректору, сколько и кіевскому митрополиту, и составляла, какъ кажется, тотъ пунктъ, который такъ крѣпко связывалъ довѣріемъ отношенія митрополита Евгенія къ кіевскому ректору Иннокентію. Впрочемъ, отношенія эти, какъ гласитъ преданіе, были не всегда одинаковы. Въ первое время Евгеній, говорятъ, смотрѣлъ на Иннокентія даже очень недовѣрчиво, подозрѣвая его въ неправомыслии, богословскомъ вольнодумствѣ или, какъ говорили тогда— „неологизмѣ“. Нѣтъ сомнѣнія, что заподозрѣваніе Иннокентія въ богословскомъ вольномыслии въ Кіевѣ зародилось не само собою. Основаніе для него, какъ мы видѣли, положено было еще въ Петербургѣ, откуда, разумѣется, вмѣстѣ съ Иннокентіемъ достигло и Кіева. Главною причиною заподозрѣванія Иннокентія въ неправомыслии или вольномыслии была, какъ кажется, его дружба съ Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ, въ которомъ Иннокентій, конечно, не могъ не замѣтить съ самаго перваго знакомства даровитой, недюжинной натуры и благородныхъ стремленій, отвѣчавшихъ подобнымъ же стремленіямъ самого Иннокентія. Знакомство между этими двумя лицами началось еще въ 1824 году, когда Иннокентій, будучи еще іеромонахомъ, поступилъ бакалавромъ въ с.-петербург-

*) Ср. Юбилей кіевской духовной академіи, стр. 90, 93 и 111.

скую духовную академію, гдѣ преподавалъ въ то время и Павскій. Несомнѣнно, что Иннокентій давнымъ давно зналъ о существованіи рукописнаго перевода Библии, непосредственно съ еврейскаго языка сдѣланнаго Павскимъ,—перевода, который въ свое время произвелъ цѣлую бурю въ русскомъ духовномъ обществѣ и бросилъ тѣнь на правомысліе переводчика вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его ученыхъ друзей. Несомнѣнно также, что Иннокентію было хорошо извѣстно, что переводъ этотъ не былъ буквально согласенъ съ церковно-славянскою Библіею, что онъ держался въ тайнѣ и что Герасимъ Петровичъ Павскій никому не давалъ его, кромѣ тѣхъ лицъ, съ которыми былъ отлично знакомъ и то чрезъ самыя надежныя руки. Все это ясно видно изъ писемъ Иннокентія къ Павскому, писанныхъ уже въ то время, когда Иннокентій былъ ректоромъ кіевской духовной академіи,—писемъ, которыя всѣ дышатъ полною неприужденностію открытаго характера ихъ автора. Такъ, въ одномъ изъ этихъ писемъ Иннокентій, между прочимъ, пишетъ о томъ, что для новаго года ему пришло желаніе сдѣлать для своей (т. е. кіевской) академіи подарокъ; но лучшаго подарка онъ придумать не могъ, какъ „доставить въ академическую бібліотеку полный (какой есть) переводъ Ветхаго Заветъа на русскій языкъ“. „Исполненіе сего благаго желанія“, пишетъ онъ далѣе,—„зависитъ во многомъ отъ васъ, Герасимъ Петровичъ, ибо у васъ только можно найти списки перевода *полные и совершенно исправные*“. Въ концѣ своего письма Иннокентій проситъ Павскаго передать списокъ *вѣрному* *человѣку* К. Д. Грузину, которому онъ уже поручилъ взять на себя трудъ составить исправный списокъ и прислать въ Кіевъ. На этого К. Д. Грузина, который является здѣсь посредникомъ между Павскимъ и Иннокентіемъ, дѣйствительно, можно было вполне положиться, какъ на *вѣрнаго* *человѣка*, такъ какъ онъ былъ товарищемъ Иннокентія по одновременному воспитанію съ нимъ въ кіевской духовной академіи *) и вообще всегда находился

*) Карпъ Грузинъ поступилъ въ кіевскую духовную академію изъ екатеринославской семинаріи, учился вмѣстѣ съ Иннокентіемъ и окончилъ курсъ третьимъ магистромъ, съ 17-го сентября 1823 года и до 1826 года занималъ должность бакалавра философіи при кіевской же академіи.

съ нимъ въ довольно короткихъ отношеніяхъ, — о чемъ Павскій не могъ не знать. Приведенное обстоятельство, конечно, еще не даетъ никакого основанія заподозрѣвать Иннокентія въ богословскомъ вольномысліи или неправомысліи; но тѣмъ не менѣе оно все таки подтверждаетъ нѣкоторую солидарность и близость Иннокентія къ дѣлу Павскаго.

Не будемъ спорить, — при обширномъ знакомствѣ Иннокентія съ успѣхами и современнымъ состояніемъ какъ богословскихъ, такъ и философскихъ наукъ въ Западной Европѣ, Иннокентій хотя и искусно всегда пользовался ими въ своихъ лекціяхъ, благодаря своему знанію многихъ иностранныхъ языковъ *), но, при всегдашнемъ увлеченіи, столь ему свойственномъ, при воодушевленномъ импровизированномъ чтеніи своихъ лекцій, быть можетъ, случайно могъ когда нибудь и уклониться отъ требованій строгой догмы; по крайней мѣрѣ, такъ могло показаться другимъ, которые поэтому и не преминули упрекнуть смѣлаго богослова въ вольномысліи, — своего рода „неологизмѣ“. Но, кажется, вѣрнѣе будетъ всего, если мы скажемъ, что упреками въ вольномысліи Иннокентій просто на-просто былъ обязанъ неточному записыванію студентами его лекцій и говору увлеченной имъ молодежи. Говорятъ, что когда дошелъ до Иннокентія слухъ о приписываемомъ ему вольномысліи, онъ былъ слишкомъ смущенъ такою клеветою, тѣмъ болѣе, что ему будто-бы даже грозили при этомъ разными ужасами. Находя, по всей вѣроятности, причину этого нелѣпаго слуха также въ неточномъ записываніи его лекцій студентами, Иннокентій старался какъ-нибудь поправить дѣло.

Позвавъ къ себѣ старшаго студента, онъ спросилъ его: „по чему вы будете готовиться къ экзамену“ (полугодичному предъ праздникомъ Рождества Христова)? — „У насъ есть нѣсколько экземпляровъ, записанныхъ въ классѣ лекцій по вашему предмету“. — „Нѣсколько? Любопытно посмотрѣть, какъ вы записали. Принесите мнѣ!“ Студентъ привезъ. Не долго разсматривая ихъ, Иннокентій бросилъ въ топившуюся у него въ то время печку, а къ экзамену далъ особенныя записки. Это, гово-

*) Иннокентій превосходно зналъ древніе языки, но зналъ также и свободно читать сочиненія на французскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

рять, было въ VI курсѣ, т. е. въ первое-же время ректорствованія Иннокентія въ кievской духовной академіи. Впослѣдствіи Иннокентій старался уже напередъ просматривать и выправлять студенческія записки, хотя, впрочемъ, такая выправка не всегда была окончательною, не требовавшею новаго просмотра. Изъ студентовъ VI курса (1829—1833 гг.) въ неправомысли заподозрѣнъ былъ, между прочимъ, студентъ Иванъ Петровичъ Боричевскій. Четыре года писали его въ разрядныхъ спискахъ въ числѣ первыхъ, а по инымъ предметамъ и первымъ студентомъ, даже отдѣляли иногда чертою отъ прочихъ (какъ бывало тогда въ обычаѣ); но именно въ его курсовомъ разсужденіи: „О Церкви управляемой и управляющей благодатію“, *пропущенномъ Иннокентіемъ*, и найдено было высшими судьями неправомысліе: автору дали только степень кандидата и то во вниманіе къ его прежнимъ отличнымъ успѣхамъ *).

Наконецъ, къ этому нужно присоединить еще возбужденіе обвиненія Иннокентія въ неправомысли, которое будто-бы было имъ обнаружено еще въ бытность его профессоромъ и инспекторомъ въ с.-петербургской духовной академіи. 27 марта 1834 года кievскій митрополитъ Евгеній получилъ письмо отъ митрополита с.-петербургскаго Серафима, въ которомъ послѣдній пишетъ: „вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ порученія, поспѣшаю отвѣстись къ вашему высокопреосвященству съ просьбою, чтобъ вы, милостивый архипастырь, благоволили секретно истребовать отъ ректора кievской академіи вашей, архимандрита Иннокентія, слѣдующія на бумагѣ объясненія: 1) дѣйствительно ли были имъ, въ бытность его инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи, читаны студентамъ оныя лекціи, отрывки изъ коихъ прилагаются при семъ; 2) самъ ли онъ составилъ ихъ или онѣ суть уроки только того профессора, у коего онъ, бывши студентомъ, обучался богословію, и кто таковъ былъ профессоръ тотъ; 3) не читалъ ли онъ лекцій таковыхъ студентамъ кievской академіи или не давалъ ли онъ списывать

*) Юбилей, кievской духовной академіи, стр. 97. Иванъ Боричевскій былъ присланъ въ кievскую академію изъ минской семинаріи; въ академіи онъ окончилъ курсъ въ 1833 году и, по окончаніи курса, занялъ первое мѣсто въ числѣ старшихъ кандидатовъ.

копій съ нихъ; 4) признаеть ли онъ лекціи сіи съ ученіемъ православныя Церкви нашея согласными или не признаеть; 5) если не признаеть, то какъ осмѣлился онъ читать ихъ студентамъ? Какіе же дасть онъ отвѣты на всѣ эти пункты, оные прошу доставить мнѣ немедленно за собственноручнымъ его подписаніемъ, возвративъ при нихъ и самыя сіи выписки". Когда митрополитъ Евгеній объявилъ Иннокентію содержаніе этого письма и предложилъ ему представить письменное объясненіе по всѣмъ указаннымъ пунктамъ, Иннокентій далъ категорическій отвѣтъ, что „лекцій, изъ коихъ взяты отрывки, имъ, Иннокентіемъ, студентамъ с.-петербургской академіи дано никогда не было". 17 апрѣля Евгеній отправилъ этотъ отвѣтъ Иннокентія въ С.-Петербургъ. Члены св. Синода такого отвѣта никакъ не ожидали, а потому и были даже не мало удивлены имъ, когда Серафимъ представилъ его на ихъ благоусмотрѣніе. „Члены сіи надѣялись, какъ пишетъ Серафимъ Евгенію отъ 22 мая, — что архимандритъ Иннокентій учинить признаніе, что онъ дѣйствительно преподавалъ студентамъ с.-петербургской академіи таковыя лекціи, съ искреннимъ признаніемъ своихъ заблужденій, въ кои впалъ онъ по легкомыслию своему, и съ обѣщаніемъ, что онъ не только сообщать оныхъ кому-либо письменно или словесно, но и самъ никогда не будетъ держать ихъ, и полагали кончить симъ все дѣло тѣмъ охотнѣе, что имъ извѣстны какъ особенныя ректора сего дарованія, по коимъ можетъ онъ быть весьма полезнымъ для духовныхъ училищъ, такъ и по его хорошей нравственности. Но какъ онъ на сдѣланные ему вопросы тѣ письменно отвѣтствовалъ, что никогда имъ таковыхъ лекцій студентамъ с.-петербургской академіи дано не было: то они за нужное признали привести дѣло сіе въ большую, безъ всякой впрочемъ огласки, ясность". Что было сдѣлано для того, чтобы дѣло это привести въ большую ясность, можно видѣть изъ препровожденной къ Евгенію особой синодальной „записки". „6 мая, говорится въ этой „запискѣ", представленъ былъ высокопреосвященнѣйшему митрополиту новгородскому и имъ съ нѣкоторыми другими членами св. Синода разсматриванъ полный текстъ означенныхъ лекцій; и выписки оказались взятыми изъ онаго

и съ нимъ сходными, хотя то былъ другой и изъ другихъ рукъ взятый экземпляръ, а не тотъ, изъ котораго взяты были выписки въ прошедшемъ году. На этомъ экземплярѣ противъ одного мѣста, гдѣ говорится о свободѣ, рукою неизвѣстнаго читателя этой рукописи, между прочимъ, написано: „не хотѣлъ-ли о. И. сказать о безусловномъ обнаруженіи свободы въ поступкахъ?“ Отсюда члены св. Синода заключили, что именно Иннокентій былъ авторомъ этихъ лекцій, — авторомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Затѣмъ, — съ тою же самою цѣлію — приведенія дѣла въ большую ясность — былъ приглашенъ членами одинъ изъ бывшихъ слушателей Иннокентія, который также положительно объявилъ, что вышеозначенныя лекціи были дѣйствительно преподаны архимандритомъ Иннокентіемъ устно, что нѣсколько студентовъ записывали его слова и что затѣмъ по взаимному сличенію такихъ записей составлялся уже полный текстъ лекцій, который и распространялся между слушателями въ спискахъ, изъ которыхъ нѣсколько экземпляровъ, впрочемъ, не въ большомъ количествѣ вращалось въ то время и между извѣстными лицами въ самомъ С.-Петербургѣ. Три экземпляра такихъ лекцій были во владѣніи и у членовъ св. Синода. Въ виду всего сказаннаго членами св. Синода было признано необходимымъ сообщить объ оказавшемся кievскому митрополиту Евгенію, „дабы онъ, вновь призвавъ архимандрита Иннокентія, при архиастырскомъ увѣщаніи, вразумилъ его, что сіе не оффиціально, а приватно и тайно производимое дѣло имѣетъ цѣлію не то, чтобъ подвергнуть архимандрита Иннокентія отвѣтственности за погрѣшности, но чтобы довести его до откровеннаго изъясненія истины, побудить къ усовершенію своего образа мыслей и тѣмъ предохранить его отъ дальнѣйшихъ погрѣшностей и заблужденій и слѣдующаго за ними вреда и отвѣтственности, и довѣренность къ нему начальства по службѣ возстановить и утвердить“. Митрополитъ Серафимъ въ заключеніе своего письма къ митрополиту Евгенію также писалъ слѣдующее: „препровождая ее („записку“) къ вашему высокопреосвященству, я утѣряю васъ, по всей совѣсти моей, что члены св. Синода, коими она сдѣлана, искреннѣйше желаютъ соблюсти о. архимандрита Иннокентія

какъ для собственной пользы его, такъ и для пользы св. Церкви и духовныхъ училищъ, надѣясь несомнѣнно, что вы, какъ добрый пастырь, употребите всевозможное стараніе, чтобы сіе благое ихъ желаніе, чрезъ васъ, при содѣйствіи благодати Божіей, совершенно было исполнено къ общему нашему и вашему порадованію“. Когда Евгеній сообщилъ обо всемъ этомъ Иннокентію, Иннокентій все-таки стоялъ на своемъ, утверждая, что „лекцій, изъ которыхъ взяты отрывки (содержавшіе не православный образъ мыслей), имъ, Иннокентіемъ, студентамъ с.-петербургской академіи давано никогда не было“.

На основаніи письма московскаго митрополита Филарета къ Иннокентію отъ 25 февраля 1836 года можно догадываться, что настоящее негласное дознаніе объ образѣ мыслей кievскаго ректора было возбуждено, между прочимъ, самимъ Филаретомъ. Слухъ о „неологизмѣ“ такихъ школьныхъ богослововъ-новаторовъ какъ Павскій и Иннокентій, конечно, не могъ не достигнуть до ушей строгаго блюстителя православія, какимъ былъ всегда московскій свявитель. Желая провѣрить этотъ слухъ, онъ, по всей вѣроятности, постарался достать экземпляръ студенческихъ записей Иннокентіевскихъ лекцій и нашелъ въ нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неточное, а быть можетъ, и совершенно даже неправославное изложеніе тѣхъ или другихъ истинъ „общаго богословія“. Зная въ чемъ сила и желая поскорѣе потушить начинавшійся пожаръ, Иннокентій, не смотря на поддержку его со стороны кievскаго митрополита Евгенія, рѣшился однако же отправить письмо и къ московскому митрополиту Филарету. Въ этомъ письмѣ онъ жаловался московскому святителю на оказанную къ нему несправедливость и притѣсненія. Трудно допустить, чтобы архимандритъ Иннокентій былъ дѣйствительно виновнымъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы этотъ ученый и разумный человѣкъ, готовившійся принять епископство въ православной Церкви на самомъ дѣлѣ имѣлъ не православный образъ мыслей и не только имѣлъ, но и открыто навязывалъ его другимъ, — обучавшемуся у него юношеству. Намъ кажется это полною психологическою невозможностію. Но за то легко и удобно уяснить себѣ, какимъ образомъ въ студентческую записъ Иннокентіевскихъ лекцій могли войти

невѣрныя, а потому и неправославныя мысли. „Живая, ораторски-патетическая лекція Иннокентія, говоритъ профессоръ Барсовъ *), едва ли могла быть воспроизведена точно посредствомъ записи даже стенографической. Но такая запись въ то время вовсе не была извѣстна, и нисколько не удивительно, что въ лекціяхъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ вышли изъ подъ записей студентовъ, могли быть мысли невѣрныя. Но очевидно, за нихъ самъ лекторъ вовсе не подлежалъ отвѣтственности, ибо это не были его собственныя мысли. Въ такомъ видѣ дѣйствительно дѣло и выяснилось, какъ это видно изъ письма Филарета къ Иннокентію отъ 25 февраля 1836 года“. Изъ этого же письма можно заключать, что митрополитъ Филаретъ, а затѣмъ и остальные члены св. Синода, какъ видно, были вполне удовлетворены объясненіями Иннокентія, данными имъ по этому дѣлу...

Какъ-бы то ни было, по указанныя нами обстоятельства были именно причиною того, что въ теченіи почти четырехъ лѣтъ митрополитъ Евгений, при всѣхъ своихъ личныхъ симпатіяхъ, относился къ Иннокентію довольно недовѣрчиво. Впослѣдствіи, впрочемъ, убѣдившись въ несправедливости указанныхъ слуховъ и обвиненій, Евгений не только успокоился касательно свободомыслія Иннокентія, но проникся къ нему глубокимъ уваженіемъ и несомнѣннымъ довѣріемъ, раскрывалъ предъ нимъ свои проекты различныхъ преобразованій и совмѣстно съ нимъ обсуждалъ ихъ; даже кабинетныя, ученныя занятія не были сокрыты митрополитомъ отъ Иннокентія, которому онъ не только указывалъ путь необходимыхъ дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, но и поручалъ для продолженія свои недоконченныя работы. Это видно даже отчасти изъ письма Иннокентія къ Макарію отъ 26-го декабря 1846 года. Въ этомъ письмѣ уже изъ Харькова Иннокентій пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Съ нетерпѣніемъ жду исторіи преосвященнаго рижскаго (т. е. Филарета Гумилевскаго). Теперь можно отдохнуть сердцемъ за исторію, мысль о коей, признаюсь, лежала у меня камнемъ на сердцѣ. Извѣстно ли вамъ, что покойный преосвященный Евгений располагалъ писать исторію Церкви? У меня есть нѣсколько главъ ея начальныхъ. Изъ нея взяты у него исторія

*) „Христіанск. Чтен.“ 1883. № 11—12, стр. 647.

Софійскаго собора. Если угодно, я вамъ могу прислать. Съ новаго года и мы причислимъ себя къ вашему братству историческому“. Макарій заинтересовался историческими работами митрополита Евгенія и просилъ Иннокентія прислать ихъ съ первою же почтою. Исполняя это желаніе Макарія, Иннокентій писалъ ему отъ 27-го марта 1847 года, между прочимъ, слѣдующее: „все, что отыскалось изъ отрывковъ исторіи пресвященнаго Евгенія, посылается къ вамъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ. Тутъ увидите, по крайней мѣрѣ, его идею исторіи русской Церкви и планъ. Писалъ онъ ее,—какъ я вамъ, кажется, говорилъ прежде, — не много, поворотилъ потомъ къ исторіи кievскаго Софійскаго собора, о которой онъ самъ не разъ говорилъ, что она будетъ вмѣсто исторіи русской Церкви. Я многократно подходилъ къ нему съ мыслию и желаніемъ, чтобы онъ принялся за составленіе полной исторіи. Но у него вовсе не было къ нему расположенія. Особеннаго ожидать было нельзя. Но все же любопытно и поучительно было бы видѣть его взглядъ на событія. Взоръ его былъ какъ то узокъ и поверхностенъ и при томъ не безъ значительнаго скептицизма. Новѣйшія розысканія и открытія были для него чужды. Но касательно многихъ частныхъ онъ былъ незамѣнимъ. Это умъ регистратурный“...

Этотъ „регистратурный умъ“ „не безъ значительнаго скептицизма“ былъ однако-же настолько довѣрчивъ къ Иннокентію,—въ особенности въ дѣлѣ управленія ходомъ академическихъ занятій, что Иннокентій—повторяемъ—на дѣлѣ былъ полнымъ хозяиномъ управляемаго имъ высше-учебнаго духовнаго заведенія. Онъ дѣйствовалъ, какъ хотѣлъ и какъ находилъ лучшимъ, будучи вполне увѣреннымъ, что на всѣ его дѣйствія воспослѣдуетъ полное согласіе со стороны митрополита. Довѣріемъ этимъ Иннокентій однако-же никогда не злоупотреблялъ, а, напротивъ, благодаря ему, много сдѣлалъ добра для подвѣдомственной ему академіи. Преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ онъ распространилъ; такъ, философію, во всемъ ея объемѣ, постоянно стали излагать уже три наставника: протоіерей Иванъ Михайловичъ Скворцовъ—*метафизику*, Василій Николаевичъ Карповъ—*эмпирическую психологію*, о. Алексѣй Шокотовъ—

исторію системъ философскихъ (такъ философія читается въ духовныхъ академіяхъ и въ настоящее время); другимъ наукамъ онъ старался дать лучшій видъ: это — герминевтикѣ и обличительному богословію; третьи ввелъ вновь: именно эkkлeзиастикy и церковное законовѣданіе или канонику. Мало того, многимъ наукамъ онъ указалъ даже совершенно новое направленіе. Въ этомъ отношеніи онъ обращалъ особенное вниманіе на преподававшіяся въ академіи науки богословскія, историческія и философскія.

О направленіи и преподаваніи богословскихъ наукъ мы скажемъ, впрочемъ, нѣсколько частнѣе, когда будемъ говорить о дѣятельности самого Иннокентія, какъ профессора богословскихъ наукъ въ кievской духовной академіи. Что же касается наукъ историческихъ, то Иннокентій не только оживилъ ихъ преподаваніе, но и сообщилъ ему совершенно новое движеніе, указавъ какъ на послѣднюю цѣль историческаго образованія на изученіе и уразумѣніе смысла исторіи своего собственнаго отечества и своей собственной Церкви.

(Продолженіе будетъ)

ШТУНДИЗМЪ и ПАШКОВЩИНА.

(По поводу сочиненія Германа Далтона „Evangelische Strömungen in der Russischen Kirche der Gegenwart“. Heilbronn. 1881).

Чтобы избѣжать самообольщенія, для этого необходимо всегда принимать во вниманіе при углубленіи въ себя и мнѣнія другихъ. Если мы желаемъ поставить себя въ правильныя отношенія къ кому-либо, для этого намъ необходимо знать предварительно, какъ смотритъ на насъ самихъ то лицо, къ которому мы желаемъ поставить себя въ правильныя отношенія. Самопознаніе возможно лишь при познаніи другихъ. Конечно, мнѣнія о насъ другихъ еще не суть приговоръ, безъапелляціоно произнесенный надъ нами. Мнѣнія эти всегда могутъ быть ошибочны, пристрастны, односторонни. Но въ этомъ именно и состоитъ важное, такъ сказать, нравственно - воспитательное значеніе чужаго мнѣнія о насъ. Односторонность и ошибочность чужаго мнѣнія заставляють насъ глубже взглянуть въ свое собственное и безпристрастно провѣрить его снова, *sine ira et studio*. Мы всегда интересуемся сужденіями западной литературы о нашей церковно - общественной жизни; надѣемся, что и читатели наши не посѣтуютъ на насъ, что въ настоящей статьѣ мы предложимъ ихъ благосклонному вниманію сужденія западной прессы объ отрицательныхъ явленіяхъ нашей церковно - общественной жизни.

Въ послѣднее время на Западѣ возбуждается все большій и большій интересъ къ исторіи нашей Церкви и въ особенности къ ея современному положенію. Еще въ 1859 году въ Парижѣ издана была книга—*Le Raskol*,—содержаніе которой составляетъ нашъ русскій расколъ старообрядства, причины его

происхожденія и столь продолжительнаго существованія въ русскомъ обществѣ. Книга эта написана, впрочемъ, довольно легкомысленно, изобилуетъ слишкомъ поверхностными сужденіями, а потому ни сама по себѣ, ни для русскаго общества, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Большой интересъ представляютъ рассказы о русской церковно-общественной жизни, принадлежащіе перу пастора Stevenson'a, который приписываетъ нашей Церкви великую живительную силу, а не одинъ только „византійски-неподвижной“ характеръ. Эту великую живительную силу нашей Церкви Stevenson усматриваетъ именно въ нашей японской миссіи. При этомъ онъ весьма сочувственно отзывается о дѣятельности извѣстнаго нашего миссіонера—архимандрита, а потомъ и епископа Николая. Въ 1863 году Д. К. Schédo - Ferroti издалъ въ свѣтъ свои Etudes sur l'avenir de la Russie. Впрочемъ, для насъ имѣетъ особый интересъ только его septième étude: la tolerance et le schisme religieux en Russie. Въ 1872 году d-r Блюменталь перевелъ на нѣмецкій языкъ ученый трудъ нашего извѣстнаго церковнаго историка, архіепископа Филарета Черниговскаго: „Исторію Русской Церкви.“ Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный трудъ нашего церковнаго историка въ нѣмецкомъ переводѣ явился довольно сокращеннымъ, оципаннымъ. Изъ оригинальныхъ нѣмецкихъ сочиненій, посвященныхъ изученію внутренней жизни Россіи, нельзя не упомянуть о сочиненіи Августа Фрейгерна фонъ-Гавстраузена, которое было издано въ Ганноверѣ еще въ 1847 году подъ названіемъ: „Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands.“ Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ превосходномъ сочиненіи въ такомъ-же родѣ—Russland, von Mackenzie Wallace съ статьею пастора Пехта о Россіи, помѣщенной въ „Historisches Taschenbuch begr. von Rauter“, 1878 г. Наконецъ, въ послѣднее время, на нѣмецкомъ языкѣ явились еще двѣ довольно интересныя изслѣдованія, специально посвященныя изученію отрицательныхъ явленій въ церковно-общественной жизни нашего отечества. Мы говоримъ о сочиненіи Германа Далтона: „Евангельскія теченія въ Русской Церкви настоящаго времени“ (Evangelische strömungen in

der Russischen Kirche der Gegenwart. Geschildert von Hermann Dalton. Heilbronn. 1881) и о сочиненіи Николая фонъ-Гербель-Эмбаха „Русскіе сектанты“ (Russische Sectirer. Von Dr. C. Nicolaus von Gerbel-Embach. Heilbronn. 1883 г.)

Оба послѣднія изслѣдованія имѣютъ предметомъ своего содержанія, какъ мы сказали выше, отрицательныя явленія нашей церковно-общественной жизни,—именно: Далтонъ трактуетъ о штундизмѣ и папковщинѣ, Эмбахъ—о расколѣ и сектантствѣ русскомъ со всѣми ихъ многочисленными развѣтвленіями вообще. Понятно, почему эти изслѣдованія представляютъ для насъ особый интересъ, который и побуждаетъ насъ частіе рассмотреть ихъ въ настоящей статьѣ.

Поводомъ къ изслѣдованію Германа Далтона послужила рѣчь св. Синоду, сказанная начальникомъ духовной миссіи въ Японіи, архимандритомъ Николаемъ, при нареченіи его во епископа ревальскаго, викарія Рижской епархіи, 27 марта 1880 года. Объяснивъ предварительно своимъ соотечественникамъ, съ примѣсю самаго тонкаго юмора, что въ Россіи совершенно въ порядкѣ вещей—называться ревальскимъ епископомъ, викаріемъ Рижской епархіи, и жить гдѣ-нибудь въ Японіи, и указавъ на существующій въ русской Церкви обычай, по которому новоизбранный архипастырь произноситъ предъ св. Синодомъ рѣчь—„нѣчто въ родѣ программы своей будущей дѣятельности“—Далтонъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи Николая. Выдержки эти слѣдующія. „Невозможно быть послѣдовательнымъ католикомъ или протестантомъ,“ говорилъ архимандритъ Николай: „католицизмъ и протестантство, по природѣ своей, какъ смѣсь богооткровенныхъ истинъ и человѣческихъ измышленій, тѣхъ и другихъ—точно глина и желѣзо, не имѣющихъ никогда слиться въ одно цѣлое, находятся въ непримиримой враждѣ съ самыми элементарными приѣмами логики; и при послѣдовательномъ разсужденіи непременно приводятъ или къ православію—для тѣхъ счастливыхъ, которые имѣютъ внутреннюю и внѣшнюю возможность узнать его, или къ измышленію какого-либо новаго толка, или же, при недостаткѣ терпѣнія, къ отверженію всего разомъ—къ атеизму... Съ дажно явившимися и

ныи продолжающими существовать соблазнами—нашъ долгъ бороться, а не оставлять ихъ почти безъ всякаго вниманія. Лики великихъ святыхъ борцовъ съ древними ересями укоризненно смотрятъ на насъ изъ глубины исторіи. Не такъ равнодушны были Иринеи, Аѳанасіи, Григоріи, Дамаскины къ современнымъ имъ извращеніямъ христіанства! Притомъ-же, если мы будемъ оставаться равнодушными, то зараза, возникающая изъ того, что есть гниlostнаго въ католичествѣ и протестантствѣ, будетъ разслаблять и насъ самихъ. Нынѣшнее безвѣріе, на которое такъ много жалуются, не есть ли послѣдовательный продуктъ нездоровыхъ испареній отъ язвъ на огромномъ тѣлѣ католичества и разметанныхъ, еле живыхъ тѣлахъ протестантства? Къ чему прицѣплится и что найдетъ неразумнаго или фальшиваго философскій анализирующій умъ въ православіи, когда въ немъ все неподражаемо разумно и свято, когда оно—точно блистающій шаръ, идеально правильный, вполне законченный и неуязвимо-крѣпкій?.. Намъ нужна живая дѣятельность, отъ которой бы дохнуло живымъ, освѣжающимъ вѣтромъ, не только у насъ, но и на Западѣ,—дѣятельность прямо направленная противъ самыхъ причинъ безвѣрія—извращеній Божественной истины въ католичествѣ и протестантствѣ. Мы довольно усердно стараемся рубить головы гидры, и въ этомъ помогаютъ намъ сами католики и протестанты: у насъ не мало превосходныхъ сочиненій, большею частію переводныхъ, по новѣйшей христіанской апологетикѣ, противъ безвѣрія; а дѣльныхъ сочиненій противъ католичества и протестантства нѣтъ! И безвѣріе продолжаетъ расти какъ на Западѣ, такъ и у насъ,—и будетъ расти до тѣхъ поръ, пока мы не озаботимся вырвать корень безвѣрія; а это невозможно, если мы не выдѣлимъ изъ своей среды людей, даже не составимъ общества—съ специальною задачею борьбы устнымъ и письменнымъ словомъ съ католичествомъ и протестантствомъ,—борьбы, конечно, исключаящей и мысль о какихъ-либо пріемахъ, несвойственныхъ истинной христіанской любви, но тѣмъ не менѣе горячей, какъ сама любовь, потому что изъ-за христіанской любви она и будетъ ведена. Дай Богъ, чтобы это состоялось поскорѣе!“ (Evang Strömungen, стр. 4—5).

Приведши эту выдержку изъ рѣчи нареченнаго епископа Николая, Далтонъ восклицаетъ: „какой слишкомъ болѣзненный, въ Россіи еще неслыханный, совершенно непонятный языкъ!“ Его особенно поражаетъ то, что эта рѣчь принадлежитъ и произнесена устами того человѣка, которому нужно вовсе не такое слово, чтобы обратить на себя вниманіе, — устами главы русской миссіи въ Японіи, — человѣка рѣдкихъ дарованій. Далтонъ сознается, что рѣчь эта произвела на Западѣ тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе, что о ея авторѣ тамъ составилось самое лестное мнѣніе... Что же дѣлаетъ Далтонъ?.. Сдѣлавъ Николаю нѣсколько неуклюжихъ укоровъ, въ родѣ, напр., того, что составленный имъ „переводъ Новаго Завѣта на японскій языкъ до сихъ поръ находится только въ рукописи и лежитъ въ его письменномъ столѣ,“ онъ старается поворотить лезвіе ножа назадъ, по направленію отъ протестантства къ русской православной Церкви съ чисто дѣтскими приѣмами, — „ты говоришь моль, о насъ, а посмотри-ка лучше на самого себя, каковъ ты!“. . Правда, Далтонъ говоритъ, что ему „дало въ руки перо вовсе не желаніе опровергать необдуманная рѣчи,“ что „рѣчь епископа невольно направила всеобщее вниманіе на жизнь Русской Церкви.“ Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ Далтонъ вовсе не дѣлаетъ того, что онъ говоритъ на словахъ. Какъ увидимъ ниже, при изложеніи его воззрѣній на отрицательныя явленія нашей церковно-общественной жизни, главною цѣлію, побудившею его взять въ руки перо, и было именно желаніе набросить тѣнь на „Schwesterkirche“, какъ называетъ онъ русскую православную Церковь. Гдѣ же Далтонъ думаетъ найти столь мрачныя краски, чтобы положить тѣнь на православную русскую Церковь?—Въ штундѣ и паниковщинѣ. Познакомимся же нѣсколько ближе съ воззрѣніями Далтона на эти два прискорбныя явленія въ нашей церковно-общественной жизни.

I.

Что-же такое, по Далтону, наша штунда? Въ чемъ она состоитъ? Откуда она началась и гдѣ причины ея явленія?—Первое извѣстіе о русскихъ штундистахъ, говоритъ Далтонъ (стр. 8), было получено „Одесскимъ Вѣстникомъ“, 14 марта 1868

года. Такъ какъ до города стали доходить довольно чудовищныя слухи о начинавшемся движеніи изъ глухой степной деревни нѣмецкой колоніи, то пасторъ этой колоніи, имя котораго часто упоминалось по этимъ слухамъ, рѣшился дать въ газетѣ русской, очень распространенной по берегамъ Чернаго моря, нѣкоторыя объясненія касательно штундистовъ. Вотъ почему эта корреспонденція и была подписана именемъ *Карла Бонекемпера*, пастора реформатской церкви въ Рорбахѣ. Имя Бонекемпера между южными колонистами всегда пользовалось вполне заслуженною популярностію. Онъ принадлежалъ къ тому небольшому числу первыхъ посланниковъ миссіонерской компаніи, которые въ 1823 году, какъ піонеры, были посланы на Кавказъ, но высланные оттуда, большею частію, заняли постоянныя мѣста пасторовъ въ многочисленныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ на югѣ Россіи. Іоаннъ Бонекемперъ уже въ 1824 г. прибылъ въ Рорбахъ, нѣмецкую колонію, находившуюся въ плодородной степи не въ далекомъ разстояніи отъ Одессы, гдѣ онъ и прожилъ въ званіи пастора около четверти столѣтія. Между этими колонистами, выселившимися въ 1809 г. большею частію изъ Пфальца и Вюртемберга, строго соблюдался всегда старый вюртембергскій обычай въ воскресенье вечеромъ собираться въ извѣстное мѣсто и часъ (Stunde) времени посвящать чтенію и толкованію Св. Писанія (Brauch des „Stundenhaltes“). Двадцать лѣтъ тому назадъ Далтонъ посѣтилъ на короткое время эту колонію и лично убѣдился, какое доброе воспоминаніе оставилъ о себѣ у этихъ колонистовъ „отецъ Бонекемперъ“ и какое благодѣтельное вліяніе оказываетъ упомянутый обычай (Stundenhaltes). Во время этого пребыванія своего въ названной колоніи, Далтонъ былъ, между прочимъ, приглашенъ и въ собраніе штундистовъ. Въ школьную комнату собрались штундисты, мушкетеры и женщины; безъ инструментальнаго акомпанимента, довольно высокимъ тономъ, пропѣли они какую-то хоровую пѣснь; старый, почтенный крестьянинъ произнесъ, по вдохновенію, какую-то молитву; наконецъ, былъ прочитанъ отрывокъ изъ Св. Писанія и одинъ свѣдущій въ писаніи, по поводу содержанія прочитаннаго отрывка, около получаса, произносилъ экспромтовую, прочувствованную рѣчь.

Собраніе закончилось молитвою и пѣніемъ. Толкованіе Св. Писанія здѣсь всегда имѣетъ въ виду ближайшее отношеніе къ жизни и дѣйствіямъ штундистовъ. Вотъ почему всѣ они вообще ведутъ жизнь строгую и высоконравственную. Кто ведетъ беспорядочную и разгульную жизнь и не слушается увѣщанія, тотъ исключается изъ „союза братьевъ,“—что въ глухой и одинокой колоніи, понятно, составляетъ самое тяжелое наказаніе.

Какимъ же образомъ изъ этой глухой и уединенной колоніи, штундизмъ, о которомъ въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій никто ничего не слышалъ, могъ распространиться впоследствии по другимъ мѣстамъ? Въ 1867 году изъ Америки возвратился на мѣсто своего дѣтства сынъ Бонкемпера, молодой человѣкъ, получившій въ Америкѣ отличное богословское образованіе, превосходный проповѣдникъ, знавшій хорошо мѣстное южно-русское нарѣчіе. Сначала онъ вступилъ въ сношеніе съ крестьянскими дѣтьми, а потомъ и со взрослыми, между прочимъ, и съ однимъ простымъ, но „благочестивымъ“ (frommen) крестьяниномъ Кіевской губерніи, который ходилъ на югъ „на заработки.“ Крестьянинъ этотъ былъ свидѣтелемъ домашнихъ молитвословій въ пасторатѣ и „благочестивыхъ“ собраній „штундгалтеровъ“. Пасторъ усердно растолковалъ любознательному русскому крестьянину все имъ видѣнное, возбуждавшее въ немъ живое участіе. Благодаря богатому дарованію, которое такъ свойственно русскому народу, въ короткое время крестьянинъ этотъ выучился читать. Въ то время рускій Императоръ содѣйствовалъ распространенію Слова Божія на русскомъ языкѣ и новый прозелитъ штундизма получилъ отъ пастора въ подарокъ эту драгоценную книгу. Съ святою ревностію, говоритъ Далтонъ, онъ погрузился въ столь для него новое, столь чудесно-плѣнительное содержаніе Библии и ощутилъ въ своей душѣ все освящающее дѣйствіе этого содержанія. Вотъ какъ нашелъ этотъ крестьянинъ ключъ для тѣхъ „собраній любви,“ которыя устрояютъ штундисты, вотъ какъ онъ нашелъ „миръ для души, познавшей и возлюбившей Господа, какъ своего Спасителя“.

Какъ новое твореніе, говоритъ Далтонъ, крестьянинъ, пос-

лѣ мѣсячнаго отсутствія, возвратился домой въ свою деревню въ Кіевской губерніи съ своимъ драгоценнымъ, въ нѣмецкой степной деревнѣ найденнымъ перломъ. Священное сокровище, которое онъ нашель самъ, онъ не хотѣлъ да и не могъ сокрыть въ деревнѣ отъ своихъ братьевъ. Въ его бѣдной деревянной избушкѣ, въ темные, длинные зимніе вечера стали собираться крестьяне, и просвѣщенный нѣмецкимъ пасторомъ новый штундгалтеръ читалъ имъ отрывки изъ Св. Писанія. Закоптѣлая, душная хата стала для слушателей храмомъ и, въ глубинѣ души охваченные и преобразованные священнымъ содержаніемъ читаемаго, эти „благочестивые“ люди со всею силою предалися слушанію живаго слова. Впрочемъ, въ то время они были слишкомъ далеки отъ того, чтобы думать о разрывѣ съ своею Церковію: кому изъ истинно русскихъ людей, спрашиваетъ Далтонъ, такъ легко могла придти на умъ подобная мысль? Чистосердечно и съ полнымъ довѣріемъ обращались они къ своему попу (an ihren Popen), желая и надѣясь, что онъ охотно объяснитъ имъ нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, довольно трудныя для пониманія. Но для бѣднаго сельскаго священника, этого слишкомъ устарѣвшаго пастыря душъ, такое желаніе нѣкоторыхъ его прихожанъ было странно, непонятно, которому даже не слѣдовало и удовлетворять. И вотъ крестьяне, не только не получившіе желаемаго объясненія въ своей Церкви, но даже лично оскорбленные и опозоренные предъ другими, снова возвратились въ свою избу, чтобы тамъ, въ молитвѣ, достигнуть желаемаго объясненія отъ Самого Бога. А между тѣмъ, какъ было-бы благоразумно и хорошо, замѣчаетъ Далтонъ, еслибы Церковь оказала просимую поддержку и матерински приняла къ себѣ этихъ испытующихъ душъ!..

Религіозное движеніе не ограничилось однакоже одною этою деревнею,—мы намѣренно избѣгаемъ называть ее собственнымъ ей именемъ, говоритъ Далтонъ. Извѣстіе объ этихъ читателяхъ Св. Писанія скоро распространилось по сосѣднимъ селамъ; имъ уже дали имя штундистовъ, конечно, въ связи съ тѣмъ обычаемъ, существующимъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, которымъ данъ былъ этому движенію первый внѣшній толчекъ. Ни время, ни притѣсенія, ни увѣщанія русскаго духовенства не могли

воспрепятствовать распространению штунды. Въ одной Кіевской губерні штундисты исчисляются теперь многими тысячами. Но ихъ адепты разсѣялись уже не только по Волгѣ, но и по всей Россіи.

Какъ только эти „штундисты“, говоритъ Далтонъ, благодаря внимательному чтенію Слова Божія, достигли до познанія Евангелія, они не захотѣли считаться принадлежащими къ прежней своей Церкви. Впрочемъ, въ началѣ возбужденія этого религіознаго движенія, штундисты еще ревностно посѣщали приходскіе храмы и участвовали въ ихъ богослуженіяхъ; но когда приходскіе священники возстали противъ нихъ и ихъ дѣйствій и даже отчасти поотымали у нихъ столь любимое ими Евангеліе на русскомъ языкѣ, съ болью на сердцѣ они перестали посѣщать богослуженіе и ограничились исключительно своими частными собраніями, надѣясь, въ ревностномъ изученіи Слова Божія, пріобрѣсти для своихъ душъ болѣе, чѣмъ участіемъ въ богослуженіи, славянскій языкъ котораго для нихъ положительно (einmal überall) непонятенъ. Въ свое общество они принимали только того, кто произнесетъ символъ вѣры и окажетъ достойную Евангелія жизнь и дѣятельность. Впрочемъ, Далтонъ сознается, что эти „добрые люди“ ступили безъ опытнаго руководства на ложный путь и усвоили себѣ нѣкоторыя баптистическія воззрѣнія или, по крайней мѣрѣ, стали весьма склонны къ нимъ, и ревностные посланники этой столь необыкновенно дѣятельной секты (баптистической) нашли уже для себя дорогу въ ихъ глухія села. Выдающуюся роль въ богослужебныхъ собраніяхъ штундистовъ играетъ свободная (freie) молитва; много и усердно штундисты молятся за Императора и благодарятъ Бога за то, что милостію Императора, этого отечественнаго друга народа, получило весьма обширное распространеніе на родномъ русскомъ языкѣ Слово Божіе. На вопросъ, ясно ли понимаютъ они вообще Слово Божіе, эти „благочестивые“ люди отвѣчали: „когда мы читаемъ Библию, мы чувствуемъ себя только какъ-бы маленькими цыплятами, которыя пытаются проломить скорлупу“.

Какъ и штундгалтеры въ нѣмецкихъ колоніяхъ, штундисты эти уважаютъ строгую нравственную жизнь. Самые рѣши-

тельные противники ихъ должны только засвидѣтельствовать о значительной, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, перемѣнѣ къ лучшему нравственной жизни и поведенія штундистовъ. Пьянство среди ихъ не имѣетъ для себя мѣста, потому что они совсѣмъ перестали употреблять спиртные напитки; божбы у нихъ также не слышно болѣе. Прилежно и аккуратно каждый изъ нихъ занимается своимъ дѣломъ и вотъ даже въ короткое время среди нихъ замѣчается усиленіе внѣшняго благосостоянія. Къ своимъ обязанностямъ штундисты относятся весьма строго. Вотъ два доказательства. Одна штундистка, работая въ большомъ имѣніи одного польскаго помѣщика въ Кіевской губерніи, вмѣстѣ съ другими, порицала лѣнивыхъ и нерадивыхъ поденщиковъ за то, что они нечестно выполняли свои обязанности, доказывая, что лѣность къ работѣ, за которую они получаютъ плату, есть воровство. Ночной сторожъ, ставши штундистомъ, отказался отъ своего мѣста, которое почти обезпечивало все его существованіе, объясняя, что теперь онъ считаетъ не справедливымъ, подобно другимъ ночнымъ сторожамъ, спать въ ночное время, а бодрствовать всю ночь послѣ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ онъ не можетъ.

Нужно замѣтить, говоритъ Далтонъ, хотя, впрочемъ, это вполне понятно и само собою, что тамъ, гдѣ сельскіе священники не обращаются грубо съ народомъ, а дружественно и охотно входятъ въ его положеніе и по человѣчески обходятся съ прихожанами, число штундистовъ увеличивается только умеренно. Самое громадное усиленіе штундизма замѣчается въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ священники или сами непосредственно употребляютъ весьма жестокія мѣры или призываютъ къ себѣ на помощь представителей свѣтской власти. Штундисты, говоритъ Далтонъ, были также весьма озадачены, когда у нихъ стали отымать и преслѣдовать небольшое сочиненіе „Путь спасенія“, авторомъ котораго заглавный листокъ называетъ нынѣ умершаго, достойнѣйшаго митрополита московскаго, Иннокентія. Такимъ образомъ, сочиненія этого человѣка потеряли всякое свое значеніе предъ судейскимъ кресломъ тѣхъ, которыхъ преслѣдовали. Простые крестьяне никакъ не могли ужесточить этого.

Очень могло быть, говоритъ Далтонъ, что эти простые люди

часто въ грубой и рѣзкой формѣ выражали свое неодобреніе, что касается обрядовъ и обычаевъ господствующей Церкви, для которыхъ они не находили оправданія въ Св. Писаніи. Вотъ почему того, который такъ необдуманно говорилъ, всегда можно было легко подвергнуть всей тяжелой отвѣтственности предъ суровымъ закономъ. Дѣйствительно, два штундиста въ наказаніе за такое злорѣчіе были посланы въ монастырь, чтобы тамъ подъ воспитательнымъ руководствомъ монаховъ они сознали и покаялись въ своемъ грѣхѣ противъ Церкви. Мнимый сынъ православной Русской Церкви, именующій себя графомъ Библейскимъ (Graf Bibleiski), какъ увидимъ ниже, преданнѣйшій ученикъ Пашкова, по словамъ Далтона, встрѣтился съ ними, спустя уже шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ они въ Кіевѣ были посажены за монастырскія стѣны. Несчастные люди, привычные къ постояннымъ тяжелымъ полевымъ работамъ, теперь присуждены были къ полнѣйшему бездѣйствію, и ни одинъ монахъ не сказалъ съ ними за все это время ни одного слова о Церкви или вѣрѣ или Словѣ Божіемъ... Другой случай. Одинъ бойкій полицейскій солдатъ приставленъ былъ наблюдать за порядкомъ въ собраніяхъ штундистовъ. Скоро солдатъ этотъ ощутилъ въ своей душѣ неотразимое вліяніе штундизма. Онъ сталъ читать Слово Божіе; все глубже и серьезнѣе вникалъ онъ въ содержаніе читаемаго и мало-по-малу почувствовалъ надъ собою всю его силу. Вліяніе стало замѣтно. Солдатъ этотъ пересталъ пить водку и пьянствовать; пересталъ сквернословить и началъ безупречно исполнять свои обязанности. Но онъ не могъ обуздать своего языка, когда усматривалъ мнимыя злоупотребленія въ Церкви. Особенно жестоко и грубо говорилъ онъ о почитаніи въ его Церкви Матери Божіей, которое казалось ему идолопоклонническимъ, и свое порицаніе выразилъ въ такихъ словахъ, за которыя гражданскій законъ караетъ какъ за богохульство. Графъ Библейскій постарался отыскать этого безумца въ тюрьмѣ, гдѣ около мѣсяца онъ находился уже подъ строгимъ арестомъ. Безъ ропота на свою судьбу, безъ всякой боязни наказанія—ссылки въ Сибирь, солдатъ этотъ высказалъ графу даже свое удовольствіе, что онъ страдаетъ за Слово Божіе (!)

Послѣ небольшого панегирика штундизму, Далтонъ, наконецъ, указываетъ и нѣсколько примѣровъ его освящающаго и облагораживающаго дѣйствія. Одну молодую штундистку спросили, участвуетъ ли она въ танцахъ?— „Какъ я могу еще имѣть желаніе танцовать, отвѣчала она, когда я знаю, что танецъ соблазнилъ сердце Ирода и заставилъ его дозволить отрубить главу Іоанна Крестителя“. Другая штундистка говорила, что она ни подъ какимъ условіемъ не можетъ болѣе лобызать въ церкви креста, потому что не крестъ ее искупляетъ, а только пролитая на крестѣ кровь Спасителя. Одна поденщица, увлекшаяся штундизмомъ, находясь однажды на работѣ въ полѣ, начала плакать навзрыдъ и, на вопросъ о причинѣ ея слезъ, отвѣчала, что она не можетъ воздержаться отъ нихъ, какъ только вздумаетъ о томъ, сколько еще безчисленныхъ душъ не имѣетъ этого мира (штундизма) и погибаетъ безъ вѣры.

Такими наглядными и, быть можетъ, для кого либо поразительными примѣрами Далтонъ оканчиваетъ свое рассужденіе о *русской штундѣ*.

Отъ этой, такъ сказать, простонародной или крестьянской секты Далтонъ переходитъ къ сектѣ модной, аристократической, именуемой пашковщиною. Но прежде чѣмъ излагать сужденіе его объ этой сектѣ, считаемъ нужнымъ предъувѣдомить своихъ читателей, что Далтонъ самъ принадлежитъ къ числу почитателей пашковщины, и даже въ своей квартирѣ въ Петербургѣ устраивалъ собранія для лицъ, желавшихъ слушать моднаго свѣтскаго проповѣдника.

Явное начало этого другаго „евангелическаго теченія“, говоритъ Далтонъ, относится къ первому пребыванію лорда Редстока въ Петербургѣ на страстной недѣлѣ въ 1874 году. Въ русскую столицу лордъ Редстокъ явился будто-бы по настойчивому приглашенію нѣкоторыхъ лицъ изъ числа русской аристократіи, познакомившихся съ добровольнымъ свѣтскимъ проповѣдникомъ и удивлявшихся его безустанной дѣятельности. Въ этомъ приглашеніи Редстокъ усмотрѣлъ указаніе своего Господа и охотно ему послѣдовалъ. Появленіе его въ Петербургѣ въ роли проповѣдника заключало въ себѣ нѣчто достойное удивленія. Петербуржцамъ казалось чѣмъ-то необыкновеннымъ

видѣть человѣка аристократическаго происхожденія, англійскаго лорда, въ простомъ, обыкновенномъ домашнемъ платьѣ, выступившимъ предъ обществомъ, безъ уполномочія отъ Церкви, по одному влеченію своего собственнаго сердца, чтобы говорить о Словѣ Божіемъ,—ихъ поражало, какъ прежде проповѣди онъ становился на колѣни и тихо, безъ словъ, молился про себя, затѣмъ приглашалъ къ молитвѣ присутствующихъ,— ихъ удивляло, какъ онъ самымъ простымъ, такъ сказать, обиходнымъ языкомъ, безъ помазанія (Salbung), безъ всякаго искусственнаго украшенія рѣчи, почти обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ, излагалъ предъ ними то, чѣмъ полно было его сердце.

Въ числѣ увлеченныхъ Редстокомъ прежде всего нужно, конечно, назвать Василю Александровича Пашкова. Пашковъ принадлежитъ къ богатѣйшимъ фамиліямъ русскимъ. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи и его обширныя залы всегда были открыты для высшаго аристократическаго міра. Къ христіанству если онъ не относился враждебно, то во всякомъ случаѣ былъ къ нему очень равнодушенъ, какъ это обыкновенно, по замѣчанію Далтона, бываетъ въ аристократическихъ кружкахъ Россіи. Въ пышныхъ покояхъ Пашкова, собственно говоря, для Бога не было мѣста. Однажды онъ, впрочемъ, предоставилъ Русскому Библейскому обществу свой роскошный домъ для годичнаго собранія; но это еще не значитъ, чтобы въ то время онъ сочувствовалъ стремленіямъ этого общества. Онъ только ничего не имѣлъ противъ этихъ стремленій. Впослѣдствіи въ его домѣ удалось устроить собраніе и лорду Редстоку. Хозяинъ однако-же уклонился отъ встрѣчи съ этимъ англійскимъ аристократомъ-проповѣдникомъ,— но за то ему пришлось встрѣтиться съ нимъ въ чужомъ домѣ. Трудно ему было, говоритъ Далтонъ, идти противъ рожна. Онъ невольно увлекся имъ и сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его учениковъ. Ревностно онъ сталъ дѣйствовать вмѣстѣ съ своимъ учителемъ какъ устною проповѣдію, такъ и распространеніемъ среди народа Слова Божія, получая громадную матеріальную поддержку изъ Англійи отъ Лондонскаго общества чрезъ посредство секретаря этого общества dr. Craigh—и деньгами, и книгами. Первыя собранія этого новоучрежденнаго общества происхо-

дили въ квартирѣ самого нашего разскащика, г. Далтона. Далтонъ самъ сознается, что въ первое время общество это имѣло очень мало шансовъ на успѣхъ своего дѣла. Члены общества не знали еще духовныхъ потребностей русскаго народа и находились въ сильной зависимости отъ Англии. Ихъ дѣятельность ограничилась въ первое время лишь уродливыми переводами соотвѣтствующихъ книгъ и статей съ англійскаго языка на русскій. Переводы эти однако же оказались почти недоступными русскому народу. Вотъ почему самъ Редстокъ занялся составленіемъ „летучихъ листовъ“ (Flugblätter), имѣя въ виду исключительно русскій народъ, а Пашковъ и его друзья переводили эти „листки“ на русскій языкъ.

Этою работою еще, впрочемъ, не ограничивалась дѣятельность кружка, собравшагося около Пашкова. Дѣла человѣколюбія пашковцевъ стали особенно проявляться во время войны. Княгиня У. добровольно отправилась въ дунайскую армію и съ самоотверженіемъ ухаживала за тяжело ранеными, другіе ухаживали за больными въ разныхъ лазаретахъ и больницахъ, третьи занялись посѣщеніемъ тюремъ и утѣшеніемъ заключенныхъ въ нихъ преступниковъ. Привошенія и пожертвованія получались десятками тысячъ. Самъ Пашковъ между тѣмъ занимался проповѣдію. Онъ являлся въ извозчичьи дворы, фабрики, мастерскія, — гдѣ только можно было встрѣтить толпу простаго народа: По воскреснымъ же днямъ, вечеромъ, народъ собирался у самого Пашкова. Въ его пышныхъ залахъ, въ которыхъ прежде давались лишь одни блестящіе балы, теперь толпа народа слушала толкованіе Слова Божія! Слушатели Пашкова исчислялись цѣлыми тысячами. И съ какою благодарностію, говоритъ Далтонъ, относился народъ къ Пашкову за его чтеніе и толкованіе Слова Божія! Слава о немъ разнеслась скоро по всей Россіи и даже Финляндіи. „Пашковъ намъ сдѣлалъ много добра“, говорятъ обыкновенно крестьяне, слышавшіе наставленія Пашкова. Кромѣ Пашкова объясненіемъ Св. Писанія занимался еще и графъ W. или Библейскій, о которомъ мы упоминали выше. Княгиня V. объясняла Св. Писаніе торговкамъ, горничнымъ, кухаркамъ, прачкамъ и т. п.

Пашковцы, по словамъ Далтона, ничего не имѣютъ противъ

православной Церкви. Вся заслуга Пашкова состоитъ будто-бы въ томъ, что онъ уяснилъ народу истинное понятіе о Богѣ и въ частности объ Иисусѣ Христѣ. До Пашкова русскій народъ не имѣлъ, по словамъ Далтона, правильнаго христіанскаго понятія о Богѣ, какъ Спасителѣ падшаго человѣчества. Отдѣленный отъ людей ликомъ святыхъ (Heiligenschar), какъ царь придворнымъ штатомъ, Христосъ до Пашкова и Редстока представлялся русскому народу не человѣколюбивымъ Спасителемъ міра, принимающимъ въ свои объятія грѣшное человѣчество, а лишь грознымъ Судіею, грядущимъ судить вселенную. Въ своихъ проповѣдяхъ Пашковъ потрясалъ слушателей своею рѣчью о нашей всеобщей грѣховности, увлекалъ своимъ превосходнымъ изложеніемъ христіанскаго ученія о благодати, которую ниспосылаетъ намъ Богъ въ Евангелии Своего Сына, нашего единственнаго Господа, наконецъ, возвѣщалъ успокоительное и нравственно преобразующее значеніе блаженства человѣка-христіанина, который достигаетъ мира въ Богѣ и, въ Богѣ найдши свой покой, посвящаетъ Ему всю свою жизнь.

Само собою понятно, что слушатели Пашкова, просвѣщенные истолкованнымъ имъ Евангеліемъ, иными глазами взглянули на нѣкоторыя вещи, практикующіяся въ Русской Церкви, но не имѣющія для себя никакого основанія въ самомъ Евангелии. Отсюда—нападки на Пашкова и его проповѣди. Собранія въ обширныхъ залахъ Пашкова еще весною 1881 года были запрещены, хозяину на нѣкоторое время было приказано оставить свое отечество. Осенью, правда, безъ особыхъ препятствій, онъ возвратился въ Россію, но домъ его уже не могъ быть открытъ для народной толпы, жаждавшей чтенія и назиданія въ Словѣ Божіемъ. Между тѣмъ въ томъ же году въ Россіи образовалось противопашковское общество (ein Anti-Paschkoff-Verein), съ цѣлю оказать „новымъ сектантамъ“ энергическое противодѣйствіе; въ Россіи явились публичныя чтенія, конференціи, диспуты и увѣщанія. Въ газетахъ стали показываться разныя безыменныя статейки, направленные противъ этого евангелическаго теченія (Strömung). Кромѣ того, въ нашемъ распоряженіи, говоритъ Далтонъ, въ настоящее время находятся довольно длинныя „письма къ извѣстной личности въ Петербургѣ“, изъ ко-

торыхъ нѣкоторыя посторонними людьми раздавались по вечерамъ многочисленнымъ посѣтителямъ пашковскихъ засѣданій на улицѣ при выходѣ изъ дома. Не будемъ говорить о многосложномъ содержаніи этихъ писемъ, замѣчаетъ Далтонъ, — одно изъ нихъ едва умѣстилось на 32 страницахъ довольно убористой печати, — но мы удивляемся только тому, что противопашковское общество думаетъ остановить это теченіе такими произведеніями, которыя пишутся въ ученомъ кабинетѣ, а не берутся непосредственно изъ Слова Божія.... Наконецъ, въ виду противодѣйствія евангелическимъ теченіямъ въ Россіи учреждены каѳедральныя изданія проповѣдей русскихъ выдающихся духовныхъ лицъ. Но эти проповѣди, впрочемъ, мало или даже совсѣмъ не содержатъ въ себѣ ничего такого, что требуется отъ „проповѣди“ евангелическою церковію. Такія изданія подъ столь громкимъ названіемъ выходятъ уже во многихъ городахъ русскихъ; есть „каѳедра Исаакіевскаго собора“, „Московская церковная каѳедра“, „Одесская церковная каѳедра“, „Харьковская церковная каѳедра“. Содержаніе многихъ изъ этихъ проповѣдей, говоритъ Далтонъ, для насъ можетъ быть довольно обиднымъ, такъ какъ они пишутся какъ бы по инструкціи, данной ревельскимъ епископомъ, живущимъ въ Токио, и направлены противъ протестантовъ. Чтобы судить о тонѣ этихъ проповѣдей, достаточно указать только на одну московскую проповѣдь, гдѣ всѣ приведенные признаки нигилистовъ несомнѣнно совпадаютъ и съ признаками протестантовъ, хотя послѣдніе прямо и не называются: они не соблюдаютъ постовъ, не кладутъ на себя крестнаго знаменія, не снимаютъ шляпы на улицѣ предъ церковію, въ своихъ квартирахъ не имѣютъ иконъ и т. д. Какъ далеки однако же, восклицаетъ Далтонъ, эти проповѣди отъ духа любви Евангелія Христова и даже находятся въ явномъ противорѣчій съ тѣмъ тономъ, который такъ повсюду замѣтенъ и въ литургіи и во всѣхъ иныхъ молитвахъ Русской Церкви! Равнымъ образомъ не есть, по мнѣнію Далтона, истинное толкованіе Слова Божія и то, когда одинъ изъ почтеннѣйшихъ представителей Русской Церкви предъ лицомъ тысячной толпы, окружающей въ Исаакіевскомъ соборѣ его проповѣдническую каѳедру, приближеніе Царства Бо-

жія, возвѣщенное Іоанномъ Крестителемъ въ его проповѣди о покаяніи, относится къ царствованію покойнаго Императора и Его многимъ благодѣтельнымъ реформамъ на пользу страны....

II.

Отзывомъ Далтона о русскомъ проповѣдничествѣ, какъ средствѣ противодѣйствія появившимся въ Россіи „евангелическимъ теченіямъ“, мы заканчиваемъ его сужденія по этому предмету. Но что сказать объ этихъ сужденіяхъ? Уже одно то, что авторъ принадлежитъ къ личнымъ почитателямъ Пашкова и его возрѣній, уступалъ ему для его собраній свою собственную квартиру и т. п., — заставляеть насъ критически относиться къ его сужденіямъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ, онъ, очевидно, изслѣдователь далеко не безпристрастный. Уже изъ представленнаго нами изложенія его изслѣдованія видно, что онъ весьма сочувственно говоритъ о „евангелическихъ теченіяхъ“ въ Россіи, такъ сказать, идеализируетъ ихъ на счетъ Русской Церкви и ея представителей. Штундисты у него пользуются эпитетами людей „благочестивыхъ“, „добрыхъ“, высоконравственныхъ и т. д. Пашковъ окружается ореоломъ почти апостольской славы, его проповѣдническая дѣятельность представляется чѣмъ-то необыкновеннымъ, почти сверхъестественнымъ, его „призваніе“ рисуется красками обращенія ап. Павла; подобно ап. Павлу, „ему трудно было идти противъ рожна“: „побѣжденный силою Божественной истины, онъ испыталъ то, что испытывали всѣ ученики Господа“ и т. п. Даже богохульникъ-штундистъ, публично изрыгавшій предъ народомъ *милыя слова* за святой обычай православной Церкви, высоко чтущей Матерь Божию, Которую ублажаютъ всѣ народы и вѣчно будутъ ублажать, какъ честиѣйшую херувимовъ и славнѣйшую серафимовъ, этотъ пегодлй, по словамъ Далтона и его Библейскаго графа, страдаетъ за *Слово Божіе*... Наконецъ, идеализируя „евангелическія теченія“, Далтонъ намѣренно скрываетъ ихъ мрачныя стороны, обходитъ ихъ молчаніемъ или-же ограничивается двумя—тремя случайными брошенными словами. Чтобы не быть голословными въ своемъ сужденіи о по-

веденіи Далтона, мы постараемся предъ глазами самихъ читателей нашихъ провѣрить его изслѣдованіе съ тѣми несомнѣнными данными, которыя въ настоящее время находятся въ нашемъ распоряженіи. Сужденія Далтона мы будемъ разсматривать съ двухъ сторонъ: 1) сами по себѣ и 2) въ ихъ отношеніи къ рѣчи нашего японскаго миссіонера Николая, произнесенной имъ предъ св. Синодомъ.

Прежде всего мы начнемъ свою рѣчь со штундистовъ, какъ сдѣлалъ это и самъ Далтонъ.

Совершенно справедливо говорить Далтонъ, что появленіе въ Россіи штунды должно быть соединено съ именемъ реформатскаго пастора нѣмецкой колоніи Рорбахъ, Бонекемпера. По словамъ Далтона, какъ и самого Бонекемпера, дѣятельное участіе послѣдняго въ пропагандѣ протестантизма среди южно-русскаго народонаселенія не имѣло сепаративнаго значенія по отношенію къ православной Церкви: малороссамъ ближайшихъ къ его пасторату селеній онъ будто-бы раздавалъ только Евангелія на русскомъ языкѣ и совѣтывалъ ихъ читать, собравшись вмѣстѣ, особенно въ праздничные дни, вмѣсто посѣщенія гульбищъ съ пѣснями и пьянствомъ. Мы не сомнѣваемся въ правдивости этой характеристики дѣятельности пастора Бонекемпера; но имѣемъ право сдѣлать упрекъ Далтону за то, что, раскрывая добрую сторону этой дѣятельности, онъ скрываетъ—намѣренно или ненамѣренно—обратную сторону этой дѣятельности,—въ чемъ именно и усматриваетъ въ протестантствѣ зло наибъ японскій миссіонеръ. Нечистосердечіе Далтона обнаруживается вполнѣ при сравненіи его характеристики Бонекемперовой дѣятельности съ тѣми безпристрастными извѣстіями о штундѣ, которыя время отъ времени появлялись на страницахъ нашихъ періодическихъ изданій. Вотъ какъ, напр., характеризуетъ дѣятельность Бонекемпера Ѳ. Четыркинъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (1880, № 47). „Въ настоящее время главнымъ дѣятелемъ штундистовъ, говоритъ Четыркинъ, является реформатскій пасторъ колоніи Рорбахъ—Бонекемперъ, долго жившій въ Америкѣ и всего себя посвятившій утвержденію христіанской правдивости между русскими поселянами. Сердечно жалѣя объ ихъ религіозномъ не-

вѣжествѣ, о пьянствѣ въ праздники, о нищетѣ, происходящей отъ безпорядочной жизни, онъ вздумалъ сдѣлать ихъ истинными и высоконравственными христіанами и рѣшился завлечь ихъ въ „Братство друзей Божіихъ“. Этому дѣлу онъ преданъ всею душою и всѣмъ сердцемъ; читаетъ книги болѣе русскія, чѣмъ нѣмецкія, запасается большимъ числомъ Евангелій въ русскомъ переводѣ и раздаетъ ихъ крестьянамъ, вступающимъ въ братство и обучающимся грамотѣ. *Когда они, замѣтивъ разницу въ догматахъ и обрядахъ православныхъ и лютеранскихъ, спрашиваютъ его о почитаніи святыхъ, о поклоненіи иконамъ, о постахъ и проч., тогда онъ даетъ имъ отвѣтъ, какъ богословъ и пасторъ реформатскій*. — Объ этой послѣдней чертѣ въ дѣятельности Бонкемпера—Далтонъ не говоритъ ни слова; а это-то именно и есть то зло, за которое протестантству нельзя сказать „спасибо“, и за которое порицаетъ его нашъ японскій миссіонеръ. Несомнѣнно, что Бонкемперъ преданъ своему дѣлу—утвержденію христіанской нравственности между русскими поселянами „всею душою и всѣмъ сердцемъ“, но его дѣятельность не безупречна, тамъ какъ онъ дѣйствуетъ съ задними мыслями, съ цѣлями сепаративными, пропагандируетъ протестантизмъ, имѣя въ виду отдѣленіе русскихъ поселявъ отъ православной Церкви и привлеченіе ихъ, если не къ реформатской церкви—что ему не дозволилъ-бы нашъ государственный законъ и о чемъ не можетъ не знать такой образованный человекъ какъ Бонкемперъ,—то по крайней мѣрѣ въ „Братство друзей Божіихъ“.

Но что такое „Братство друзей Божіихъ“ и что такое упоминаемые Далтономъ „штунденгалтеры“, представляющіе собою первую колыбель русской штунды? — „Братство друзей Божіихъ“, какъ и штунденгалтеры, обязаны своимъ происхожденіемъ не столько, кажется, религиознымъ какимъ-нибудь стремленіямъ, сколько идеямъ западной философіи и въ частности богословско-философскому піэтизму начала XVIII столѣтія. Въ этомъ отношеніи первыми родоначальниками штундизма должны быть названы проповѣдники германскаго протестантскаго піэтизма—Франке и Шпенеръ. Возставъ противъ своего духовенства, занимавшагося безплодными для жизни препіями объ отвлечен-

ныхъ богословскихъ предметахъ, Шпенеръ и Франке начали проповѣдывать о нравственномъ возрожденіи христіанства и дѣятельномъ служеніи Богу, поставляя безразличнымъ признавать то или другое вѣроисповѣданіе. Для этой цѣли они образовали свои *collegiae pietatis* (собранія благочестія) и свою *ecclesiolam in ecclesia* (особую церковь въ церкви), въ которыхъ исключительно читалась и объяснялась Библия для нравственнаго назиданія и воспитанія благочестивыхъ чувствъ. Развивая до крайнихъ предѣловъ общепротестантское начало свободнаго толкованія Св. Писанія, піетисты за основу вѣры и жизни считали внутреннее откровеніе каждаго, запечатлѣнное въ сердцѣ всякаго вѣрующаго, и вѣрующій піетистъ цѣнилъ это откровеніе выше откровенія писаннаго, заключеннаго въ Слово Божіе. Не признавая догматовъ вѣроисповѣданія безусловно необходимыми для спасенія человѣка, піетисты относились безразлично въ догматическому ученію вѣры и вѣроисповѣднымъ символамъ и формамъ. Точно также въ практическомъ отношеніи они не признавали необходимыми и установленные общественные законы, какъ нормы для жизни, считая достаточнымъ руководителемъ въ жизни христіанина присущій каждому вѣрующему внутренній законъ благодати, внутреннее откровеніе.

Съ этимъ объясненіемъ историческаго происхожденія штунды согласно и объясненіе, данное самимъ Бонкемперомъ въ его статьѣ о штундѣ, помѣщенной въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ (1868, № 56). „Братство Stunde, говоритъ онъ, началось въ Германіи, учредителемъ штундизма былъ пробстъ Яковъ Шпенеръ, умершій въ 1705 году въ Берлинѣ. Въ 1817 г. штунда переселилась съ вюртембергцами на берега Чернаго моря и, между прочимъ, въ колонію Рорбахъ. Пасторомъ въ этой колоніи состоялъ 24 года отецъ мой, послѣ отца я съ энергіей принялся преслѣдовать мысль объ утвержденіи братства прихода на здравыхъ началахъ“ („Церк. Вѣст.“ 1882 г., № 24).

Распространеніе штунды въ Россіи было далеко не такъ случайно, какъ представляетъ его Далтонъ. Въ 5—6 лѣтъ, не встрѣчая нигдѣ никакого для себя препятствія, не заявляя громко о своемъ существованіи, штунда охватила сразу цѣлыхъ пять уѣздовъ Херсонской губерніи: Херсонскій, Одесскій, Ана-

ньевскій, Елисаветградскій и Вознесенскій. Прежде всего изъ колоніи Рорбахъ, которая была и есть главное средоточіе штундизма въ Россіи, ученіе это перешло въ 1864 году въ Раснопольскую волость, Одесскаго уѣзда,—въ село Раснополь, въ мѣстечко Игнатьево и въ село Основу. Потомъ оно распространилось въ смежныхъ съ Одесскимъ уѣздахъ: Апаньевскомъ и Елисаветградскомъ,—именно въ селахъ Любоміркѣ, Карловкѣ и Обозковкѣ. Изъ Херсонской губерніи штундизмъ въ послѣдствіи былъ занесенъ и въ Кіевскую, именно—въ Таращанскій уѣздъ пришельцами отъ нѣмецкихъ колонистовъ. Главный притонъ штундизма здѣсь въ селахъ—Чаплинкѣ, Косяковкѣ и Плоскомъ. Изъ Херсонской-же губерніи штундизмъ распространился и по всѣмъ другимъ мѣстамъ Россіи.

Распространеніе штундизма совершалось общимъ путемъ заимствованія изъ первыхъ мѣстъ его появленія, при посредствѣ лицъ, удаляющихся нерѣдко на временное жительство или „на заработки“ и снова возвращающихся въ свои селенія. Впрочемъ, есть и постоянные, разъѣзжающіе миссіонеры штундизма. Кромѣ пастора Бонкемпера, особенно дѣятельными распространителями штундизма въ Херсонской губерніи являются крестьяне: Рябошапко, основавшій въ Любоміркѣ штунду въ 1867 году и Ратушный, основатель такой-же секты въ Основѣ, главный помощникъ Бонкемпера, разъѣзжающій подъ видомъ торговца по селамъ и распространяющій штундизмъ. Въ 1876 году Рябошапко обращался съ ходатайствомъ къ новороссійскому и бессарабскому генераль-губернатору о дозволеніи „выйти ему и двадцати семействамъ новообращеннаго русскаго братства на вольные степа или отдѣлиться постройкою, жительствомъ и степомъ“, во избѣжаніе притѣсненій отъ своихъ односельцевъ; если же такое разрѣшеніе невозможно, то оказать братству защиту отъ волостнаго старшины и общества и разрѣшить членамъ братства построить для дѣтей ихъ школу, которая вмѣстѣ могла-бы замѣнять и молитвенный домъ для ихъ братскихъ собраній. Не объясняя, какъ и для чего образовалось братство изъ двадцати семействъ и какое его устройство, Рябошапко въ прошеніи своемъ излагалъ нѣкоторыя правила „новаго братства,“ заключающіяся въ томъ, что братство

запрещаетъ пьянствовать и посягать на чужую собственность и проповѣдуетъ взаимную помощь другъ другу, — что основой вѣроученія братство признаетъ только одно Евангеліе, что иконы необязательно имѣть для молитвы, и что онѣ могутъ быть только украшеніемъ комнатъ; члены братства признаютъ крещеніе и причащеніе, но не принимаютъ ихъ отъ православныхъ священниковъ, — причемъ они исповѣдуютъ также, что крещеніе должно совершать только надъ лицами въ зрѣломъ возрастѣ, а не надъ дѣтьми (ср. „Ц. В.“ 1882 г., № 43). Еще дальше пошелъ Ратушный. Уполномоченный штундистами деревни Основы, онъ въ 1873 году обращался со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ Его Императорскому Величеству. Въ этомъ всеподданнѣйшемъ прошеніи были выражены жалобы штундистовъ деревни Основы на притѣсненія ихъ отъ однообщественниковъ, духовенства и мѣстныхъ гражданскихъ властей, запрещающихъ ихъ богослужебныя собранія, несправедливо налагающихъ денежные штрафы и предающихъ суду съ заключеніемъ въ тюремныя замки ихъ братьевъ по сектѣ. Жалуясь на несправедливость притѣсненія, Ратушный, въ принесенномъ на Высочайшее имя прошеніи, ходатайствовалъ о дарованіи штундистамъ „вольности религіи“, о дозволеніи имъ собираться для чтенія Евангелія и молитвы и о дарованіи свободы несправедливо заключеннымъ въ одесскомъ тюремномъ замкѣ членамъ ихъ братства. (Ibid.).

Въ Кіевской губерніи главными вожаками и распространителями штундизма являются однодворцы — Яковъ и Павелъ Цибульскіе, Осипъ Тышкевичъ, Захарій Богдановскій, Игнатій Флоринскій и въ особенности крестьянинъ села Чаплинки, Герасимъ Балабанъ. Первымъ пропагандистомъ штундизма въ Кіевской губерніи (въ Таращанскомъ уѣздѣ) считается, собственно, однодворецъ села Плоскаго Павелъ Цибульскій; тѣмъ не менѣе личность его въ роли перваго пропагандиста штунды въ Кіевской губерніи представляется незначительною; онъ былъ человѣкъ малограмотный и не отличавшійся природными способностями. Гораздо большее значеніе въ этомъ отношеніи должно приписать его брату — Якову Цибульскому, который часто посѣщалъ своего брата Павла, живущаго въ селѣ Плос-

комъ. Этотъ молодой человекъ, также, правда, малограмотный, приобрѣлъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія и въ нихъ вычиталъ наставленіе — проводить время въ чтеніи священныхъ книгъ и въ пѣніи псалмовъ и вести жизнь трезвую и благочестивую. Согрѣтый этими наставленіями, онъ началъ приглашать къ себѣ своихъ знакомыхъ односельцевъ для слушанія книжныхъ чтеній, для пѣнія псалмовъ и для совершенія богослуженія по обряду штундистовъ. Послѣдователи этого расколочителя — однодворцы Осипъ Тышкевичъ, Захарій Богдановскій и Игнатій Флоринскій — завлекли въ свое общество и другихъ, не только изъ своей однодворческой среды, но и легкомысленныхъ крестьянъ. Впрочемъ, самымъ способнымъ и самымъ виднымъ дѣятелемъ въ распространеніи штундизма въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи былъ крестьянинъ села Чаплинки, Герасимъ Балабанъ, занимавшій довольно видное мѣсто въ средѣ херсонскихъ штундистовъ и высланный оттуда на мѣсто своей родины за пропаганду штунды. Вотъ какъ описывается дѣятельность этого штундиста въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ прошлаго года (№ 43). „Съ прибытіемъ Балабана на мѣсто родины, въ село Чаплинку, развитіе штундизма въ районѣ Таращанскаго уѣзда принимаетъ значительные размѣры и обнаруживается въ открытой и смѣлой пропагандѣ съ кощунственнымъ отношеніемъ къ православной Церкви и явнымъ непослушаніемъ и противленіемъ мѣстнымъ властямъ. Съ самаго начала появленія штундизма въ Кіевской губерніи, духовенство позаботилось объ обращеніи уклонявшихся отъ православія назиданіями и увѣщаніями и имѣло въ этомъ нѣкоторый успѣхъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣчало прямой оппозиціи и явнаго упорства. Но съ появленіемъ дѣятельнаго и энергичнаго Балабана, въ дѣйствіяхъ сектаторовъ стали замѣчаться рѣзкія и фанатическія проявленія кощунства и насмѣшекъ надъ обрядами православной Церкви, вражды къ духовенству и православному обществу. Ни болѣе заботливыя мѣры духовнаго увѣщанія, ни строгія и бдительныя мѣры администраціи теперь уже не въ силахъ были остановить развитіе штундизма въ Кіевской губерніи: его послѣдователи быстро распространяются не только во многихъ селахъ Таращанскаго уѣзда, но и въ

уѣздахъ Сквирскомъ и Звенигородскомъ... Въ теченіе пяти — шести лѣтъ (съ 1870 по 1876 г.) послѣдователи штунды въ Кіевской губерніи въ числѣ своихъ членовъ имѣли многихъ смѣлыхъ и энергичныхъ дѣятелей, кромѣ Балабана, какъ напр. Лясоцкихъ, которые, не боясь суда, вели открытую пропаганду и заправляли всѣми дѣлами штунды въ качествѣ старшихъ братьевъ, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ херсонскими штундистами и баптистами...“ Впрочемъ, особенно широкіе размѣры принялъ штундизмъ въ селахъ Чаплинкѣ и Косяковѣ, въ которыхъ въ настоящее время, по словамъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, почти нѣтъ ни одного человѣка, не подпавшаго сектантской заразѣ, въ 1878 и 1879 г. Здѣсь распространенію этого ученія весьма много содѣйствовали его ревнители — Григорій и Янъ Синицкіе...

Совершенно справедливо мнѣніе Далтона, что, по началу своему, штунда, какъ и ея основатель—реформатскій пасторъ Бонекемперъ,—имѣли цѣль гуманную и христіанскую. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли что-нибудь дурнаго въ томъ, что колонисты въ свободные, досужіе часы собирались для чтенія Св. Писанія и утвержденія себя въ христіанской нравственности? Очевидно, нѣтъ. Что собранія эти дѣйствительно имѣли въ виду одну нравственную цѣль, — въ этомъ также не можетъ быть никакого сомнѣнія. Что первые штундисты не были какими-нибудь отъявленными негодьями, а напротивъ были люди, несомнѣнно стремившіеся къ нравственному усовершенствованію, объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ извѣстныя намъ газетныя сообщенія объ этой новой сектѣ. Самъ Бонекемперъ въ своей статьѣ о штундѣ („Одесскій Вѣстникъ“, 1868 года, № 56) такъ характеризуетъ штундистовъ: „послѣдователи штунды — самые лучшіе люди; они болѣе другихъ чистосердечны, просвѣщенны, скромны, щедры, добродѣтельны и зажиточны; на цѣлую жизнь человѣка они смотрятъ какъ на осуществленіе одной нравственной идеи добра... Штундисты всегда усердно посѣщаютъ свои собранія, а собираются они въ свободные часы (Stunde—часъ; отсюда и названіе „штунда“) по домамъ и наставляють другъ друга въ истинѣ, назидаются пѣснопѣніями, возвеличивающими Спасителя, и затѣмъ

чинно расходятся по домамъ; собранія эти обыкновенно устраиваются по воскресеньямъ, послѣ обѣда и вечеромъ, въ то самое время, когда народъ убиваетъ время въ шумныхъ оргіяхъ и попойкахъ“... „Штундисты, по словамъ Бонкемпера, ревностно стараются о введеніи въ жизнь опытнаго христіанства, видоизмѣняемаго, сообразно степени развитія его послѣдователей, требованіями жизни и духа времени, —это суть штунды“... Даже „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“, какъ и „Церковный Вѣстникъ“, не отвергаютъ того, что добрая нравственность штундистовъ достойна удивленія. По словамъ перваго изданія, отъ штундистовъ нельзя услышать ни одного ругательнаго слова. Слово „чортъ“, которымъ пересыпается руготня православныхъ поселянъ, считается у нихъ словомъ запретнымъ, такъ что, когда случится имъ слышать это слово отъ православныхъ, то они отварачиваются и уходятъ. Водку дозволяется пить только какъ лекарство: по двѣ рюмки до обѣда, до завтрака, до ужина. Напиваться пьянымъ — считается великимъ грѣхомъ. Развратъ строго воспрещается.

Само собою понятно, что истинно-христіанская нравственность не есть какая-нибудь характеристическая черта, принадлежащая исключительно штундизму. Не только можно, но и должно быть высоконравственнымъ человѣкомъ каждому, желающему не считаться только, но и быть на самомъ дѣлѣ истиннымъ сыномъ православной Церкви. Православная Церковь строже самого штундизма осуждаетъ развратъ, пьянство, праздность, сквернословіе, какъ и всякія другія безнравственныя дѣйствія, —и христіанинъ, по истинѣ православный, и безъ штундизма будетъ стремиться къ нравственному усовершенствованію или, какъ говоритъ Бонкемперъ, къ утвержденію себя въ истинно-христіанской нравственности. Слѣдовательно, изъ желанія достигнуть нравственнаго усовершенствованія, не только не слѣдовало оставлять православной Церкви, а напротивъ нужно было бы еще ближе поставить себя къ ней.

Ясно, что для отдѣленія отъ Церкви у штундистовъ были другія причины. Несомнѣнно, что въ первое время у нихъ не было прямаго желанія обособиться въ опредѣленную секту. На нѣкоторые обычаи православной Церкви, отличные отъ обыча-

евъ церкви лютеранской, они, правда, смотрѣли недовѣрчивыми глазами; но тѣмъ не менѣе ходили все-таки въ православные храмы, не оставляя своихъ собраній, обращались къ православнымъ священникамъ за различнаго рода молитвословіями, вѣнчались, крестили новорожденныхъ и причащались св. Таинъ въ православной еще Церкви, допускали даже православное погребеніе мертвыхъ, не считая нужнымъ лишь поминовенія усопшихъ и не отправляя тѣхъ службъ, безъ которыхъ они вообще видѣли возможность какъ-нибудь обойтись...

Что же оттолкнуло штундистовъ отъ православной Церкви и изолировало ихъ въ отдѣльную секту? Какъ на причину отпаденія штундистовъ отъ православной Церкви, Далтонъ указываетъ на какого-то сельскаго „попа“ (Рорен), которому просьба первыхъ штундистовъ объяснить встрѣченныя ими въ Св. Писаніи трудныя для пониманія мѣста показалась „странною, непонятною, которой вообще не слѣдуетъ и удовлетворять“. Такая случайность, по нашему мнѣнію, не могла быть причиною столь громаднаго слѣдствія. Но Далтонъ дѣлаетъ еще болѣе ложный шагъ, когда этого сельскаго „Рорен“ отождествляетъ съ самою русскою православною Церковію. Указавъ на этого сельскаго священника, Далтонъ, какъ мы сказали въ свое время, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „А между тѣмъ, какъ было бы благоразумно и хорошо, если бы Церковь оказала просимую поддержку и матерински приняла къ себѣ этихъ исплывающихъ душъ“!.. Слѣдовательно, по Далтону, выходитъ, что, въ лицѣ какого-то сельскаго священника, сама православная Русская Церковь отвергла просьбу первыхъ штундистовъ объяснить имъ встрѣченныя ими въ Св. Писаніи нѣкоторыя трудныя для пониманія мѣста. Смѣемъ увѣрить г. Далтона, что русская православная Церковь никогда не запрещала своимъ чадамъ читать и изучать Св. Писаніе, напротивъ она всегда содѣйствовала его изученію; многіе отцы и учителя православной Церкви всю свою жизнь посвящали трудамъ по истолкованію Св. Писанія. Далтонъ смѣшалъ съ Русскою православною Церковію церковь римско-католическую старыхъ временъ, какъ отождествилъ онъ ее и съ какимъ-то сельскимъ „попомъ“...

Ближе подходитъ къ рѣшенію нашего вопроса одинъ изъ со-

трудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Задавшись цѣлю уяснить причины частаго въ послѣднее время появленія новыхъ сектъ и вообще усиленія религіознаго броженія въ народѣ, онъ говоритъ („С. Петерб. Вѣд.“ № 154): „Современная жизнь начинается расшатывать устои народной нравственности. Съ одной стороны, невиданный до того времени позывъ на легкую наживу и притомъ на счетъ слабаго ближняго, съ другой—разстройство общиннаго начала, умаленіе значенія общинной самопомощи, возвышеніе и преобладающее значеніе въ обществѣ кулаковъ и міроѣдовъ, забывающихъ и Бога и людей,—породили въ лучшей части крестьянскаго общества недоувѣріе къ новымъ порядкамъ, къ новой жизни. Мало этого: на сцену выступили государственныя неладицы, съ поражающими умъ и совѣсть злодѣйствами, убіеніе любимаго народомъ Царя, разные слухи и толки, поголовное обнищаніе—все это взбаломутило еще болѣе духовно-нравственную сторону народа и онъ сталъ еще болѣе недоувѣрчивъ... Вѣра ослабѣла, рѣшилъ мужикъ и идетъ въ расколъ... Гдѣ же первая причина этого явленія? А все таже разрушающая наружную жизнь сила, разбивающая общинное ея начало, дѣлящая сельскія общества на горсть богатыхъ и массу голышей,—сила, именуемая на нашемъ языкѣ капитализмомъ“... Въ этомъ объясненіи „С.-Петербург. Вѣдомостей“ еще, правда, не указывается самая причина отдѣленія штундистовъ отъ православной Церкви и изолированія въ отдѣльную секту; но весьма вѣрно опредѣляется та почва или атмосфера, среди которой дѣйствуетъ русское сектантство... Причины распространенія въ средѣ народа штундизма заключаются, по мнѣнію О. Четыркина („Цер. Вѣст.“ 1880, № 47), въ тѣхъ ненормальныхъ житейско-экономическихъ отношеніяхъ, въ какія поставлено духовенство къ своимъ прихожанамъ. Въ этомъ отношеніи горькую правду и глубокую мысль высказалъ преосвященный Виталій, замѣтивъ, что врагъ посѣваетъ клеветы „человѣкомъ спящимъ или и бодрствующимъ, но только лишь для неустынной погонѣ за матеріальными интересами“. Вотъ въ этой-то погонѣ духовенства за матеріальными интересами, говоритъ Четыркинъ, и заключается главная причина распространенія штунды. Въ самомъ дѣлѣ, — „от-

куда у штундистовъ явилась холодность къ православнымъ священникамъ?“ спрашиваетъ Четыркинъ. И отвѣчаетъ: „Поводы къ такому отвращенію къ священникамъ крестьянъ, увлекающихся штундою, заключаются въ ненормальныхъ житейско-экономическихъ отношеніяхъ священниковъ къ своимъ прихожанамъ, т. е., въ вымогательствахъ за требоисправленія. Конечно, священнику, для его матеріальнаго обезпеченія, нельзя обойтись безъ приношеній своихъ прихожанъ, но эти приношенія должны быть добровольныя, а не принудительныя... Нельзя требовать съ крестьянина того, что можетъ быть для него обременительно, а иногда даже невозможно безъ подрыва для его домашняго благосостоянія“ ..

Къ православному духовенству штундисты относятся вообще весьма враждебно. И замѣчательно, что своею враждебностію къ православнымъ священникамъ они по большей части пользуются какъ самымъ надежнымъ средствомъ въ дѣлѣ распространенія своего ученія и привлеченія въ свою секту новыхъ прозелитовъ. Какъ дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи штундисты, можно видѣть изъ статьи В. В—ва, помѣщенной въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ за 1882 годъ (№ 48). Грамотный штундистъ, часто безъ всякой скрытой мысли о сектаторской пропагандѣ, — а просто изъ одного желанія почитать и поговорить о прочитанномъ, — приходитъ въ знакомый ему домъ своего православнаго односельчанина съ книжкою Евангелія и съ удовольствіемъ предлагаетъ почитать о дѣлахъ и объ ученіи Христа Спасителя. Начинается чтеніе, а потомъ завязывается беседа, въ которой преданный штундизму чтець съ жаромъ увлеченія дѣлитъ своими познаніями въ Словѣ Божіемъ; интересъ живой безыскусственной проповѣди живаго слова не остается безслѣднымъ: имъ проникаются слушатели; а самъ чтець въ восторгѣ заявляетъ, что когда онъ прежде былъ въ православной Церкви и слушалъ поповъ, то сидѣлъ во тьмѣ, и теперь только, когда поступилъ въ штунду, увидѣлъ свѣтъ, узнавъ вѣру Христову... Нерѣдко при этомъ увлекшійся ораторъ продолжалъ, что вѣра православная не есть вѣра Христова, что духовенство ради корысти извратило ее, выдумало много ненужныхъ обрядовъ и что вмѣсто поклоненія Богу духомъ и

истиною ввело идолопоклонство, что православное духовенство вообще „заѣло много истины!“ Болѣе-же горячіе миссіонеры штундизма, при каждомъ удобномъ случаѣ, въ своихъ бесѣдахъ съ православными стараются показать и доказать, на основаніи текстовъ Евангелія, излишество обрядовъ православной Церкви, особенно-же выставить на видъ неблаговидные поступки членовъ православной іерархіи, къ сожалѣнію, часто неизмышляемые только пропагандистами, а существующіе въ дѣйствительности и совершаемые на глазахъ всѣхъ. Самымъ общимъ мѣстомъ укоровъ на православное духовенство служитъ его стяжательность, жадность къ деньгамъ; попы, говорятъ штундисты, обѣщаютъ народу всякія блага на небесахъ, а взамѣнъ этого сами собираютъ себѣ здѣсь блага міра сего. Насколько это законно и какъ объ этомъ говорится въ Евангеліи? Спаситель и апостолы не только ничѣго не брали за проповѣдь Божественнаго ученія, но напротивъ имѣли все общее съ вѣрующими. Посмотрите, что говорится объ этомъ въ Дѣянiяхъ и посланiяхъ апостольскихъ: „Согрѣшилъ-ли я тѣмъ, что безмездно проповѣдывалъ Евангеліе“, говоритъ апостолъ Павелъ (1 Кор. X, 18. 2 Кор. XI, 7). „И никто изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... не было между ними никого пуждающагося“, говорится въ Дѣянiяхъ (IV, 32—36). Кромѣ того, апостолъ Павелъ говоритъ: „если я дѣлаю это, благовѣствую добровольно, то буду имѣть награду; а если недобровольно, то исполняю только ввѣренное мнѣ служеніе... За что же мнѣ награда? За то, что проповѣдую Евангеліе безмездно“ (Кор. IX, 17, 18). Послѣ такихъ цитатъ изъ Св. Писанiя, штундисты, въ обличеніе пезаконности корыстныхъ видовъ православнаго духовенства, особенно любятъ указывать на исторію Симона, желавшаго, по ихъ толкованію, воспользоваться властію съ корыстною цѣлію, и обыкновенно приводятъ слѣдующій текстъ Апостольскихъ Дѣянiй: „погибнетъ съ тобою серебро твое, послѣку ты помыслилъ за деньги получить даръ Божій“ .. Вообще-же у штундистовъ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ распространено очень много самыхъ скандальныхъ разсказовъ, которыми они очень охотно дѣлятся съ православными, выставляя при этомъ на видъ чистоту своей

сектантской вѣры, чуждой неблагопрестойныхъ и корыстныхъ учителей и наставниковъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что выставляя на видъ темныя стороны православнаго духовенства и доказывая „отъ писанiя“ его незаконность, а также и излишество обрядовъ и установленiй православной Церкви, пропагандисты штунды подрываютъ довѣрiе къ православной iерархiи и въ сердцахъ простаго, не убѣжденнаго народа поселяютъ холодность къ самымъ установленiямъ Церкви, а во многихъ даже находятъ вполне сочувствующихъ имъ въ неприязни къ духовенству за его стяжательность и притязательность.. Прибавивъ къ этому недѣятельность многихъ нашихъ пастырей въ дѣлахъ проповѣди, говоритъ В. В.—въ, а перѣдко и неспособность ихъ бесѣдовать съ простымъ народомъ простою понятною рѣчью, мы покажемъ только, что причины быстрого развитiя штунды такъ очевидны и наглядны, что ихъ не нужно даже искать въ какой-либо скрытой привлекательности сектантскаго ученiя и въ силѣ слова и духа миссiонеровъ сектантства. А между тѣмъ послѣднiе не дремлютъ и благовременно и безвременно бросаютъ сѣмена своего лжеученiя на разрыхленную, воспрiимчивую почву...

Послѣ сказаннаго ясно, какимъ образомъ штундизмъ, первоначально встрѣченный враждебно нашимъ народомъ, притѣсняемый и однообщественниками и старшинами, мало-по-малу завоевалъ себѣ свое теперешнее положенiе и увлекъ даже самыхъ своихъ притѣснителей. Развитiю среди штундистовъ рационалистическаго направленiя и протестантскаго воззрѣнiя на нѣкоторые обычаи и установленiя православной Церкви несомнѣнно въ числѣ другихъ много содѣйствовалъ и реформатскiй пасторъ Бонекемперъ, когда разницу въ догматахъ и обрядахъ православныхъ и лютеранскихъ онъ истолковывалъ въ духѣ вѣроученiя лишь реформатской церкви. Для штундистовъ это былъ первый шагъ къ отпаденiю отъ православной Церкви. Тѣмъ не менѣе и въ самомъ штундизмѣ заключаются такiя начала которыя не могутъ быть примиримы съ ученiемъ Церкви православной и непременно ведутъ къ отпаденiю отъ нея. По ученiю православной Церкви, христiанскiя истины суть истины вѣчныя, неизмѣнныя и абсолютныя, равно пригодныя для всѣхъ людей и всѣхъ временъ; штундисты-же, по словамъ Бонекем-

пера, ревностно стараются о введеніи въ жизнь „опытнаго христіанства, видоизмѣняемаго сообразно степени развитія его послѣдователей требованіями жизни и духа времени“. Но окончательный разрывъ штундистовъ съ православною Церковію произошелъ вслѣдствіе соединенія штундизма съ баптизмомъ, отъ котораго первый и получилъ свою вѣроисповѣдную форму. Далтонъ совершенно справедливо говоритъ, что пронырливые миссіонеры дѣятельной секты баптистовъ легко успѣли проложить себѣ путь въ глухія села, населенныя штундистами. Вліяніе анабаптистовъ на штунду становится замѣтнымъ уже въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ. Какъ изъ частныхъ, такъ и изъ оффиціальныхъ извѣстій этого времени, видно, что, при принятіи въ свою секту, штундисты уже начали перекрещивать взрослыхъ, для чего у нихъ явились и свои „пресвитеры“. Первымъ мѣстомъ открытаго проявленія среди штундистовъ анабаптизма должно считать деревню Карловку Елисаветградскаго уѣзда, а первымъ пресвитеромъ—крестьянина мѣстечка Любомирки Ивана Рябошапка. Съ этого-то собственно времени штундисты и перестаютъ исполнять таинства и обряды православной Церкви, открыто порицаютъ православную Церковь; не уважаютъ православнаго духовенства и смѣло заявляютъ о своемъ существованіи гражданскому начальству. Около этого-же времени у штундистовъ уже образуются сплоченныя братскія корпораціи съ своею собственною іерархіею въ лицѣ „старшихъ братьевъ“ и пресвитеровъ, совершающихъ обряды крещенія, брака и погребенія, ведущихъ свои метрики и даже выдающихъ свидѣтельства о такихъ событіяхъ, какъ крещеніе, бракъ и погребеніе. Около этого-же времени штундисты начали устраивать общіе съѣзды изъ разныхъ мѣстъ для обсужденія дѣлъ своей секты и для разрѣшенія, начавшихъ возникать между ними, нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ относительно сектантскихъ обрядовъ, значенія „старшихъ братьевъ“ и вообще организаціи штундизма. По словамъ „Церковнаго Вѣстника“ (1882 года, № 43), на одномъ изъ такихъ съѣздовъ представители штундистскихъ корпорацій въ общемъ собраніи открыто разсуждали объ отношеніяхъ своихъ къ властямъ и въ заключеніи выразили, „что борьба ихъ—борьба противъ начальства и что

никакого начальства они не признаютъ надъ собою“. На другомъ-же създѣ, бывшемъ въ 1873 году въ колоніи Александръ-Фельдъ, Херсонской губерніи, представители штундистскихъ и баптистскихъ общинъ, въ числѣ пятидесяти человекъ, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ Херсонской губерніи и Бессарабіи, занимались обсужденіемъ проекта правилъ для „ново-евангелической братской общины“, т. е. правилъ для организациіи всѣхъ штундистскихъ корпорацій въ Россіи. Въ Волинской губерніи штунда, въ формѣ анабаптистическаго вѣроисповѣданія, нашла для себя способныхъ и дѣятельныхъ проповѣдниковъ въ лицѣ пастора колоніи Рогувка, близъ Житомира, Карла Ондра, а также Шиве, Надговича, Ширмана, Неймана и Лянсканса. Въ настоящее время штундизмъ такимъ образомъ уже вполне организовался и представляетъ собою совершенно самостоятельную, вполне обособленную общину или секту.

Въ чемъ-же заключается сущность этой секты, ея характеръ и вѣроученіе? Штундисты, какъ мы сказали выше, соединили въ своемъ вѣроученіи два элемента: протестантскій піэтизмъ и анабаптизмъ. Отъ протестантскихъ піэтистовъ они приняли всецѣло взглядъ на сущность христіанства, дѣятельнаго и практическаго, которое состоитъ, по ихъ воззрѣнію, въ одномъ практическомъ, нравственномъ усовершенствованіи,—христіанское вѣроученіе, „видоизмѣняемое, сообразно степени развитія его послѣдователей, требованіями жизни и духа времени“. Христіанское преданіе, въ какой-бы формѣ мы его себѣ ни представляли, они положительно отвергли, какъ не необходимое и даже излишнее въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія, для достиженія котораго, по ихъ понятію, достаточно и одного Евангелія. Вотъ почему изъ всѣхъ христіанскихъ таинствъ они оставили лишь два—крещеніе и причащеніе, на которыя только они и усматриваютъ указанія въ Св. Писаніи. Отъ анабаптистовъ наши штундисты приняли вѣроисповѣдную форму, какъ и вообще обрядовую сторону своей секты. Вотъ почему, при принятіи въ свою секту новыхъ лицъ, штундисты считаютъ обязательнымъ для нихъ принять крещеніе или—вѣриже — перекрещиваніе, которое совершается у нихъ „старшимъ братомъ“ или „пресвитеромъ“ въ присутствіи нѣ-

сколькихъ членовъ братства; крещеніе это совершается обыкновенно въ рѣкѣ или источникѣ, по большей части, вечеромъ, — причемъ „старшій братъ“ предварительно читаетъ приличныя случаю молитвы, а потомъ каждый новообращенный, по одиночкѣ, входитъ въ воду, а „старшій братъ“, стоя также въ водѣ, погружаетъ каждое лицо съ произнесеніемъ словъ: „властію мнѣ данною крещая тебя во имя Господа Исуса Христа“; присутствующіе при этомъ послѣдователи штундизма поютъ: „елицы во Христа креститесь“. Такъ какъ, по ученію анабаптистовъ, таинство причащенія также составляетъ необходимое условіе для окончательнаго принятія желающаго поступить въ секту, то и у штундистовъ, которые признаютъ таинство причащенія, принявшіе крещеніе чрезъ нѣсколько дней сходятся вмѣстѣ къ одному изъ членовъ братства, по большей части къ „старшему брату“, который даетъ имъ пить изъ чаши вино, закусывая хлѣбомъ (ср. „Церк. Вѣст.“, 1882. № 48). Само собою понятно, что штундисты въ сохранившихся у нихъ подобіяхъ таинствъ крещенія и причащенія не признаютъ таинственнаго дѣйствія благодати, а видятъ только одинъ простой обрядъ.—По словамъ одного бывшаго штундиста, теперь же возвратившагося въ православіе и ставшаго примѣрнымъ христіаниномъ, съ которымъ случайно пришлось встрѣтиться корреспонденту кievской газеты „Заря“, — желающій поступить въ штундизмъ узнаетъ сначала, гдѣ живетъ кассиръ братства, затѣмъ является къ кассиру, который и заноситъ его въ книгу. Когда разскащикъ записывался, было уже записанныхъ около 10,000,—года три тому назадъ. Если новичекъ—бѣднякъ или разорившійся, то ему выдаютъ пособіе годичное, въ размѣрѣ 300 р. или по 25 руб. въ мѣсяцъ, пока тотъ не обзаведется хозяйствомъ. Послѣ записки уже онъ считается сектантомъ и можетъ посѣщать и не посѣщать ихъ собранія. Выходъ изъ секты открытъ каждому безпрепятственно.

Подобно анабаптистамъ, штундисты не имѣютъ иконъ, если же нѣкоторые еще и удерживаютъ ихъ у себя, то лишь какъ украшеніе для комнатъ, какъ простыя картины. Почитать иконы, молиться и преклоняться предъ ними,—у нихъ считается идолопоклонствомъ; равнымъ образомъ избѣгаютъ они также

всякой вообще внѣшности или обрядности, вслѣдствіе чего и самое богослуженіе свое они стараются упростить какъ можно болѣе. Ихъ богослужебныя собранія состоятъ лишь въ слѣдующемъ. Собравшись въ домъ, принадлежащій кому-либо изъ ихъ собратій, они садятся на скамьи, а одинъ изъ нихъ— „старшій братъ“ или „пресвитеръ“, ставъ у стола лицомъ къ собравшимся, раскрываетъ книгу— *Приношеніе православнымъ христіанамъ*, изданную въ 1864 году въ С.-Петербургѣ и одобренную духовной цензурой,—и читаетъ по ней пѣснопѣнія. По прочтеніи одной строфы, всѣ штундисты повторяютъ ее на распѣвъ, потомъ читается и поется другая строфа и т. д. до конца. Затѣмъ читается и объясняется какой-либо отрывокъ изъ Св. Писанія Новаго Завѣта. Наконецъ, въ заключеніе одинъ изъ штундистовъ становится на колѣни и громко читаетъ какую-нибудь молитву, нерѣдко свободно тутъ-же измышленную имъ, а всѣ прочіе, стоя на колѣняхъ, слушаютъ ее, и сперва плачутъ, потомъ всхлипываютъ и, наконецъ, рыдаютъ ..

Штундисты празднуютъ лишь дни воскресные и тѣ, которые установлены въ воспоминаніе евангельскихъ событій. Не признавая иконъ, штундисты не имѣютъ и крестовъ и даже не ставятъ ихъ на могилахъ своихъ усопшихъ сродниковъ. Крестному знаменію они также не придаютъ никакого значенія.

Въ послѣднее время среди штундистовъ замѣчаются, впрочемъ, нѣкоторыя неладности и нестроеніе, отсутствіе единодушія и единомыслія. Ступивъ однажды на ложный путь, штундисты, естественно, не могли идти одною прямою дорогою и начали искать себѣ путей проселочныхъ, которые по ихъ понятію, скорѣе приведутъ ихъ къ цѣли. Изъ штунды выдѣлилась новая отрасль младо-штундистовъ, которые, какъ бы въ доказательство словъ нашего японскаго миссіонера, что невозможно быть послѣдовательнымъ католикомъ или протестантомъ и что послѣдовательный протестантъ непременно долженъ придти или къ православію или-же, при недостаткѣ терпѣнія, къ отверженію всего разомъ—атеизму,—явно идутъ широкимъ полемъ положительнаго отрицанія почти всей сущности христіанскаго вѣроученія. Свое отдѣленіе отъ штунды они начали отрицаніемъ и того небольшого подобія христіанскихъ таинствъ,

которое удерживаютъ старо-штундисты въ своихъ обрядахъ крещенія и причащенія. Путь, которымъ они пришли къ этому отрицанію, указывается, между прочимъ, и сотрудникомъ „Церковнаго Вѣстника“, В. В.—мъ. Относительно обрядовъ крещенія и причащенія младо-штундисты говорятъ такъ: Все это одинъ обрядъ, наружный знакъ, не въ томъ сила; надобно креститься живой водой, которую Христосъ предлагалъ Самарянеѣ у колодца, а не мертвой; надобно преломлять духовный хлѣбъ и проникаться Словомъ Божиимъ, чтобы и наше слово было согласно съ дѣломъ. Мало-ли на свѣтѣ такихъ людей, которые крестились въ водѣ и каждый годъ причащались по нѣсколько разъ, но это ихъ нисколько не освобождаетъ отъ грѣховъ и они, по прежнему, исполнены пьянства, распутства и всякой мерзости. На заявленіи „старшихъ братьевъ“, что самъ Христосъ показалъ намъ примѣръ, крестившись въ рѣкѣ, потому и мы должны точно также креститься, младо-штундисты отвѣчаютъ: „мало-ли что Христосъ дѣлалъ; Онъ и обрѣзывался и давалъ динарій на храмъ, потому что стоялъ на рубежѣ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, а намъ самъ Онъ велѣлъ простираться впередъ и уклоняться отъ фарисейской закваски“. Да и во времена апостольскія крещеніе имѣло второстепенное значеніе; Христосъ посылалъ апостоловъ, главнымъ образомъ, проповѣдывать Евангеліе, а апостоль Павелъ даже радуется, что крестилъ всего двухъ—трехъ человѣкъ, такъ какъ отъ этого крещенія и тогда уже происходило раздвоеніе; одинъ говорилъ, что онъ Павловъ, другой—что онъ Аполлосовъ и т. д. Кромѣ того, младо-штундисты указываютъ, что при крещеніи вмѣсто воды иногда употреблялся и песокъ, а отсюда заключаютъ, что вода при крещеніи служила только наружнымъ выраженіемъ крещенія, такъ точно какъ дерево и холстъ въ иконахъ—для изображенія разныхъ событій и лицъ. Въ книгѣ Премудрости (XV, 15 — 21) сказано, что отецъ, любящій сына, послѣ его смерти оставилъ себѣ на память его изображеніе, а потомки его это изображеніе и самый матеріалъ, на которомъ оно сдѣлано, стали считать святынею. Тоже самое, говорятъ младо-штундисты, произошло и съ крещеніемъ: „взяли, да и обоготворили воду“, понимая буквально слѣдующій стихъ Еван-

гелія отъ Іоанна: „кто не родился водою и духомъ, тотъ не войдетъ въ царство небесное“; послѣ этого почему-же не принимать буквально и слѣдующія слова евангелиста: „я крещу васъ водою, но идетъ сильнѣйшій меня, у Котораго я недостойнъ развязать ремень обуви; Онъ будетъ крестить васъ Духомъ святымъ и огнемъ?“ Взяли-бы, да и жгли людей на кострахъ для очищенія ихъ грѣховъ, какъ сожгли Гусса и другихъ нашихъ братьевъ, — иронизируютъ штундисты послѣдней формациі.

Отрицая водное крещеніе и преломленіе хлѣба, младо-штундисты послѣдовательно пришли, по словамъ В. В.—ва, къ отрицанію не только авторитета и первенствующей роли въ корпораціи такъ называемыхъ „старшихъ братьевъ“ (пресвитеровъ), но и къ совершенному уничтоженію ихъ, какъ ненужныхъ—при отсутствіи какихъ бы то ни было обрядовъ въ сектѣ. Но отрицаніе авторитета и необходимости „старшихъ братьевъ“ развило въ позднѣйшемъ штундизмѣ не только теоретическое разномысліе, но и личныя ссоры и негодованіе партій. Эта вѣражда находитъ обильную для себя пищу въ той не всегда благовидной и эгоистической дѣятельности „старшихъ братьевъ“ нѣкоторыхъ штундистскихъ корпорацій, которая обнаруживалась какъ въ личномъ самоиѣннн и нѣкоторой надменности особенно первыхъ старшинъ штунды, такъ и въ преслѣдованіи личныхъ корыстныхъ интересовъ и въ злоупотребленіи довѣріемъ корпорацій. Особенное негодованіе молодой штундистской партіи, говоритъ В. В.—въ, вызвали два ветерана штунды Ратушный и Рябошакко. Считая себя первыми апостолами русской штунды и лицами вполне компетентными въ вопросахъ организаціи секты, ея ученія и обрядовой стороны, „старшіе братья“, замѣтивъ паденіе своего авторитета, при развивающемся въ молодомъ штундизмѣ отрицательномъ направленіи, вздумали было остановить развитіе отрицательной и критической мысли въ современномъ штундизмѣ запрещеніемъ разсуждать о догматахъ и обрядахъ секты въ общихъ молитвенныхъ собраніяхъ; они желали, чтобы во время собраній не говорилось ничего о преломленіи хлѣба, водномъ крещеніи и о старшихъ братьяхъ, яко-бы во избѣжаніе соблазна для мало-вѣрныхъ. Но этого не удалось имъ достигнуть, почему нѣко-

торые изъ первыхъ вожаковъ штунды изъ-за оскорбленнаго самолюбія, какъ, напр., Цибульскій, возвратились въ лоно православной Церкви, а нѣкоторые, какъ напр., Ратушный при- бѣгли даже къ доносамъ противъ новыхъ послѣдователей штунды, обвиняя ихъ въ томъ, что они въ своихъ собраніяхъ проповѣдуютъ „политику“ (см. „Церк. Вѣст.“, 1882, № 48).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о мѣрахъ, которыя до сего времени употреблялись у насъ или только предлагались для употребленія къ уничтоженію штундизма. Далтонъ знаетъ лишь однѣ жестокія мѣры, употреблявшіяся у насъ противъ штундистовъ какъ непосредственно самими православными священниками, такъ и гражданскими властями. Дѣйствительно, въ первое время административная власть преслѣдовала штундистовъ, предавала ихъ суду, а судъ ссылалъ ихъ въ монастырь на покаяніе или въ Сибирь на поселеніе. Такъ, въ 1873 году въ одесскомъ тюремномъ замкѣ было значительное число заключенныхъ штундистскихъ братьевъ и въ томъ числѣ пресвитеры ихъ Ратушный и Рябошакко; но, по окончаніи слѣдствій, многіе изъ заключенныхъ штундистовъ, по недостаточности доказательствъ открытой пропаганды и совращенія въ штунду православныхъ, были освобождены изъ заключенія. Освобожденіе изъ тюремнаго заключенія штундистскихъ братьевъ, безъ всякаго по суду наказанія, ободрило послѣдователей штундизма и только сказалось обильнымъ приращеніемъ его послѣдователей въ районахъ Одесскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ. Но и гражданская или судебная власть карала, если только карала, не за личныя ихъ убѣжденія, а за оскорбленія, причиненныя ими убѣжденіямъ другихъ; она наказывала штундистовъ, какъ богохульниковъ и совратителей, она преслѣдовала ихъ собранія не потому, что это были собранія *штундистскія*, а потому, что это были собранія, недозволенныя закономъ, самовольныя, самочинныя. Да и какъ было полицейской власти не преслѣдовать штундистовъ, когда сами штундисты доносили ей другъ на друга, обвиняли, такъ сказать, самихъ себя въ политической неблагонадежности?..

Что-же касается мѣръ противъ штундистовъ со стороны православнаго духовенства, то, не смотря на надлежащее вни-

маніе ко всѣмъ корреспонденціямъ и газетнымъ сообщеніямъ о всемъ, происходящемъ въ штундѣ, мы не встрѣтили ни одного факта, который-бы могъ служить подтвержденіемъ словъ Далтона. О преслѣдованіи сочиненій приснопамятнаго Иннокентія, бывшаго митрополита Московскаго, мы слышали отъ г. Далтона также лишь въ первый разъ. Конечно, мы не отвергаемъ возможности того, что какой-нибудь сельскій священникъ и могъ жестоко обойтись съ штундистами; случайность всегда возможна. Но въ общемъ православное духовенство употребляло противъ штундистовъ всегда самыя гуманныя и человѣколюбивыя, истинно-христіанскія мѣры, которыя всегда способны сдѣлать честь даже и цивилизованной Германіи. Такъ въ 1872 году, когда штундисты довольно громко заявили о своемъ существованіи въ Кіевской епархіи, духовное начальство ограничилось только тѣмъ, что командировало для *увѣщанія* ихъ таращанскаго и сквирскаго протоіереевъ, а впоследствии—іеромонаха Терлецкаго въ качествѣ миссіонера. Въ 1880 году изысканіемъ противъ штундизма мѣръ занимался цѣлый епархіальный волынский съѣздъ. Въ 9-й статьѣ журнала этого съѣзда, отъ 17-го іюня, сказано слѣдующее: „Штунда, какъ извѣстно изъ газетныхъ и частныхъ слуховъ, не ослабѣваетъ, а усиливается и распространяется такъ, что начала уже обнаруживаться въ Волынской губерніи. Легко можетъ статься, что такое лжеученіе, при исключительномъ положеніи здѣшняго края, гдѣ поселилось множество колонистовъ-нѣмцевъ (и притомъ анабаптистовъ, — прибавимъ мы отъ себя) найдетъ себѣ богатую почву въ невѣжествѣ народа. Духовенство, которому такъ близки интересы Церкви, не можетъ равнодушно относиться къ такимъ крайне грустнымъ явленіямъ, какъ это новое ученіе. Борьба съ нимъ и защита отъ него своихъ прихожанъ составляетъ священный долгъ пастырей и потому, по мнѣнію епархіальнаго съѣзда, было бы полезно, въ числѣ другихъ мѣръ, для ознакомленія воспитанниковъ, готовящихся къ священству, введеніе въ VI классъ семинаріи особаго преподаванія о штундѣ и тѣхъ западныхъ неповѣданіяхъ, съ которыми сродно это лжеученіе“. Жалованье преподавателю о штундѣ съѣздъ назначилъ 120 р. въ годъ за

два урока. Преосвященный Виталій, бывшій викарій Волынской епархіи, сдѣлалъ возраженіе противъ этого постановленія сѣзда. Въ своемъ представленіи бывшему епархіальному архіепископу, высокопреосвященному Димитрію, онъ высказалъ, между прочимъ, ту мысль, что нѣтъ надобности назначать особые часы для чтенія о штундѣ, съ которою наставники семинаріи по извѣстнымъ предметамъ обязаны познакомить воспитанниковъ. А между тѣмъ, пока эти воспитанники сдѣлаются священниками, настоять безотлагательная нужда познакомить наличныхъ пастырей какъ съ свойствами наступающаго врага, такъ и съ необходимыми качествами и мѣрами для противодействія ему съ ихъ стороны. Поэтому преосвященный Виталій „считалъ за лучшее на тѣ 120 р. с., назначенные въ жалованье преподавателю, составить и издать книжку, въ которой было бы изложено все, что нужно знать и дѣлать пастырю для сказанной цѣли, и которую слѣдовало бы разослать ко всѣмъ духовнымъ дѣлателямъ. Можно было бы предпринять и другія средства для огражденія нивы Христовой отъ угрожающихъ ей величайшею опасностію плевель, которые посѣваетъ врагъ „человѣкомъ спящимъ или и бодрствующимъ, но только лишь для неусыпной погони за матеріальными интересами“. Порѣшено это дѣло окончательно такимъ образомъ: предписать всѣмъ благочиннымъ Волынской епархіи, чтобы они, истребовавъ съ каждой церкви по 10 к., пригласили въ тоже время духовенство съ ихъ причтами къ личнымъ пожертвованіямъ и эти деньги выслать въ семинарское правленіе съ присовокупленіемъ, не найдетъ ли семинарское правленіе удобнымъ—предложить наставникамъ семинаріи составить книжку о штундѣ за определенное денежное вознагражденіе въ видѣ гонорара („Волын. Епарх. Вѣд.“ 1880 г., № 28; ср. „Церк. Вѣстн.“ 1882 г., № 47):

Наконецъ, одно благочиніе Херсонской епархіи въ прошломъ году въ числѣ многихъ и всестороннихъ, весьма разумныхъ и гуманыхъ мѣръ къ улучшенію нравственно-религіознаго состоянія прихожанъ, между прочимъ, предложило и слѣдующія мѣры къ ослабленію штундизма въ частности: а) знакомить народъ нашъ съ содержаніемъ Новаго Завѣта, такъ какъ вожаки штундистовъ, при распространеніи своей секты,

пользуются совершеннымъ невѣдѣніемъ народа объ ученіи Св. Евангелія, причемъ обращать вниманіе прихожанъ на необходимость священства, св. Таинствъ и обрядности церковной, отвергаемыхъ штундистами (полезно было-бы составить и напечатать общепонятное наставленіе о благотворности св. Таинствъ церкви и священныхъ обрядовъ и распространить оное бесплатно въ народѣ для чтенія); б) посылать къ штундистамъ нарочно избранныхъ изъ священниковъ нашей епархіи лицъ, обладающихъ особенною силою слова и опытностію, для собесѣдованія съ заблуждающими и вразумленія ихъ (мнѣніе настоятеля и другихъ двухъ священниковъ Покровской церкви); в) пріостановить сокращеніе приходовъ, ввести постоянную проповѣдь въ церквахъ и не быть священникамъ корыстолюбивыми и вымогательными, такъ какъ штундизмъ распространяется по преимуществу тамъ, гдѣ храмы отъ селеній далеко, гдѣ пастыри церкви мало или никогда не проповѣдуютъ и гдѣ бывають вымогательства за требы (мнѣніе о. Кудрявцева); г) дать посылаемымъ въ зараженные штундизмомъ приходы священникамъ такія средства, чтобы они были не только независимыми въ своихъ матеріальныхъ нуждахъ, а напротивъ при всякомъ случаѣ могли-бы помочь въ нуждѣ своимъ прихожанамъ (мнѣніе священника Петро-Павловской церкви), и отъ прихожанъ не пользоваться никакими добротными даяніями, даже и за необязательныя требоисправленія (мнѣніе священника Казанской церкви о. Чемены).

Къ этимъ мѣрамъ, коллективно указаннымъ со стороны нашего православнаго духовенства, слѣдовало-бы, по нашему мнѣнію, присоединить еще двѣ мѣры, предложенныя Ѳ Четыркинымъ въ „Церков. Вѣст.“ 1880 года:

1) „Хорошо было-бы, говоритъ Четыркинъ, если-бы наши пастыри приглашали въ досужіе часы своихъ прихожанъ для чтенія Св. Писанія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ приходяхъ, которые небезопасны отъ штунды. Хорошо было-бы дѣлать это въ праздничные дни, въ которые народъ свободенъ отъ работъ; 2) затѣмъ слѣдовало-бы нашимъ пастырямъ озаботиться пріисканіемъ матеріальныхъ средствъ для пріобрѣтенія Евангелій въ русскомъ переводѣ и распространеніемъ ихъ между своими при-

хозянами. Хорошо было-бы, если-бы въ каждомъ домѣ въ приходѣ былъ хотя одинъ экземпляръ этой священной книги. Въ настоящее время, при болѣе или менѣе развивающейся грамотности въ народѣ, распространеніе Евангелія въ русскомъ переводѣ не осталось-бы бесплоднымъ“. *)

Мнѣніе Четыркина, намъ кажется, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Главную силу штундизма составляетъ грамотность и въ частности изученіе Св. Писанія на родномъ языкѣ. Большинство штундистовъ умѣетъ читать и писать, а вступившіе въ секту неграмотные скоро научаются читать. Вожаки секты первую заботу своею считаютъ научить грамотѣ вновь поступившаго члена, потомъ даютъ ему Евангеліе на русскомъ языкѣ съ отмѣтками болѣе замѣчательныхъ текстовъ; если-же кому грамота не дается, тотъ изучаетъ подъ руководствомъ грамотныхъ Новый Завѣтъ на память; есть и неграмотные штундисты, знающіе на память цѣлыя главы изъ Евангелія и всѣ особенно важныя, по ихъ разумѣнію и толкованію, мѣста Евангелія съ указаніемъ главы и даже стиха. Нечего и говорить о томъ, что заботливость штундистовъ объ обученіи грамотѣ и усвоеніи ихъ послѣдователями евангельскихъ изреченій составляетъ приманку для темнаго, неученаго человѣка; это въ послѣдствіи развиваетъ любознательность и заставляетъ гордиться простаго темнаго человѣка, вкусившаго отъ древа познанія и способнаго наставлять непросвѣщеннаго брата словомъ Евангелія, ученіемъ Христа. Развивая интересъ любознательности, грамотность несомнѣнно составляетъ для темнаго народа привлекательную сторону штундизма, но кромѣ того, та же грамотность составляетъ силу штундистской проповѣди и обезпечиваетъ быстрые успѣхи значительнаго прозелитизма... Проповѣдь штундизма ведется при всякомъ удобномъ случаѣ. По показаніямъ мѣстныхъ наблюдателей и мѣстнаго духовенства, въ приходахъ котораго есть штундисты, пропаганда штундизма съ „немалымъ успѣхомъ“ ведется въ трактирахъ, вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на постоянныхъ дворахъ, на полевыхъ работахъ, на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, вечеринкахъ, а въ

*) Въ сущности въ такомъ именно духѣ ведется въ настоящее время борьбу со штундою почтенное „Общество св. апостола Андрея Первозваннаго.“

лѣтнее время во время вечернихъ бесѣдъ крестьянъ на присѣбахъ хать. Однимъ словомъ, —штундистская пропаганда ведется всегда и вездѣ, —что же противъ такой пропаганды можетъ сдѣлать наше духовенство? („Церк. Вѣстн.“ 1882 г., № 48; „Херс. Епарх. Вѣд.“ 1876 г., № 14). Вотъ почему мѣрамъ, предложеннымъ г. Θ. Четверкинѣмъ, мы придаемъ особенно важное значеніе. По русской пословицѣ, колъ выбивается коломъ. И лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ съ штундизмомъ можетъ быть только оружіе имъ самимъ избранное, но только обращенное лезвіемъ на него-же самого. Мы говоримъ о необходимости со стороны нашего православнаго духовенства возможно большаго распространенія въ народѣ Св. Писанія въ русскомъ переводѣ, вмѣстѣ съ возможно большимъ распространеніемъ въ немъ грамотности и необходимости объясненія священниками своимъ прихожанамъ, по крайней мѣрѣ, книгъ Новаго Завѣта и особенно —объясненія въ духѣ истинно-православной Церкви тѣхъ мѣстъ, которыя штундистами толкуются въ пользу своего лжеученія. Объясненія эти должны составлять главную заботу нашихъ православныхъ священниковъ не только въ церкви или народной школѣ, но и въ домахъ своихъ прихожанъ, при каждомъ случаѣ посѣщенія ихъ.

Подводя итогъ всему сказанному нами до сихъ поръ о штундѣ и обращаясь къ изслѣдованію д-ра Далтона въ его отношеніи къ рѣчи нашего знаменитаго японскаго миссіонера Николая, мы должны сказать, что своимъ указаніемъ на русскихъ штундистовъ Далтонъ не только ничего не возразилъ противъ того, что сказалъ Николай о разлагающемъ вліяніи протестантства, но лишь подтвердилъ его слова. Если что, то именно штундизмъ, особенно въ его новѣйшей формациі, какъ мы видѣли, можетъ служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ словъ нашего миссіонера, „что невозможно быть послѣдовательнымъ католикомъ или протестантомъ, что католичество и протестантство, по природѣ своей, какъ смѣсь богооткровенныхъ истинъ и человѣческихъ измышленій, тѣхъ и другихъ —точно глина и желѣзо —не имѣющихъ никогда слиться въ одно цѣлое, находятся въ непримиримой враждѣ съ самыми элементарными приѣмами логики, и при послѣдовательномъ разсуж-

деніи непременно приводятъ или къ православію — для тѣхъ счастливыхъ, которые имѣютъ внутреннюю и внѣшнюю возможность узнать его, или-же, при недостаткѣ терпѣнія, въ отверженію всего разомъ—атеизму“. Что такое штундизмъ, какъ не „извращеніе Божественной истины въ протестантствѣ“, — говоря словами Николая? Штундисты послѣдней формациі отвергли не только преданіе, но и всѣ христіанскія таинства, въ томъ числѣ крещеніе, ясно заповѣданное Христомъ въ самомъ Евангеліи, и евхаристію, Имъ самимъ установленную, по несомнѣнному свидѣтельству евангелистовъ. Что имъ остается далѣе? Остается одинъ шагъ сдѣлать, чтобы слиться съ полудеистическою, полу-атеистическою сектою „немоляковъ“ и затѣмъ придти къ положительному атеизму, — если судить по прямымъ требованіямъ логическихъ законовъ...

Указаніемъ на штундизмъ Далтонъ хотѣлъ показать, что, при настоящемъ положеніи своемъ, Русская православная Церковь не только способна допустить у себя распространеніе такого лжеученія, но и не въ силахъ противодѣйствовать ему. Что-же при этомъ дѣлаетъ Далтонъ? Онъ отождествляетъ Русскую православную Церковь съ какимъ-то сельскимъ „попомъ“ и не понимаетъ того, что причины появленія и распространенія штундизма заключается не въ самой православной Церкви, ея вѣроученіи, нравоученіи и устройствѣ, а лишь въ тѣхъ временныхъ, чисто случайныхъ и чисто внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлено большинство православнаго духовенства или, какъ говоритъ Четыркинъ, въ ненормальныхъ житейско-экономическихъ отношеніяхъ его къ прихожанамъ. Понятно, что сама по себѣ православная Церковь здѣсь ровно не причемъ. Слѣдовательно, для надлежащаго противодѣйствія штундизму, нужно измѣнять не вѣроученіе или устройство православной Русской Церкви, но лишь одни условія жизни нѣкоторой части русскаго духовенства...

Наконецъ, желая выставить на видъ, такъ сказать, живительную, освѣжающую силу штундизма, Далтонъ указываетъ на нѣкоторыя отрадныя явленія, замѣчаемыя среди штундистовъ. Но спрашивается,—можно-ли считать эти явленія непременно и неотъемлемыми слѣдствіями только одного штун-

дизма и невозможными въ Церкви православной? Развѣ православная Церковь когда либо можетъ позволить какой бы то ни было дѣвушкѣ подражать танцовщицѣ Иродовой? Развѣ она можетъ сказать поденщикамъ: нанимайтесь на работу, берите отъ хозяевъ деньги и ничего не дѣлайте? Развѣ она можетъ посовѣтывать кому бы то ни было наняться ночнымъ сторожемъ и преспокойно спать себѣ по ночамъ?...

Послѣ этого ясно, насколько правдиво и безпристрастно отнесся Далтонъ къ рѣшенію добровольно взятой имъ на себя задачи. Но тоже самое увидимъ мы и при провѣркѣ его сужденій о дѣятельности и ученіи нашего аристократическаго сектатора, Василя Александровича Пашкова.

Вопросъ: „въ чемъ состоитъ ученіе г. Пашкова или—точнѣе, что составляло сущность его проповѣди?“ — Далтономъ рѣшенъ слишкомъ неопредѣленно. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что и мы сами не располагаемъ достаточными данными для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Первый болѣе или менѣе обстоятельный отчетъ объ ученіи и дѣятельности г. Пашкова данъ былъ въ первыхъ числахъ марта 1880 года В. Поповымъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, въ видѣ письма въ редакцію подъ заглавіемъ: „Воскресныя бесѣды г. Пашкова“. Въ этомъ письмѣ В. Поповъ пишетъ: „Г. Пашковъ, принадлежащій къ высшему петербургскому обществу, въ своей роскошной квартирѣ, находящейся на Гагаринской набережной, по воскреснымъ днямъ устраиваетъ религіозныя бесѣды, на которыхъ присутствуетъ всегда очень много народа, принадлежащаго къ разнымъ слоямъ общества. Всякому истинному сыну Церкви и отечества оставалось бы только благодарить Богу, что въ такое тяжелое для Россіи время появляются люди въ средѣ нашего высшаго общества, которые помогаютъ Церкви насаждать въ народѣ нравственныя начала православнаго христіанскаго ученія. Но вопросъ вотъ въ чемъ: дѣйствительно ли г. Пашковъ проповѣдуетъ православно христіанское ученіе? Давно носится въ Петербургѣ слухъ, что г. Пашковъ принадлежитъ къ самымъ ревностнымъ послѣдователямъ пресловутаго

Редстока. Уже одно это заставляет сомнѣваться въ православіи бесѣдъ г. Пашкова. Желая на самомъ дѣлѣ удостовѣриться относительно характера бесѣдъ г. Пашкова, говоритъ Поповъ въ своемъ письмѣ далѣе, мы посѣтили нѣсколько его воскресныхъ бесѣдъ и вполне убѣдились, что бесѣды эти далеко не отличаются православно-христіанскимъ характеромъ. Самая обстановка, при которой совершаются онѣ, нѣсколько страшна. Прежде всего отсутствіе св. иконы въ мѣстѣ, гдѣ собираются православные, для слушанія Слова Божія, производитъ тяжелое впечатлѣніе; потомъ пѣніе какихъ-то „любимыхъ стиховъ“ подъ аккомпаниментъ органа, предшествующее бесѣдѣ и заключающее ее, опять не наша, не православная особенность. Обращаясь же къ самымъ бесѣдамъ, мы уже вполне убѣждаемся въ ихъ неправославіи. Г. Пашковъ въ своихъ бесѣдахъ проповѣдуетъ, что Иисусъ Христосъ только временно принялъ на себя человѣческую плоть, что для спасенія не нужно добрыхъ дѣлъ, что всѣ средства, какими человѣкъ-христіанинъ думаетъ достигнуть вѣчнаго спасенія, суть измышленія діавола; того, кто говоритъ, что человѣку нужно заслуживать спасеніе, г. Пашковъ признаетъ посланникомъ сатаны, потому что никакими средствами, никакими заслугами нельзя достигнуть спасенія. Грѣшникъ, по словамъ г. Пашкова, достигаетъ спасенія непосредственно. Подобно блудному сыну, грѣшнику только нужна рѣшительность пойти къ Отцу, и онъ спасенъ. Такимъ образомъ, по ученію г. Пашкова, для спасенія не надо ни церкви, ни таинствъ, не надо церковной дисциплины, — все это измышленія діавола, все это стѣна, раздѣляющая Бога и человѣка“... Ректоръ с.-петербургской духовной академіи, имѣвшій случай бесѣдовать съ г. Пашковымъ о православіи гораздо ранѣе напечатанія письма В. Попова и не замѣтившій въ немъ тогда неблагопріятнаго отношенія ни къ православной Церкви, ни къ ея догматамъ, взявъ въ руки письмо В. Попова, лично обратился къ Пашкову съ просьбою сказать ему: точно ли онъ проповѣдуетъ то, что ему приписываютъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ о. протоіерея І. Л. Янышева, Пашковъ положительно отвергъ, будто бы онъ говорилъ когда-либо, что „Иисусъ Христосъ только временно припялъ на Себя человѣ-

ческую плоть". Относительно же остальных пунктов приписываемого ему учения онъ далъ слишкомъ увлочивый отвѣтъ. И ректоръ с.-петербургской академіи пришелъ въ тому заключенію, что съ одной стороны В. Поповъ не вполне понималъ мысли г. Пашкова; а съ другой — что Пашковъ могъ не точно выражать свои мысли и даже не право мыслить, что вполне возможно при его совсѣмъ не богословскомъ образованіи.

Между тѣмъ общественное мнѣніе продолжало обвинять Пашкова въ неправославіи и въ производимомъ имъ соблазнѣ среди православныхъ. Кто-то прислалъ въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“, или вѣрише ректору академіи Янышеву даже готовое уже изложеніе учения г. Пашкова въ видѣ нѣсколькихъ (около 23) краткихъ положеній, прося надлежащаго разбора этого учения на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“. Тѣмъ не менѣе и на основаніи этого готоваго свода мыслей г. Пашкова не возможно было составить отчетливаго сужденія о томъ, что собственно проповѣдуется въ чтеніяхъ г. Пашкова. Ни одно изъ многочисленныхъ положеній этого учения не выражало мысли въ болѣе или менѣе обстоятельномъ и законченномъ видѣ; все какіе то намеки, недомолвки, большею частію противорѣчивнія и между собою. Вотъ нѣсколько изъ этихъ мыслей: „человѣкъ спасается чрезъ вѣру во Христа“; спасеніе, совершенное Иисусомъ Христомъ, считается „даромъ вѣчнымъ, непреложнымъ, неотъемлемымъ“; „Церковь сама по себѣ, а прежде всего надобно искать Христа; крещеніе не пользуется того, кто сознательно не принялъ въ себя Христа“; „Господь (т. е., Богъ Отецъ) такъ возлюбилъ міръ, что для нашего спасенія разлучился съ Сыномъ“. Въ чтеніяхъ Пашкова, по словамъ этого изложенія, „ни Богоматерь, ни святые Божіи не отвергаются или яснѣе сказать—о нихъ вовсе не упоминается“.

Возбужденіе общественнаго мнѣнія при посредствѣ періодическихъ изданій заставило, наконецъ, Пашкова въ письмѣ къ прот. І. І. Янышеву изложить сущность своего учения или, какъ говоритъ онъ, его „свидѣтельства предъ людьми“, съ цѣлію напечатанія его въ „Церковномъ Вѣстникѣ“. Такъ какъ ученіе и образъ дѣйствій Пашкова возбудили много недоумѣній въ обществѣ, безъ объясненія которыхъ печатаніе

въ церковной газетѣ его письма признавалось неудобнымъ, то протоіерей Янышевъ, изъ любви къ Спасителю и ради усюкренія многихъ изъ читателей „Церковнаго Вѣстника“, предварительно просилъ Пашкова отвѣтить на слѣдующіе два вопроса: „1) Проповѣдническая дѣятельность ваша, писалъ Пашкову о, Янышевъ, совершается среди населенія, имѣющаго уже своихъ христіанскихъ православныхъ пастырей и учителей съ архипастыремъ во главѣ ихъ. Правда-ли, что вы начали и продолжаете эту дѣятельность безъ благословенія, совѣта или какого-либо участія этихъ предстоятелей въ Христовой Церкви? И если правда, то находите-ли вы такой образъ дѣйствій въ средѣ христіанской общины согласнымъ съ ученіемъ Слова Божія и съ христіанскою любовію къ ближнему? 2) Въ сдѣланномъ вами по поводу письма г. Попова примѣчаніи къ изложенію вашего ученія, вы признаете, повидимому, и святая таинства, чрезъ которыя вѣрующій удостоивается отъ Бога спасающей благодати, и обязательный для него авторитетъ вселенской Церкви въ дѣлѣ разумѣнія Богооткровенной истины и въ церковномъ благоустройствѣ. Такъ-ли и это?“

Сначала Пашковъ уклонился отвѣчать на эти вопросы и даже заговорилъ о бесплодности переписки; впоследствии на второй вопросъ далъ слишкомъ уклончивый и двусмысленный отвѣтъ, а на первый отвѣчалъ такимъ образомъ: „я вѣровалъ, а потому и говорилъ (2 Кор. IV, 13), радуясь тому, что Господь отверзъ уста мои къ прославленію имени Его. Я исполняю и по сіе время положительно выраженную Имъ волю, провозглашая въ настоящій вѣкъ невѣрія и отрицанія имя Спасителя и Бога моего Господа Иисуса Христа. Такой образъ дѣйствія можетъ-ли быть признанъ противнымъ ученію Господнему и христіанской любови къ ближнему для того, кто, какъ я, убѣжденъ, что невѣрующій въ Сына Божія уже осужденъ, не увидитъ жизни, и что гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. III, 18, 36)“.

Изъ самаго письма г. Пашкова, въ которомъ онъ излагаетъ свое ученіе или — точнѣе — сущность своей проповѣди, трудно вынести опредѣленное представленіе о томъ, чему, собственно говоря, онъ училъ своихъ слушателей. Сказавъ сначала о томъ,

что когда-то онъ былъ „безъ Христа, чуждъ вавѣтовъ обѣтованія, не имѣлъ надежды и былъ безбожникомъ въ мѣрѣ, приближался къ Господу устами только, а сердце далеко отстояло отъ Него“ и какъ Господь принялъ его, какъ принимаетъ всякаго входящаго къ Нему, Пашковъ далѣе говоритъ: „о Немъ я проповѣдую людямъ и свидѣтельствую, какъ Самъ Богъ повелѣваетъ, что Онъ есть опредѣленный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ, напоминая имъ, что о Немъ всѣ пророки свидѣлствуютъ, что всякій вѣрующій въ Него получить прощенье грѣховъ именемъ Его. Я всѣмъ повторяю, что нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія, ибо никто не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ. Я говорю всѣмъ, что дѣлами нашими мы не оправдаемся предъ Богомъ, а оправдаемся вѣрою во Иисуса Христа; но разумѣется, что истинная вѣра не можетъ не проявляться въ дѣлахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я постоянно напоминаю, что никто не войдетъ въ царствіе небесное, не освободившись отъ грѣха, и указываю всякому на Спасителя, Который явился для того, чтобы взять грѣхи наши и чтобы разрушить дѣла діавола. Я всячески стараюсь доказать словомъ Божиимъ, что всѣ христiанскія добродѣтели суть ничто иное, какъ плодъ Духа Святаго, даруемаго Богомъ вѣрующему, т. е., принадлежащему отъ сердца Иисусу Христу и Имъ усыновленному Богу Отцу, и что поэтому никакая плоть не можетъ хвалиться предъ Богомъ, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Иисусѣ, Котораго Богъ предложилъ въ жертву умилоствленія. Вотъ въ короткихъ словахъ, говоритъ Пашковъ въ заключеніе своего письма, сущность того, о чемъ я свидѣтельствую предъ людьми по мѣрѣ вѣры, не въ премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова, ибо слово о крестѣ для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ — сила Божія“.

Изъ этого письма, изложеннаго почти словами Св. Писанія, трудно, повторяемъ, вывести заключеніе о характерѣ воскресныхъ бесѣдъ Пашкова. Письмо это было написано г. Пашковымъ, какъ мы сказали, съ цѣлію напечатанія и при томъ — даже въ органѣ самого св. Синода. Оно носитъ на себѣ слыш-

комъ. офіціальный характеръ, чтобы по его мыслямъ и выраженіямъ судить объ убѣжденіяхъ его автора. Вотъ почему мы не придаемъ ему никакого серьезнаго значенія. Г. Пашковъ настолько уменъ и благоразуменъ, что не станетъ вступать въ опасную игру. Въ своемъ письмѣ къ ректору академіи Янышеву онъ сказалъ лишь то, что ему нужно было сказать, — ни больше, ни меньше. Но если взять во вниманіе уклончивое и двусмысленное поведеніе Пашкова въ этомъ отношеніи, богослужебный характеръ имѣвшихъ мѣсто въ его домѣ собраній съ пѣніемъ „любимыхъ стиховъ“ въ комнатѣ, въ которой не было ни одной св. иконы, чего не опровергаетъ и самъ Пашковъ; если не выпускать изъ виду того, что эти „любимые стихи“ пѣлись подъ аккомпаниментъ органа, затѣмъ если не относиться съ недоувѣріемъ къ письму В. Попова, который самъ лично присутствовалъ на этихъ собраніяхъ и заподозрѣвать котораго въ недобросовѣстности сообщенія въ одно изъ серьезнѣйшихъ изданій мы совершенно не имѣемъ никакого права, имѣя болѣе основаній вполне вѣрить ему, — наконецъ, если припомнить, что, по словамъ самого Далтона, въ первое время уступавшаго Пашкову для бесѣдъ свою собственную квартиру, главная заслуга Пашкова состоитъ въ томъ, что онъ уяснилъ народу истинное понятіе о Богѣ, отдѣливъ Бога отъ лика святыхъ, которыми, по ученію Русской Церкви, Онъ изолированъ отъ людей, какъ царь придворнымъ своимъ штатомъ, — то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что бесѣды Пашкова имѣли крайне протестантскій характеръ и Далтонъ былъ совершенно правъ, подводя пашковщину подъ одно общее понятіе съ штундою и называя его „евангельскимъ теченіемъ“.

Но для чего, спрашивается, Далтону понадобилась эта пашковщина? Что онъ хотѣлъ доказать, ссылаясь на ея существованіе среди русскаго общества? Тоже, что и указаніемъ на штунду, — что Русская православная Церковь вовсе не есть тотъ „блистающій шаръ, идеально-правильный, вполне законченный и неуязвимо-крѣпкій,“ съ которымъ сравниваетъ ее нашъ японскій миссіонеръ, — что „философскій анализирующій умъ“ и въ православіи можетъ найти нѣчто такое, къ чему онъ можетъ „прицѣпиться.“ Но достигъ-ли своей цѣли Далтонъ и въ этомъ

случаѣ?— Нисколько. Самъ Далтонъ въ разбираемой даже нами книгѣ его зло смѣется надъ легкомысліемъ нашего „передоваго, интеллигентнаго“ петербургскаго общества, когда говорить о томъ, съ какимъ жаромъ оно увлеклось нѣкогда пустымъ сочиненіемъ французскаго „романиста“ Ренана, „сочинявшаго“ событія, происходившія на тихихъ берегахъ Іордана, „прогуливаясь по парижскому бульвару.“ Что-же удивительнаго, послѣ этого, если это общество увлеклось затѣмъ проповѣдію г. Пашкова? При чемъ тутъ православная Русская Церковь? Ясно, что причины увлеченія пашковщиною находятся не въ православной Русской Церкви, а съ именующей себя православною нѣкоторой части русскаго общества и въ частности — въ прискорбномъ недостаткѣ серьезнаго и глубокаго нравственно-религіознаго воспитанія, халатномъ отношеніи въ нашихъ школахъ къ закону Божію, какъ къ предмету религіозно-нравственнаго обученія; а этимъ мы опять-таки обязаны католическому и протестантскому Западу. Самъ Пашковъ говоритъ о себѣ, что „богословскихъ познаній онъ не имѣеть никакихъ, а потому легко можетъ ошибаться“; что-же нужно сказать о его послѣдователяхъ, увлеченныхъ имъ графахъ библейскихъ и княгиняхъ?.. Это по истинѣ лишь трости, колеблемыя вѣтромъ всякихъ ученій протестантскаго Запада, имѣющаго для нихъ силу неизмѣннаго авторитета.... Вотъ почему мы не можемъ не согласиться съ глубоко-правдивыми словами нашего достопочтеннаго труженника-миссіонера, что „намъ нужна живая дѣятельность, отъ которой бы дохнуло живымъ освѣжающимъ вѣтромъ, не только у насъ, но и на Западѣ, дѣятельность прямо направленная противъ самыхъ причинъ безвѣрія—извращеній Божественной истины въ католичество и протестантствѣ“...

Обозрѣніе важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.

(Окончаніе).

Не одни отступники однако составляютъ заботу для Русской Церкви, не въ борьбѣ только съ расколомъ и сектантствомъ ревность самоотверженныхъ христіанскихъ дѣятелей можетъ найти достойное для себя поприще. Въ то время какъ католичество и протестантство полагаютъ для себя великую честь въ томъ, что ихъ религіозныя миссіи распространены чуть-ли не во всѣхъ странахъ міра,—для Русской Церкви и долгъ и честь заключаются въ томъ, чтобы претворить въ христіанъ магометанъ и язычниковъ, до сихъ поръ еще стоящихъ на одномъ уровнѣ религіознаго пониманія, не смотря на трехсотлѣтнюю жизнь ихъ племенъ въ христіанскомъ государствѣ. Религіозное броженіе, начавшееся еще въ 1846 году и особенно развившееся въ 1881 году между инородцами восточныхъ областей Россіи—крещеными черемисами, чувашами, башкирами и татарами Вятской, Казанской и Уфимской губерній, вызвало откликъ не только въ духовной, но и свѣтской литературѣ. (См. статьи Е. Воронца въ „Ч. О. Л. Д. П.“ и Іозефовича въ „Русск. Вѣстн.“ за наст. г.). Броженіе это разрѣшилось отпаденіемъ нѣсколькихъ тысячъ семей крещеныхъ инородцевъ въ магометанство; нѣкоторые предвѣщаютъ этому религіозному движенію и дальнѣйшее и болѣе широкое распространеніе, въ случаѣ если правительственная власть не положитъ ему предѣла. Источникъ столь вредоноснаго движенія нужно искать въ исключительности религіозно-политической системы ислама, положившаго своимъ началомъ непримиримую вражду и борьбу со всѣми религіями и преимущественно съ христіанствомъ, ближайшая же причина лежитъ во взаимномъ отношеніи православія и магометанства на востокѣ Европейской Россіи. Невозможно скрыть того, что православіе на во-

стокъ Россіи занимаетъ положеніе, не совсѣмъ соответствующее достоинству вѣроисповѣданія, господствующаго въ государствѣ, самимъ государствомъ признаваемаго истиннымъ. Враждебныя силы магометанства, являющіяся въ изувѣрномъ магометанскомъ духовенствѣ, какъ-бы сѣтью опутали православіе на востокъ Россіи, такъ что ему уже нѣтъ возможности осуществлять свое просвѣтительное призваніе среди инородческаго населенія, а предстоитъ лишь оберегать свое собственное существованіе среди этого населенія. Мѣстная русская власть, естественный союзникъ православія въ борьбѣ съ изувѣрствомъ, не только бываетъ иногда далека отъ чувства нравственнаго долга, но оставляетъ и юридическую почву, забывая о государственныхъ законахъ, преграждающихъ путь заблужденію и изувѣрству. Бывали напр. случаи, что дѣла о вредоносной дѣятельности магометанскихъ совратителей, начатыя представленіемъ епархіальнаго начальства, даже не принимаемы были судомъ къ разсмотрѣнію и производству. И вотъ магометанство, истолковывая такой порядокъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ, высоко поднимаетъ голову и вмѣсто подчиненнаго старается поставить себя въ положеніе властительное. Составляя изъ себя всегда тѣсно сплоченную и обособленную религіозно-гражданскую общину, магометане искусно поддерживаютъ и развиваютъ свою силу, съ одной стороны, устроеніемъ многочисленныхъ школъ и мечетей, съ другой—содержаніемъ огромнаго штата духовенства и разныхъ религіозныхъ проповѣдниковъ. Не въ примѣръ православнымъ инородческимъ приходамъ, имѣющимъ одинъ храмъ на 1000—3000 душъ, магометанскія деревушки даже съ 15 дворами имѣютъ свою мечеть съ завѣдывающимъ ею муллою, тогда какъ по закону мечеть полагается не менѣе какъ на 200—300 ч. приписаннаго къ ней населенія. Пользуясь выгодами такого положенія, магометане усиленно ведутъ пропаганду въ средѣ православныхъ инородцевъ, противъ которой эти послѣдніе не имѣютъ ни достаточныхъ средствъ, ни достаточно сильной поддержки. Извѣстно, что духовенство православное въ инородческихъ приходяхъ очень немногочисленно и пополняется съ большимъ трудомъ, такъ что иногда въ приходяхъ подолгу не бываетъ пастыря, тогда какъ при мечетяхъ всегда находится противъ положенія двойное число духовныхъ лицъ. Гдѣ же мы можемъ найти противовѣсъ твердому положенію магометанства? Въ качествѣ виѣшнихъ, вспомогательныхъ мѣръ, изслѣдователи находятъ необходимымъ для противодѣйствія магометанской пропагандѣ въ массѣ православнаго инородческаго населенія слѣдующія

мѣропріятія: 1) разграниченіе духовныхъ и свѣтскихъ обязанностей магометанскаго духовенства съ отнесеніемъ послѣднихъ къ вѣдомству общихъ административныхъ и судебныхъ учреждений; дозволеніе духовнаго магометанскаго суда по Шаріату, не исключая и имущественныхъ споровъ, но съ устраненіемъ исполнительныхъ органовъ правительства отъ приведенія въ дѣйствіе приговоровъ магометанскаго суда; 2) совѣтуютъ упраздненіе высшей магометанской коллегіи, права которой въ одной части должны быть отменены (испытаніе на званіе муллы), въ другой части должны отойти или въ вѣдѣніе свѣтскихъ органовъ правительства (веденіе и повѣрка метрическихъ книгъ, выдача свидѣтельствъ), или въ вѣдѣніе муфтія (духовная администрація, дух. судъ и гражданскій судъ по Шаріату); и 3) совѣтуютъ для каждаго, ищущаго званія муллы, поставить непремѣннымъ условіемъ знаніе русскаго языка, а также сдѣлать обязательнымъ преподаваніе этого языка въ татарскихъ школахъ. При указанныхъ средствахъ, главную надежду должно возлагать на Церковь и школу. Но немногочисленныя школы Казанскаго учебнаго округа, давая лишь общее, мірское просвѣщеніе, не могутъ существенно помочь дѣлу защиты православныхъ инородцевъ отъ магометанской пропаганды. Гораздо многоплоднѣе дѣятельность братства св. Гурія въ Казани. Братство это приняло на себя обязанность распространенія религіозно-нравственныхъ книгъ въ средѣ инородческаго населенія. Для этой цѣли при братствѣ существуетъ переводческая коммиссія, назначеніе которой — переводить на инородческіе языки и издавать книги религіозно-нравственнаго содержанія. Всего переводческая коммиссія, съ открытія ея до настоящаго времени, издала на разныхъ языкахъ 66 книгъ, въ 149 тысячъ экз. Кромѣ распространенія религіозно-нравственныхъ книгъ, братство св. Гурія, для поддержанія православія въ инородческихъ мѣстностяхъ, дѣйствуетъ путемъ школъ и религіозныхъ собесѣдованій. Всѣхъ школъ братскихъ въ 1882 г. было 56 (крещено-татарскихъ 42, чувашскихъ 9, черемисскихъ 2, вотяцкихъ 3 и одна русская). Учащихся въ нихъ было 1,500 ч. Образцомъ и руководительницею братскихъ инородческихъ школъ была, учрежденная въ 1860 году, крещено-татарская центральная школа; учащихся въ ней было 90 чел. Несомнѣнно, что православныя школы, находящіяся въ вѣдѣніи братства св. Гурія, имѣютъ болѣе жизненности сравнительно со свѣтскими, ибо обученіе христіанской религіи ведется здѣсь на природномъ языкѣ инородцевъ и учителями-инородцами. Но въ христіанскихъ инородческихъ селеніяхъ, гдѣ силь-

но магометанское вліяніе, даже и такія школы часто закрываются по недостатку желающихъ учиться въ нихъ; взамѣнъ же закрытыхъ быстро возникаютъ магометанскія школы. Еще въ 1846 году было замѣчено, что главнымъ препятствіемъ, задерживающимъ распространеніе православія среди инородцевъ, является непониманіе послѣдними славянскаго церковно-богослужебнаго языка. Въ виду этого обстоятельства, св. Синодъ (15 января 1883 г.) опредѣлилъ предоставить епархіальнымъ архіереямъ разрѣшать, по своему усмотрѣнію, совершеніе богослуженія на инородческихъ языкахъ, общественнаго и частнаго, вполнѣ или по частямъ, но при этомъ постановилъ условія: допускать богослуженіе на инородческихъ языкахъ: 1) тамъ, гдѣ существуетъ значительное число крещеныхъ инородцевъ, 2) употреблять при богослуженіи изданія православнаго миссіонерскаго общества, и 3) при участіи въ богослуженіи русскихъ вмѣстѣ съ инородцами соединять по частямъ богослуженіе на славянскомъ и инородческихъ языкахъ („Ц. О. В.“ № 26, 1883). Нельзя не пожалѣть при этомъ случаѣ, что со введеніемъ послѣдняго академическаго устава, уничтожено миссіонерское отдѣленіе при Казанской духовной академіи; давшее многихъ знатоковъ магометанства и людей, всесторонне подготовленныхъ къ миссіонерской дѣятельности среди магометанъ. Но въ Россіи не только живутъ тысячи магометанъ, но и многія племена языческихъ инородцевъ. Для такой обширной христіанской миссіи требуются и огромныя средства. Первымъ шагомъ при устройствѣ миссіонерскаго дѣла должно быть учрежденіе миссіонерской коллегіи (по образцу западныхъ миссіонерскихъ училищъ), въ которой бы лица, ищущія самоотверженной дѣятельности, могли изучать языки живущихъ въ Россіи инородческихъ племенъ и готовиться къ настоящему (безъ помощи нереводчиковъ) миссіонерству въ духъ православія. Для привлеченія лучшихъ силъ на миссіонерское поприще, лицамъ, посвящающимъ себя тяжелому миссіонерскому дѣлу, должна быть обезпечена пенсія (по образцу пенсій лицамъ, служащимъ при иностранныхъ духовныхъ миссіяхъ), дабы они спокойно могли смотрѣть на будущее и не жалѣть здоровья, трудовъ и усилій для торжества православной истины. Въ такомъ дѣлѣ, какъ обращеніе къ христіанскимъ вѣрованіямъ и правиламъ дикихъ язычниковъ и ненавистниковъ христіанства — магометанъ, государство никакія матеріальныя жертвы не можетъ считать достаточно великими; независимо даже отъ долга, лежащаго на христіанскомъ государствѣ по отношенію къ своимъ нехристіанскимъ подданнымъ, въ христіанскомъ просвѣщеніи иноплеменниковъ за-

мѣшаны интересы не только Церкви, но и государства, ибо, поскольку язычество и магометанство противоположны христіанству, постольку бытовья формы жизни язычниковъ и магометанъ, основанныя на религіи, могутъ служить помѣхой государственному развитію Россіи. Лучшая организація миссіонерскаго дѣла посредствомъ нарочитой и тщательной подготовки миссіонеровъ увеличить и успѣхи православной миссіи. При настоящей же малосоставности нашихъ миссій и не всегдашней подготовленности къ своему дѣлу участвующихъ въ миссіи лицъ сравнительно съ полчищами опытныхъ миссіонеровъ, посылаемыми къ язычникамъ западными миссіонерскими обществами, даже и настоящіе ежегодные успѣхи русскихъ миссій весьма утѣшительны (въ Китаѣ, напр. на 400 милл. язычниковъ, послѣ трехсотлѣтней дѣятельности западныхъ миссіонеровъ мы видимъ только 500 т. христіанъ). Положеніе и дѣятельность нашихъ миссій въ 1882 году имѣли слѣдующій видъ. Забайкальская миссія состояла изъ 50 чел. и дѣйствовала въ 23 пунктахъ Забайкальскаго края; въ христіанство обращено ею 308 душъ. Въ Иркутскомъ отдѣленіи духовной миссіи было 17 миссіонерскихъ становъ; въ составъ миссіи входили одинъ архимандритъ, начальникъ миссіи, 18 священниковъ, 17 псаломщиковъ и 3 инородца, изъ новокрещенныхъ ламъ, въ качествѣ переводчиковъ. При миссіонерскихъ станахъ содержалось 10 училищъ, въ которыхъ обучалось 111 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Миссіей въ 1882 г. просвѣщено святымъ крещеніемъ 1,686 человекъ обоего пола. Въ Алтайской миссіи, первымъ начальникомъ которой былъ архимандритъ Макарій (Глухаревъ), бывший ректоръ Костромской семинаріи, кругъ ея дѣятельности въ настоящее время обнимаетъ пространство въ 1000 верстъ длины и 150—700 верстъ ширины. На этомъ пространствѣ теперь находится 10 тысячъ крещеныхъ инородцевъ, которые живутъ осѣло въ 100 селеніяхъ, имѣющихъ 40 церквей и 18 церковно-приходскихъ школъ, въ которыхъ ежегодно обучается 250 мальчиковъ и до 160 дѣвочекъ. Кромѣ того въ предѣлахъ миссіи находятся два монастыря: мужской на Телецкомъ озерѣ и женскій около сел. Удалы, оба миссіонерскіе. Въ миссіи теперь 14 становъ или отдѣленій и въ нихъ трудятся: 15 миссіонеровъ (священниковъ и іеромонаховъ) и болѣе 30 человекъ церковнослужителей, переводчиковъ, школьныхъ учителей и учительницъ. Ежегодно, среднимъ числомъ, обращается въ христіанство отъ 300—400 язычниковъ („Ц. О. В.“ № 156, 1883). Въ Камчатской миссіи, обнимающей, между прочимъ, весь Амурскій и Уссурійскій края, считается 14 становъ; крещено

было 1167 челов. обоого пола; школъ было 10 съ 147 учениками. Наиболье успѣшныя дѣйствія миссіонеровъ замѣчаемы были тамъ, гдѣ миссіонеры, вслѣдствіе долгаго пребыванія среди инородцевъ, могли объясняться на ихъ языкѣ. Вообще же число крещеныхъ въ нашихъ отечественныхъ миссіяхъ за 1882 г. превышаетъ 3,800, а въ Японской миссіи равняется 1,255 чел. Препятствія миссіонерской дѣятельности заключались отчасти въ равнодушіи къ интересамъ Церкви мѣстныхъ властей, отчасти въ недостаткѣ годныхъ для миссіонерства лицъ, наиболье же въ ограниченности средствъ. Для характеристики отношеній органовъ администраціи къ дѣлу православія-мы можемъ указать на поучительное извѣстіе, находящееся въ отчетѣ православнаго Андреевскаго въ Ставрополѣ-Кавказскомъ братства: когда это братство заявило желаніе озаботиться постройкой храмовъ въ Калмыцкой степи,—гражданская власть оффициально выразила опасеніе, что „это можетъ-де *произвести соблазнъ среди магометанъ*“ („Прав. Обзор“, мартъ 1883). Не малую помѣху дѣятельности миссій составляетъ трудность пополненія ихъ состава вполне пригодными дѣятелями. Тяжесть миссіонерскаго служенія, его лишенія и опасности, безвѣстность этого служенія міру привлекаютъ къ себѣ немного желающихъ. Такъ, въ Забайкальской миссіи на должности миссіонерскихъ послушниковъ, за недостаткомъ воспитанниковъ семипарій, назначаются воспитанники миссіонерскихъ училищъ. Что касается средствъ миссій, то въ отчетѣ Православнаго миссіонерскаго общества они представляются въ слѣдующемъ видѣ: приходъ суммъ общества за 1882 г. простирается до 176 т. руб., а къ 1883 году у него въ запасѣ было уже болѣе 580 т. руб. На потребности миссій въ 1882 году употреблено было 136 т. руб. Эта значительная сумма, по раздробленіи ея между различными миссіонерскими отдѣленіями, даетъ очень скудныя средства для содержанія миссій. Такъ, средства Забайкальской миссіи, состоящей изъ 50 чел. и дѣйствующей въ 23 пунктахъ Забайкальскаго края, ограничивались 20 т. руб., средства Иркутской миссіи состояли изъ 24 т. руб., средства Камчатской миссіи состоятъ только изъ 10 т. руб. Нельзя не присоединиться поэтому къ тѣмъ благимъ пожеланіямъ, которыя высказалъ въ своей рѣчи, въ собраніи Православнаго миссіонерскаго общества, высокопреосвященный митрополитъ Московскій Іоанникій: „съ каждымъ годомъ расширяется кругъ дѣятельности миссіонерскаго общества, увеличивается число самоотверженныхъ дѣлателей, умножаются потребности и средства къ ихъ удовлетворенію. Бла-

годареніе за сіе Господу, отъ Котораго свѣше нисходитъ всяко да-
 яніе благо. Но и въ настоящее время къ нашему обществу вполне
 можно приложить евангельское изреченіе: жатва многа, дѣлателей
 же мало. И число непосредственныхъ тружениковъ въ дѣлѣ благо-
 вѣстія Христовой вѣры, и число дѣятельно сочувствующихъ святому
 благовѣстію, и средства, собираемыя на сіе святое дѣло, далско не
 соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ. На насъ, отцы и
 братія, лежитъ священный долгъ позаботиться и объ увеличеніи
 числа дѣлателей и объ умноженіи средствъ на святое дѣло благовѣ-
 стія. Если бы каждый изъ насъ расположилъ въ теченіи года хо-
 тя одного изъ своихъ близкихъ знакомыхъ принять участіе въ свя-
 томъ дѣлѣ, удвоилось бы число дѣятелей и количество средствъ“.
 („Прав. Обзор.“ Юль, 1883 г.)

Кромѣ миссіонерскаго вопроса, доселѣ продолжаетъ привлекать
 вниманіе общества постановка народнаго образованія. Дѣло идетъ
 не только о программѣ сельской школы, не столько о степени цер-
 ковности, проводникомъ которой должна быть сельская школа,
 сколько о томъ, кому завѣдывать и учить въ ней. Нѣкоторые ор-
 ганы печати заподозреваютъ искреннюю готовность духовенства
 служить народному образованію, и устроенныя духовенствомъ шко-
 лы склонны считать существующими болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ
 дѣйствительности, объясняя участіе духовенства въ народномъ об-
 образованіи только стремленіемъ „числиться при дѣлѣ и пользоваться
 выгодами отъ него, не внося пользы въ самое дѣло“. Власти
 училищнаго совѣта изъ земскихъ дѣятелей даже обнаруживаютъ
 иногда стремленіе отстранять отъ школы завѣдывающихъ ею свя-
 щенниковъ; причѣмъ основаніемъ выставляется иногда мнимая ма-
 лая подготовленность духовенства къ учительству (разумѣется, во
 вкусѣ нѣмецкихъ воспитательныхъ возрѣпій покойнаго бар. Кор-
 фа), иногда кажущаяся несовмѣстимость для священника учитель-
 ской обязанности съ обязанностями по приходу, а иногда высказы-
 вается и такого рода основаніе, и, какъ кажется, наиболѣе искрен-
 не высказываемое: „вы имѣете кусокъ хлѣба, — такъ дайте его и
 другому“. Завѣтная цѣль всѣхъ этихъ рѣчей и вождельпій — та, что-
 бы завѣдываніе школами изъять изъ рукъ священниковъ, превра-
 тивши по возможности существующія церковно-приходскія школы
 въ земскія, и въ послѣднихъ, предоставивъ священникамъ, въ видѣ
 милости, лишь законоучительство съ самымъ скромнымъ вознагра-
 деніемъ, и даже при этомъ подчинивши его надзору сельскаго учи-
 теля съ порученіемъ отмѣчать пропущенные законоучителемъ уро-

ки. Такого рода стремленія, клонящіяся къ уничтоженію церковно-приходскихъ школъ, мало того что не скрываются, но заявляются врагами духовенства даже во всеуслышаніе. Такъ, въ Кутаисской губерніи, до учрежденія должности инспектора народныхъ школъ, всѣ приходскія школы были биткомъ набиты учениками, народныя же школы представляли совершенно иной видъ. Это положеніе дѣла не нравилось инспектору, который чрезъ посредство губернатора просилъ имеретинскаго епископа Гавріила *о закрытіи всѣхъ приходскихъ школъ* въ Имеретинской епархіи,—и губернаторомъ въ это же самое время дано было циркулярное предписаніе всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ никому не позволять открытія школъ безъ его разрѣшенія. Преосвященный Гавріиль не могъ согласиться исполнить требованіе губернатора. Послѣ этого было предписано уѣзднымъ начальникамъ *закрѣпить* приходскія школы. Такъ, въ сел. Сакаро, въ силу этого распоряженія, полиціею была неоднократно запираема приходская школа, содержащая причетникомъ, но причетникъ, не смотря на это, продолжалъ заниматься съ учениками. Только послѣ продолжительной переписки между преосвященнымъ и губернаторомъ, приходскія школы остались. („Ц. О. В.“ № 102, 1883). Стараніе отстранить духовенство отъ завѣдыванія школою обнаруживаетъ въ противоборцахъ духовенства непониманіе смысла такого явленія, какъ существованіе приходскихъ школъ: что бы ни говорили, священникъ всегда былъ и будетъ естественнымъ учителемъ народа, самымъ саномъ своимъ внушающій вѣру въ незыблемость храненія имъ нравственно-христіанскихъ началъ, а слѣдовательно, вѣру и въ состоятельность своей педагогической дѣятельности, хотя бы она и не согласовалась со вкусами приверженцевъ разныхъ воспитательныхъ теорій. Самыя, высокія личныя свойства учителя, его христіанское міросозерцаніе, возвышенность и твердость его нравственныхъ правилъ, не могутъ восполнить въ глазахъ сельскихъ жителей главнаго недостатка, служащаго основаніемъ недоуверія къ учителю и его дѣятельности, именно того, что онъ свѣтскій, не облеченный священнымъ саномъ человекъ, и, въ силу этого одного, *могутъ* иногда относиться отрицательно къ дисциплинѣ Церкви, если не къ ея доктринѣ. Наше сельское населеніе желаетъ видѣть въ учителѣ выразителя церковности въ самомъ строгомъ смыслѣ, человека, способнаго внушить питомцамъ любовь къ Церкви и ея уставамъ, а такого именно выразителя онъ находитъ въ священникѣ болѣе, чѣмъ въ комъ либо другомъ.

Въ виду этого обстоятельства, область вліянія священника въ школахъ, по своей обширности и въ сравненіе, не можетъ быть поставлена со степенью вліянія учителя. Ошибочно думаютъ поэтому иные, что церковно-приходскія школы не имѣютъ будущаго и постепенно будутъ исчезать и превращаться въ земскія школы по мѣрѣ увеличенія земствами расходовъ на народное образованіе. Тотъ фактъ, что число церковно-приходскихъ школъ въ послѣднее время сократилось, а число земскихъ возросло, не доказываетъ не-состоятельности приходской школы. Это показываетъ только, что духовенство, нерѣдко тратившее на обученіе крестьянъ свои скудные средства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшилось великодушно отказаться отъ своего преобладающаго вліянія въ школахъ, ради ея лучшаго матеріальнаго обезпеченія и расширенія, предоставивъ свои школы въ завѣдываніе земства. Столь же неоснователенъ и тотъ упрекъ, что церковно-приходскія школы болѣе имѣются на бумагахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Мы могли бы сказать именно, что на-противъ—иногда можетъ существовать такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ не вполне могутъ доходить до слуха общества. Такія обстоятельства отчасти заключаются въ установившемся строгомъ порядкѣ своевременности отчетовъ по духовному вѣдомству, вслѣдствіе котораго благочинные церквей, по недостатку времени, считаютъ иногда болѣе выгоднымъ скрывать существованіе приходскихъ школъ, чѣмъ опаздывать съ отчетомъ объ нихъ; иногда же многочисленность начальниковъ, приставленныхъ для надзора за народнымъ образованіемъ и заставляющихъ священниковъ, при случаѣ, чувствовать свою силу и власть, располагаетъ духовенство не трубить о своей дѣятельности на весь міръ. Кіевская газета „Зари“ съ злорадствомъ выставляетъ на видъ, что въ то время, какъ духовенство считаетъ въ Кіевской епархіи 1000 церковно-приходскихъ школъ сообразно числу приходовъ, въ дѣйствительности число ихъ достигаетъ едва половины. Хотя бы заявленіе „Зари“ и было справедливымъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что обнаружилось несоотвѣтствіе между официальнымъ и неофициальнымъ счетомъ приходскихъ школъ. Въ дѣятельность священниковъ на пользу народнаго образованія—жертва Богу; тамъ, гдѣ дѣятельность вызывается идеальнымъ пониманіемъ обязанностей своего служенія, а не прямымъ требованіемъ долга, тамъ прилагать общую мѣрку, при оцѣнкѣ количества и качества дѣятельности извѣстныхъ лицъ, едва ли основательно. Сходя съ теоретической точки зрѣнія на практическую,

мы должны сказать, что если стеченіе роковыхъ обстоятельствъ (смерть священника, переходъ на другое мѣсто и проч.) можетъ способствовать уменьшенію школъ въ какой-либо мѣстности, то это лишь временное явленіе, не могущее служить посылкой для заключенія о равнодушіи духовенства къ школьной дѣятельности. Но рядомъ съ людьми, скептически относящимися къ дѣятельности духовенства въ школѣ, существуетъ въ Россіи много людей, цѣнящихъ эту дѣятельность какъ должно, и прежде всего, надлежащій цѣнитель этой дѣятельности—самъ народъ. Здравый смыслъ народа нельзя ввести въ заблужденіе; трудно внушить народу уваженіе къ школѣ съ грубо-матеріальнымъ ея направленіемъ и односторонними приѣмами нѣмецкаго обученія, развивая мыслительность учениковъ посредствомъ того удивительнаго матеріала, какой въ изобиліи можно встрѣтить въ книжкахъ для чтенія Ушинскаго и ему подобныхъ. Не увлекаясь примѣромъ начальственныхъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, обвиняющихъ духовенство въ томъ, что законъ Божій поставленъ въ школахъ хуже, чѣмъ другіе предметы, и забывающихъ объ удѣленныхъ для него 3—4-хъ часовыхъ урокахъ въ недѣлю, народъ нашъ понимаетъ, что учить закону Божію не легкое дѣло, и цѣнить этотъ трудъ духовенства *).

„Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ одинъ священникъ—законъ Божій не есть собраніе безхитростныхъ разсказовъ изъ христоматіи Водовозова, а кодексъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ, требующихъ для своего уясненія не такого времени, какое удѣлено закону Божію

*) Въ опроверженіе обвиненій духовенства въ равнодушіи къ школьной дѣятельности мы можемъ сказать, что духовенство не только сроднилось съ учебно-воспитательнымъ дѣломъ, но и удѣляетъ для него отъ своихъ скудныхъ средствъ. Такъ въ с. Токаряхъ прот. Илляшевичъ пожертвовалъ для школы домъ и ежегодно жертвуетъ для школы по 100 р („Полт. Е. В.“ № 6, 1883). Въ Рязан. губ. простой сельскій псаломщикъ Волынской, занимавшійся преподаваніемъ въ теченіе 35 лѣтъ, пожертвовалъ для устроенной имъ школы, выстроенной на собственные средства, двухъэтажный домъ и предъ смертію обратился къ Егорьевской земской управѣ съ просьбой оставить домъ неприкосновеннымъ въ пользованіи училища, а училище назвать его природною фамиліею—Волынскаго („Ряз. Е. В.“ № 2, 1883). Священникъ с. Калпына Тверской губ. Галаховъ, скопивши трудами 2 т. рубл., вручилъ ихъ Старичковому земству на открытіе школы въ дер. Акуловой своего прихода, которая открыта въ 1879 г., и затѣмъ снова пожертвовалъ тому же земству еще 2 т. р. на открытіе школы въ дер. Ильинской, которая основана въ 1881-мъ году („Ц. О. В.“ № 130, 1883). Подобныхъ примѣровъ самопожертвованія на пользу школы со стороны духовенства можно указать не мало. (См. статью „объ участіи духовенства Саранскаго уѣзда въ дѣлѣ народнаго образованія“. „Прав. Об.“ Март. 1883).

въ народной школѣ, и нужна не дѣтская голова, чтобы въ короткій періодъ времени усвоить все сознательно. Тамъ, гдѣ учителю для объясненія какой-нибудь житейской, обыденной истины требуется полчаса времени, законоучителю необходимо нѣсколько уроковъ для объясненія религіозно-отвлеченной истины. Неудивительно, что ученики по остальнымъ предметамъ знаютъ больше, чѣмъ по закону Божію, а экзаменаціонной комиссіи кажется, что законоучитель плохъ и лѣнивъ" („Ц. О. В.“ № 25, 1883). Сознывая не легкіе труды духовенства для привитія церковности въ средѣ подростящихъ поколѣній, народъ нашъ открыто высказываетъ свою благодарность за дѣятельность духовенства въ приходской школѣ въ составляемыхъ ему адресахъ, въ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить выраженія признательности духовнымъ лицамъ „за просвѣщеніе грамотностію дѣтей прихожанъ вообще и безмездное обученіе въ частности“ или „за обученіе дѣтей прихожанъ грамотѣ и церковному пѣнію“ („Ц. О. В.“ № 102, 1883) и проч. Въ виду большого значенія, которымъ пользуется приходская школа въ глазахъ народа, слѣдуетъ желать не упраздненія, а процвѣтанія ея, хотя бы и рядомъ съ земской, ибо приходскія школы не мѣшать могутъ земской школѣ, а лишь помогать ей. Такъ это дѣло и понимаютъ непредубѣжденные люди. Напр. директоръ народныхъ училищъ Екатеринославской губ. обратился къ мѣстному преосвященному съ отношеніемъ, въ которомъ призываетъ духовенство позаботиться объ открытіи приходскихъ школъ, какъ бы косвенно признаваясь, что земскія школы не вполне удовлетворяютъ народной потребности въ образованіи („Ек. Еп. В.“ № 1, 1883). Министръ народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, въ циркулярѣ къ попечителямъ учебныхъ округовъ, высказываетъ желаніе, чтобы подвѣдомственные имъ лица и учрежденія оказывали полное содѣйствіе православному духовенству въ открытіи и поддержаніи церковно-приходскихъ школъ, снабжая послѣднія учебными пособіями изъ складовъ училищныхъ дирекцій („Ц. О. В.“ № 86, 1883). Очевидно, правительство нерасположено видѣть единственно образцовую школу лишь въ свѣтской школѣ. Признаніе въ преимущественной важности для народа религіознаго образованія слышится и въ циркулярномъ предложеніи министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ относительно раздачи ученикамъ и ученицамъ народныхъ училищъ слѣдующихъ книгъ: 1) молитвенника съ объясненіями, 2) псалтири, 3) священной исторіи В. и П. Завѣта, 4) Евангелія. на русскомъ и славянскомъ языкахъ и 5) объясне-

ніа богослуженія („Ц. О. В.“ № 44, 1883). Такъ какъ никто изъ непредубѣжденныхъ людей не сомнѣвается въ правѣ на существованіе приходскихъ школъ, то для упроченія ихъ существованія необходимо рѣшить вопросъ объ отысканіи достаточныхъ средствъ. Самое названіе ихъ „церковно-приходскія“ указываетъ, откуда онѣ должны черпать средства для своего содержанія; ибо доселѣ существующія церковно-приходскія школы, въ большей части случаевъ содержимыя на личные средства духовенства, неправильно носятъ это названіе. Для разъясненія даннаго вопроса не лишено интереса мнѣніе проф. Малышевскаго, въ статьѣ: „Къ вопросу о лучшемъ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ“ („Тр. К. Д. А.“ янв. 1883) Для приобрѣтенія средствъ для содержанія приходскихъ школъ авторъ предлагаетъ установленіе съ православнаго населенія особенныхъ сборовъ, или жертвъ на обученіе дѣтей, каковы суть: крещальная жертва, брачная, великопостная или исповѣдная и монастырско-богомольная. Къ этой же суммѣ, по мнѣнію автора, можетъ быть причислена остаточная сумма отъ суммы жалованья духовенству, сумма казеннаго оклада монастырямъ и сумма въ 50 т. рубл., назначенная на поддержаніе приходскихъ школъ отъ казны. По предположенію автора, означенные источники дадутъ ежегодныя средства для содержанія приходскихъ школъ въ размѣрѣ 1.360,000 рубл. Кромѣ означенныхъ источниковъ, авторъ указываетъ еще на возможность мѣстныхъ поступленій на содержаніе школъ, которые могутъ заключаться напр. въ пособіи изъ общихъ церковныхъ доходовъ, изъ средствъ церковныхъ попечительствъ, изъ пожертвованій сельскихъ обществъ и взносовъ отъ учащихся на книги и учебныя пособія.

Въ духовно-учебной области въ истекшемъ году состоялось опредѣленіе св. Синода (отъ 6—13 іюня), въ которомъ изъяснено, что своекоштные студенты, поступившіе въ духовныя академіи въ 1882/83-мъ учебномъ году, допущены въ оныя только въ качествѣ пансіонеровъ, обязанныхъ жить въ зданіи академіи наравнѣ съ казеннокоштными; внѣ же зданій академіи, своскоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей. Изъ объясненій новой законодательной мѣры, находящихся въ опредѣленіи св. Синода, видно, что указанная мѣра вызвана заботою имѣть всѣхъ студентовъ академіи подъ непосредственнымъ благодѣтельнымъ надзоромъ академическаго начальства, такъ какъ студенты, живущіе внѣ стѣнъ академіи, далеко не имѣютъ той твердости въ добромъ направленіи, какая желательна въ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній. Въ

этомъ опредѣленіи св. Синода видна его заботливость о поддержаніи въ духовныхъ академіяхъ того порядка жизни, которымъ обезпечивается ихъ сила, прочность и соотвѣтствіе своему назначенію. Досточтимый ректоръ с.-петербургской духовной академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ, прощаясь съ академіей, обратился къ студентамъ съ такими словами: „Въ васъ, г.г. студенты, я питаю честныхъ, трудящихся людей. Ваше неучастіе въ современныхъ политическихъ утопіяхъ— для меня самый сильный аргументъ вашей зрѣлости. Вотъ почему я еще не рѣшался такъ долго оставить академію, хотя два года тому назадъ публично заявилъ объ этомъ“ („Ц. О. В.“ № 141, 1883). Даже и по взгляду свѣтскихъ писателей, наши духовныя академіи въ ряду другихъ высшихъ учебныхъ заведеній остались единственными учрежденіями, изъ которыхъ выходятъ люди, способные стоять выше духа времени и бороться съ его тлетворнымъ вліяніемъ. Такъ, извѣстный писатель г. М. Де-пуле (въ „Новомъ Времени“) доказываетъ необходимость учрежденія духовныхъ академій и въ тѣхъ университетскихъ городахъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, выставляя на видъ потребность въ людяхъ, воспитавшихъ въ себѣ твердыя христіанскія убѣжденія, какъ силѣ, могущей стать противовѣсомъ невѣрію вѣка.

Въ наше время, давшее много блестящихъ опытовъ эмпирическаго изученія природы, любятъ гордиться успѣхами современнаго знанія и въ этихъ успѣхахъ желаютъ видѣть залогъ, обезпечивающій поступательный ходъ въ нравственномъ развитіи человѣчества. Еще англійскій историкъ Бокль высказалъ мнѣніе о зависимости нравственнаго преуспѣянія человѣчества отъ его интеллектуальнаго прогресса, и это одностороннее мнѣніе, недостаточно пробѣренное, имѣетъ большой вѣсъ въ современномъ обществѣ, преклоняющемся предъ завоеваніемъ человѣческаго ума въ области внѣшней природы. Въ представленіи современныхъ образованныхъ людей мыслительная сила (*intellectus*) выступаетъ главнымъ направителемъ нравственно-цѣнной человѣческой дѣятельности; поэтому-то въ воспитаніи болѣе дѣлается для развитія ума, чѣмъ прочихъ способностей человѣческаго духа. По этой теоріи, мы должны думать, что чѣмъ долѣе живетъ человѣчество и чѣмъ болѣе накапливаетъ оно знаній, тѣмъ далѣе идетъ по пути нравственнаго усовершенствованія, и нашъ вѣкъ, слѣдовательно, въ силу большого количества знаній, долженъ стоять выше предшествующихъ вѣковъ въ нравственномъ отношеніи. Какъ ни привлекательна эта теорія, нельзя не видѣть ея неосновательности. Насколько упростилось бы воспитаніе людей,

если бы при воспитаніи ихъ можно было дѣйствовать въ прямолинейномъ направленіи, развивая и питая только умъ! Но въ томъ-то и встрѣчается затрудненіе при воспитаніи, что человѣкъ есть болѣе сложное существо, чѣмъ то предполагаютъ люди, думающіе видѣть центръ его духовной жизни въ умѣ. И какъ бы ни хотѣлось сдѣлать для себя вѣроятною мысль, что современное поколѣніе лучше предшествовавшихъ, опытъ свидѣтельствуешь иное. Отнюдь нельзя доказать, чтобы количество правонарушеній въ наше время уменьшилось сравнительно съ предшествовавшимъ. И что всего удивительнѣе, мы даже не имѣемъ основанія думать, что, склонность къ правонарушеніямъ усматривается болѣе въ темной средѣ народа, чѣмъ въ образованномъ классѣ. Напротивъ, статистическія данныя показываютъ, что образованный классъ относительно нѣкоторыхъ преступленій доставляетъ большее (процентное) количество правонарушителей, чѣмъ нашъ простой народъ („Вѣстн. Евр.“ Ноябрь. 1883). Въ самомъ дѣлѣ, наблюденіе надъ явленіями нравственно-бытовой жизни современнаго общества заставляетъ призадуматься надъ особенностями того прогресса, которымъ такъ гордятся современники. Видѣтъ ли этотъ прогрессъ въ той неустойчивости и слабости мысли, въ силу которыхъ разнаго рода лживыя теоріи, обставленныя софистическими доказательствами, могутъ имѣть вѣсъ? Или усматривать этотъ прогрессъ въ неопредѣленности или даже отсутствіи нравственныхъ правилъ, вслѣдствіе чего возможность жить по плотскому, измѣнчивому и суетному обычаю міра становится завѣтною мечтою многихъ людей. А эта всеобщая жажда матеріальныхъ наслажденій, ради которой всѣми правдами и неправдами люди стремятся къ легкой и быстрой наживѣ, знаменуетъ ли она возвышенную ступень умственно-нравственнаго состоянія человѣка? Если бы мы могли собрать отрицательныя явленія въ нравственно-бытовой жизни современнаго общества въ одинъ образъ, намъ представилась бы картина, всего менѣе способная внушить восхищеніе современностью. Обратимъ ли мы вниманіе на современную образованную семью — здѣсь мы не находимъ нѣрѣдко крѣпкихъ нравственныхъ нитей и гармоническаго единенія, обезпечивающихъ благополучіе христіанскаго супружескаго союза, не находимъ и того церковно-нравственнаго порядка, по которому неуклонно должна направляться жизнь семьи, вслѣдствіе чего иногда дѣти, оставляя семью, не выносятъ изъ нея священныхъ, силою любви руководственныхъ преданій и не видятъ въ прошлой дѣтской жизни тѣхъ неоцѣненныхъ даровъ дѣтскаго

счастія, воспоминаніе о которыхъ можетъ служить опорой и утѣшеніемъ въ тяжкихъ житейскихъ невзгодахъ. Оглянемся ли мы въ служебно - государственную сферу — здѣсь мы встрѣчаемъ самое грубое попраніе служебнаго долга, самое позорное нарушеніе интересовъ ближнихъ во имя своекорыстія. Многочисленныя хищенія послѣдняго времени со стороны служебныхъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ правительства или общества, до того сдѣлались обычны, что слухъ о нихъ перестаетъ даже вызывать интересъ. Не страшно было бы, если бы дѣло шло о похищеніяхъ десятковъ или даже сотенъ рублей, какъ это бываетъ въ средѣ простаго народа; но когда хищенія простираются до сотенъ тысячъ и милліоновъ, составленныхъ изъ кровныхъ сбереженій бѣдняковъ, которые теряютъ при хищеніяхъ послѣднія крохи, сохраненныя для обезпеченія семьи (какъ въ крупеніи Скопинскаго банка), тогда это явленіе уже поражаетъ, становится знаменіемъ времени. Еще большее недоумѣніе овладѣваетъ человѣкомъ, когда хищниками выступаютъ не полуобразованные люди, а настоящіе интеллигенты, считающіе себя рыцарями безъ страха и упрека, которые не стыдятся однако отнимать львиныя доли отъ скромнаго содержанія людей, несущихъ на себѣ тяжкій долгъ защиты государства (какъ въ процессахъ интендантовъ) или расхищать капиталы, на которые содержатся не имѣющіе семьи дѣти (дѣло Мельницкаго). Грубый личный эгоизмъ и забвеніе обязанностей еще паразитычѣе обнаруживаются на почвѣ многочисленныхъ свободныхъ внѣбрачныхъ отношеній между лицами того и другаго пола. Жестокосердіе отцовъ и матерей лишаетъ родительскихъ заботъ и ласкъ множество дѣтей, оставляемыхъ, такимъ образомъ, на безотрадную жизнь въ чужихъ семьяхъ, или воспитательныхъ пріютахъ, кладетъ на нихъ позорное пятно, ожесточаетъ ихъ противъ людей и ведетъ часто на путь порока и преступленія. И такіе случаи отреченія отъ своихъ собственныхъ дѣтей, оставленія ихъ на произволъ судьбы рѣдко бываютъ въ нашихъ деревняхъ, въ значительнѣйшей части встрѣчаются въ большихъ городахъ, этихъ сѣдалищахъ просвѣщенія; и виновными въ этомъ отреченіи отъ родительскихъ обязанностей оказываются болѣею частію не бѣдняки, поставленные въ невозможность содержать дѣтей или держать ихъ при себѣ, но люди образованше и имѣющіе достатокъ. Заглянемъ ли мы въ темную среду нашего крестьянства и мѣщанства, особенно въ его семейную жизнь — здѣсь нерѣдко встрѣтимъ преобладаніе грубой силы, слабо поддающейся воздѣйствию христіанскихъ понятій. Оно ведетъ иногда лицъ, со-

ставляющихъ супружескую чету, къ тягчайшимъ преступленіямъ другъ противъ друга. Указанныя черты нравственнаго состоянія общества не привлекательны; это правда, но они не даютъ достаточнаго основанія къ заключенію, что наше поколѣніе въ нравственномъ отношеніи ниже предшествовавшихъ, ибо въ современной жизни общества не мало и свѣтлыхъ сторонъ. Нельзя не отмѣтить при этомъ того факта, что благотворительная дѣятельность общества расширяется по мѣрѣ усиленія нужды и бѣдствій. Такъ напр. въ 1882 году благотворительнымъ учрежденіямъ городовъ отчислено свыше 50-ти т. пятью банками, отъ 20—50 тысячъ 13-ю банками, отъ 1—20 т. 153-мя банками и менѣе 1 т. 25-ю банками („Ц. О. В.“ № 105, 1883 г.). Но источникъ такихъ явленій, какъ отреченіе отъ своекорыстія и жертвы въ пользу ближняго, кроется не въ гуманномъ духѣ вѣка, не въ интеллектуальномъ развитіи человѣка, а въ открытомъ ему христіанствомъ идеалѣ новой, лучшей жизни.

О. Садовъ.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ?

(Окончаніе).

Чтобы раздѣльнѣе представить содержаніе философіи, мы должны точнѣе опредѣлить характеристическія черты того, что мы назвали идеею. Если философія, какъ мы сказали, выражаетъ собою высшую сторону, высшій моментъ въ понятіи истины, сторону, которой не касаются другія науки, то это конечно не значить, чтобы она отрицала тѣ ея стороны, которыя составляютъ предметъ изученія другихъ наукъ. Она находитъ только эти стороны не вполне исчерпывающими содержаніе полной истины и поэтому науку вообще, если-бы она ограничилась изслѣдованіемъ только этихъ сторонъ (т. е. эмпирической и формальной), она вправѣ-бы назвать только одностороннею, но ни какъ не ложною или не имѣющею характера истинной науки. Но признавая законность этихъ сторонъ и въ силу этого истину эмпирическаго и математическаго познанія, философія тѣмъ самымъ признаетъ законность и тѣхъ признаковъ истины и истиннаго знанія, которые лежатъ въ ихъ основѣ. Эти признаки, какъ мы видѣли, суть: дѣйствительность и формальная или логическая законосообразность. Поэтому и въ философіи, какъ наукѣ, имѣющей своимъ содержаніемъ и цѣлью истину, очевидно, должны находиться эти же признаки истины. Она не отрицаетъ ихъ, но только дополняетъ новымъ и высшимъ признакомъ; она заключаетъ ихъ въ себѣ какъ существенные, хотя и не единственные предикаты своего предмета.

Итакъ идея, какъ спеціальнѣйшій предметъ философіи, если она есть истина, должна, кромѣ другихъ возможныхъ признаковъ, заключать въ себѣ признаки дѣйствительности и формальной законосообразности.

а) Идея есть *дѣйствительность*. Этою чертою мы прямо отстраняемъ то, часто встрѣчающееся пониманіе ея, по которому она признается чисто субъективнымъ произведеніемъ нашего ума, противопологаемымъ дѣйствительной вещи. Терминъ: идея, не въ одинаковомъ смыслѣ употребляется и въ философіи, а въ обыкновенномъ словоупотребленіи имъ чаще всего обозначается именно противоположное тому, что мы соединили съ этимъ словомъ. Идею часто отождествляютъ съ идеаломъ, иногда съ замысломъ, съ планомъ извѣстнаго произведенія, иногда просто съ понятіемъ, даже представленіемъ объ извѣстномъ предметѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ идея представляется чѣмъ-то существующимъ только въ мысли, но не на самомъ дѣлѣ. Но неточность обычнаго словоупотребленія не могла-бы останавливать нашего вниманія, если-бы повода къ такому именно пониманію идеи не заключалось, повидимому, и въ данномъ нами опредѣленіи идеи. Идея, какъ мы сказали, есть то, чѣмъ долженъ быть предметъ, соединеніе же въ дѣйствительности того, чѣмъ долженъ быть предметъ, съ тѣмъ, что онъ есть въ явленіи, и составляетъ полную, реальную его истину. Но очевидно предметъ не всегда бываетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть; можно даже сказать сильнѣе, — предметъ никогда не бываетъ вполне тѣмъ, чѣмъ долженъ быть; иначе, — идея никогда вполне не осуществляется въ дѣйствительномъ проявленіи; предметъ никогда не достигаетъ идеальнаго совершенства. Отсюда, не слѣдуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ, что идея есть не реальность, а мысленное только представленіе совершенства предмета, — словомъ, что, вопреки нашему положенію, идея не есть дѣйствительность?

Но дѣло не въ томъ, вполне или не вполне осуществляется идея предмета въ явленіи, а въ томъ, составляетъ-ли она одно изъ существенныхъ условій бытія предмета, извѣстный элементъ въ самомъ этомъ бытіи и потому сущее, дѣйствительное въ предметѣ? Но на этотъ вопросъ, окончательное рѣшеніе котораго должна дать сама философія въ своемъ ученіи объ истинно-сущемъ, мы уже на основаніи сказаннаго нами, можемъ отвѣчать утвердительно. Мы видимъ, что идея предмета есть одинъ изъ существенныхъ моментовъ въ понятіи

цѣльной, реальной истины и истиннаго бытія. Что-же касается до неполнаго осуществленія предметомъ своей идеи, то это обстоятельство нисколько не говоритъ противъ ея дѣйствительности, а только о возможности большей или меньшей полноты выраженія ея въ бытіи феноменальномъ. Напротивъ, только большею или меньшею степенью осуществленія ея въ предметѣ, опредѣляется истина и дѣйствительность послѣдняго. Такъ въ природѣ, различныя частныя видоизмѣненія, даже искаженія организма могутъ чрезвычайно оразнообразить его; но не смотря на это, общій органическій типъ или идея, даннаго рода существъ, должна оставаться и остается неизмѣнною; приближеніемъ къ этому типу или отклоненіемъ отъ него измѣняется только совершенство организма. Животное, наприм., подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, можетъ быть больше и меньше имѣть всѣ члены или лишиться нѣкоторыхъ, имѣть тотъ или другой цвѣтъ и проч., но основной, органическій типъ его природы остается тѣмъ-же; даже въ органическихъ уродствахъ всегда сохраняется, хотя въ искаженномъ видѣ, типъ данной породы; иначе животное уже не будетъ этимъ, опредѣленнаго рода, животнымъ, но инымъ. Такъ точно и человѣкъ, какъ-бы не уклонялся въ своей жизни отъ своей нормы, всегда будетъ выражать собою идею человѣка; онъ можетъ унизиться до животнаго, но не станетъ животнымъ.

Итакъ, идея есть дѣйствительность, такъ какъ безъ нея невозможно дѣйствительное существованіе предметовъ, хотя очевидно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно называютъ дѣйствительными эмпирическіе предметы въ силу того только, что они постигаются, или могутъ быть постигнуты, виѣшними чувствами,—зрѣніе, слухъ, осязаніе и пр. Присутствіе идеальной основы, чувственно являющагося намъ бытія, мы признаемъ нашимъ разумомъ, но не ощущаемъ эмпирически. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительность идеи въ отличіе отъ эмпирической, мы можемъ называть сверхопытною дѣйствительностію, а философію можемъ опредѣлить, какъ науку о бытіи сверхопытномъ, сверхчувственномъ или метафизическомъ.

б) Второй предикатъ истины есть, какъ мы сказали, формальная законсообразность. Этотъ предикатъ носитъ болѣе

субъективный характеръ, въ отличіе отъ перваго, который мы опредѣлили какъ дѣйствительность. Эта сторона истины, какъ мы видѣли, даетъ основаніе и утверждаетъ право существованія наукъ математическихъ и логики въ ея формальномъ отношеніи. Философія, будучи наукою объ истинѣ, конечно должна включатьъ въ себя и эту ея сторону, какъ одинъ изъ своихъ моментовъ. Поэтому и идея, какъ содержаніе философіи, должна быть не только дѣйствительностью, но и точнымъ, логически состоятельнымъ понятіемъ ея. Но какъ тамъ, въ отношеніи къ признаку дѣйствительности, идея хотя и оказалась имѣющею этотъ признакъ, но не въ томъ-же смыслѣ, какъ имѣютъ его эмпирическіе предметы, а въ высшемъ, почему и названа нами сверхопытною дѣйствительностью; такъ и здѣсь, идея хотя и есть несомнѣнно логически состоятельное понятіе, но не въ одномъ только формально-логическомъ отношеніи. Въ чемъ состоитъ этотъ особенный, высшій характеръ идеи, какъ понятія, — на этотъ вопросъ отвѣчаетъ тоже опредѣленіе ея, которое послужило для насъ къ уясненію идеальной дѣйствительности. Идея, какъ мы сказали, есть то, что должно быть въ предметахъ. Отсюда видно, что идея, какъ понятіе, должна быть *нормальнымъ* или *точнѣе*, — указывающимъ норму понятій, *понятіемъ*. Отсюда задача философіи, по отношенію къ совокупности понятій, изъ которыхъ слагается наше званіе, — указать норму или истинную идею нашего познанія. Она должна имѣть своею цѣлью не только изучать, такъ или иначе, сверхопытную дѣйствительность, но не ограничиваясь своею спеціальною задачею, должна начертать намъ идеальнѣе истинно научнаго знанія и истинной науки вообще и указать надежные способы къ достиженію этого идеала. Она должна быть философіею не только идеальной стороны сущаго, но и философіею познанія вообще, должна представить намъ всю совокупность человѣческихъ знаній, какъ единое стройное цѣлое, въ которомъ всѣ отдѣльныя науки были-бы органически связаны между собою, каждой изъ нихъ указано свое законное мѣсто и та доля участія, какую она можетъ имѣть въ достиженіи истины, — общей цѣли всѣхъ наукъ. Имѣя въ виду преимущественно эту сторону философіи, нѣкоторые опредѣ-

ляли ее какъ „наукоученіе“ и называли ее наукою наукъ. Такою она и должна быть по своей идеѣ, принимая это опредѣленіе, конечно, не въ смыслѣ какого-либо лестнаго отзыва о ней или превозношенія ея предъ прочими науками, а въ томъ смыслѣ, что она даетъ намъ идею научнаго знанія. Точнѣе ее можно-бы назвать въ этомъ значеніи не наукою наукъ, а наукою о научности наукъ, — о томъ, въ чемъ долженъ состоять истинный научный характеръ какъ знанія вообще, такъ и различныхъ спеціальныхъ отраслей его. Конечно, не должно забывать при этомъ, что субъективная законосообразность составляетъ только одну изъ сторонъ въ опредѣленіи истины. Поэтому и философія, если-бы ограничилась одною теоріею познанія была-бы одностороннею наукою, субъективною философіею. Не смотря на громадную важность ученія о познаніи въ дѣлѣ философскаго мышленія, это ученіе составляетъ только преддверіе дѣйствительной философіи. Всѣ самые существенные вопросы, рѣшенія которыхъ ожидаеть умъ человѣка отъ философіи, и ради которыхъ, она имѣеть для него жизненный интересъ и привлекательность, остались-бы не рѣшенными или рѣшились-бы въ одностороннемъ, даже ложномъ смыслѣ, какъ скоро, мы неходя изъ узкой субъективной точки зрѣнія, стали-бы видѣть въ философіи не болѣе какъ феноменъ человѣческаго познанія, а не науку о дѣйствительно сущемъ внѣ нашего познанія.

в) Но дѣйствительность и субъективная законосообразность, оба признака истины, будучи принадлежностью идеи, какъ предмета философіи, сами по себѣ указываютъ только на тѣ моменты истины, которые принадлежать ей на ряду съ другими науками. Они вполне обезпечиваютъ научный характеръ философіи, такъ какъ показываютъ, что она удовлетворяеть двумъ существеннымъ условіямъ науки: имѣеть реальный предметъ изслѣдованія (сверхопытная дѣйствительность) и въ своей теоріи познанія, — способы и методы усвоенія этого содержанія. Но эти признаки, какъ общіе съ другими науками, хотя и принадлежащіе философіи въ высшемъ и особенномъ ихъ значеніи, не указываютъ еще спеціальныхъ особенностей идеи въ ея отличіи отъ эмпирической дѣйствительности, а вмѣстѣ

съ этимъ не выясняютъ окончательно и содержанія философіи, какъ науки объ идеяхъ. Итакъ мы должны теперь указать эти особенности идеи въ ея отличіи отъ эмпирическаго проявленія.

Идея прежде всего есть *постоянное, неизмѣнное* начало, пребывающее среди разнообразія и видоизмѣненія своихъ проявленій въ эмпирической дѣйствительности. Жизнь, наприм., каждаго органическаго существа представляетъ собою измѣнчивый, текучій процессъ смѣны различныхъ состояній и случайныхъ видоизмѣненій даннаго типа. Животное можетъ расти, терять нѣкоторые члены, измѣнять наружныя покровы, ассимилировать и выдѣлять различныя вещества, входящія въ составъ его организма; но основной типъ или идея его остается неизмѣнною и постоянною въ теченіи всей его жизни. То же самое мы найдемъ, если изъ области природы виѣшней перейдемъ въ высшую область явленій духовныхъ. Религіи напр. и религіозныя представленія въ человѣческомъ родѣ чрезвычайно многочисленны, но не смотря на все разнообразіе и измѣнчивость ихъ въ ихъ основѣ лежитъ и остается неизмѣнною общая идея религіи, какъ взаимоотношенія между Богомъ и человѣкомъ. Нравы, обычаи, вообще проявленія нравственности чрезвычайно разнообразны, но во всѣхъ ихъ проходитъ и остается неизмѣнною идея нравственности; она не теряется и не исчезаетъ даже среди самыхъ искаженій ея въ проявленіяхъ злой воли человѣка и дѣлаетъ то, что человѣкъ никогда не перестаетъ быть существомъ по природѣ нравственнымъ.

Но идея, какъ неизмѣнное и постоянное начало бытія предметовъ, иначе можетъ быть названа ихъ сущностью въ отличіе отъ измѣнчивыхъ обнаруженій этой сущности, — феноменовъ. Вотъ почему философія можетъ быть названа наукою о существенномъ въ предметахъ или о сущности бытія. Но такъ какъ существенное въ предметахъ обладаетъ болѣе истиннымъ бытіемъ, чѣмъ случайныя ихъ видоизмѣненія, то понятно, почему философію опредѣляли иногда какъ науку объ истинно сущемъ (напр. Платонъ), не въ томъ конечно крайне идеалистическомъ смыслѣ, что бытіе феноменальное есть одинъ призракъ, нѣчто только кажущееся бытіемъ, а не бытіе дѣйстви-

тельное, но въ томъ, что бытіе идеальное есть высшая дѣйствительность въ сравненіи съ феноменальнымъ, какъ постоянное и неизмѣнное.

Если идея есть неизмѣнно-постоянное начало и сущность предметовъ, то очевидно, тѣ феномены, въ которыхъ она проявляется, по отношенію къ ней суть нѣчто второстепенное и случайное, при томъ не только по бытію, но и по происхожденію. Начало должно опредѣлять слѣдствія, сущность проявленія. Отсюда новое опредѣленіе идеи: идея по отношенію къ предмету есть нѣчто *первоначальное* и *основное*. Такъ напр. уже въ сѣмени растенія дана его типическая форма, которая въ послѣдствіи разовьется при содѣйствіи извѣстныхъ внѣшнихъ условій,—климата, почвы и пр. Эти условія только содѣйствуютъ развитію или осуществленію даннаго типа, но не создаютъ его; будетъ-ли растеніе яблонею, сосною или розовымъ кустомъ, это зависитъ не отъ климата и почвы, но отъ первоначально даннаго типа растенія въ его сѣмени. Тоже мы видимъ и въ мірѣ духовномъ; не внѣшнія и случайныя условія жизни опредѣляютъ одни и сами по себѣ дѣятельность человѣка, но человѣкъ, имѣя въ виду какую-либо цѣль, какъ планъ или идею извѣстнаго дѣла, потомъ осуществляетъ ее. Вообще въ царствѣ разума, будетъ-ли то бессознательная разумность природы или сознательно-свободная человѣка идея, мысль, предшествуетъ явленію.

Но если теперь идея существуетъ первоначально, а послѣдующимъ развитіемъ предмета только реализуется во внѣ, то ясно, что она-же служитъ и *целью* развитія, вообще феноменальнаго бытія предмета. Предметъ существуетъ чтобы выразить или осуществить свою идею, выполнить чрезъ это свою цѣль и назначеніе, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ ее выполняетъ, состоитъ степень его истины въ объективномъ значеніи этого слова. Предметъ здѣсь, такъ сказать, возвращается къ своему началу въ кругѣ жизненнаго процесса. Цѣль, наприм., растенія, которую оно выполняетъ своимъ существованіемъ, состоитъ въ томъ, чтобы развить вполне типъ своей органической породы; цѣль и назначеніе человѣка,—осуществить въ своей жизни идею или идеаль человѣка, какъ разумно-свобод-

наго существа; цѣль всякаго рода нашей разумной дѣятельности—выполнить въ дѣйствительности ту мысль или то начало, которое служитъ побужденіемъ къ ней. Если теперь идея есть основаніе, начало и цѣль бытія предметовъ, то отсюда объясняется, почему философія можетъ быть опредѣляема, какъ наука о началахъ, основаніяхъ и цѣляхъ существующаго.

Итакъ анализируя понятіе идеи, чтобы отсюда вывести болѣе конкретное содержаніе философіи, мы нашли, что философія есть наука о бытіи сверхопытномъ, нормальномъ, постоянномъ, которое составляетъ начало, сущность и цѣль бытія феноменальнаго; короче, — философія есть наука объ идеальной сторонѣ существующаго.

Но всматриваясь ближе въ то, что мы назвали идеею, замѣчаемъ, что всѣ сейчасъ указанные нами признаки имѣютъ полную и совершенную значимость только тогда, когда идея разсматривается исключительно въ отношеніи къ предмету ея опредѣляемому, взятому самъ по себѣ. Если мы возьмемъ какой либо предметъ или кругъ предметовъ безъ всякаго отношенія къ другимъ и внѣ связи съ ними, то дѣйствительно его идея, по отношенію къ явленіямъ, есть постоянное, необходимое начало и цѣль его бытія. Но если станемъ сравнивать самыя идеи предметовъ однѣ съ другими въ ихъ взаимномъ отношеніи, то найдемъ, что всѣ указанные нами признаки относительны и что каждая идея, въ отношеніи къ другимъ высшимъ ея идеямъ, не владѣетъ своими признаками въ ихъ абсолютномъ значеніи, не есть что либо безусловно необходимое, самобытное, нормальное и пр. Такъ, напр., каждый человѣкъ въ отдѣльности необходимо долженъ имѣть идею своего конкретнаго человѣческаго бытія, выполнить свое спеціальное назначеніе; но этотъ именно человѣкъ, не составляетъ безусловно необходимаго элемента въ идеѣ человѣка вообще; онъ можетъ существовать и нѣтъ; но идея человѣка не исчезнетъ, хотя бы не было того или иного лица въ частности; она найдетъ свое осуществленіе въ совокупности другихъ лицъ; слѣдовательно, по отношенію къ идеѣ человѣка, идея даннаго лица носитъ характеръ случайности, хотя она не такова по отношенію къ этому именно лицу. Подобное же отношеніе мы можемъ найти

между идеею народа и человѣчества; человѣчество можетъ существовать, хотя бы не было того или другаго народа въ частности. Вообще, разсматривая идеи вещей въ мірѣ, мы находимъ, что съ одной стороны онѣ относятся одна къ другой какъ низшее къ высшему, какъ менѣе существенное къ болѣе существенному и необходимому, съ другой—что ни одна изъ нихъ не выражаетъ въ полной степени понятія идеи, т. е. ни одна изъ нихъ не имѣетъ бытія абсолютно—необходимаго и самобытнаго, не служитъ безусловнымъ началомъ и цѣлью самой себѣ, но имѣя самостоятельное значеніе относительно своихъ проявленій, въ тоже время зависитъ въ своемъ бытіи отъ другихъ идей и можетъ служить средствомъ къ осуществленію другихъ высшихъ и въ ея лежащихъ цѣлей. Но такъ какъ совершенная истина можетъ заключаться только въ идеѣ, обладающей совершенно и вполнѣ всѣми своими признаками, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ частныя идеи, какъ выражающія эти признаки не вполнѣ и отчасти, обладаютъ только относительною, условною и потому неполною истиною бытія. Это ведетъ насъ необходимо къ предположенію существованія абсолютной идеи и абсолютной истины, совмѣщающей вполнѣ и безотносительно всѣ указанныя нами свойства идеальнаго бытія. Эта основная идея, идея въ абсолютномъ значеніи, иначе,—идея абсолютнаго бытія служитъ такимъ образомъ объединяющимъ и связующимъ началомъ всѣхъ прочихъ идей; на ней, какъ на корнѣ, держатся всѣ частныя идеи; по мѣрѣ причастности ей и приближенія къ абсолютной истинѣ и бытію онѣ получаютъ значеніе и мѣсто въ области сущаго. Въ силу этой абсолютной идеи, всѣ прочія идеи не представляютъ собою ряда разрозненныхъ и независимыхъ другъ отъ друга началъ, но образуютъ собою одно гармоническое цѣлое, — идеальный міръ, восходящій по ступенямъ развитія и завершаемый идеею абсолютнаго, которая является въ тоже время и основаніемъ и вѣнцемъ существующаго, абсолютнымъ началомъ и послѣднею цѣлью бытія.

Отсюда видно, что, наша наука, если хочетъ быть наукою идей, не можетъ ограничиться отрывочнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ или другихъ частныхъ идей. Самымъ высшимъ своимъ

предметомъ она должна имѣть абсолютную идею и разсматривать всѣ другія условныя идеи въ связи съ этою основною и ничѣмъ уже неусловливаемою идеею. Такимъ образомъ, наша наука, по своему содержанию, окончательно можетъ быть опредѣлена такъ: *философія есть наука объ абсолютномъ и идеяхъ, разсматриваемыхъ въ отношеніи къ абсолютному, въ ихъ взаимной связи и въ проявленіи въ бытіи феноменальномъ* *).

Мы нашли то, чего искали; нашли содержаніе для философіи, не выдѣляя для нея никакой особенной области предметовъ отъ другихъ наукъ, и при томъ содержаніе чрезвычайно богатое и обширное,—все царство идей, слѣдовательно весь міръ,

*) Предыдущимъ анализомъ понятія идеи, достаточно, надѣмся, выяснено наше опредѣленіе философіи. Здѣсь считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе терминологіи нашего опредѣленія. Слова: *абсолютное, идея*, составляютъ какъ извѣстно, нѣчто *horribile dictu* для того, очень распространеннаго направленія современной философіи, которое или открыто стоитъ подъ знаменемъ матеріализма и позитивизма, или питаетъ тайныя симпатіи къ нимъ. Но эти термины могутъ не поправиться п тѣмъ, кто, сходясь съ нами въ общемъ пониманіи предмета философіи, желалъ-бы замѣнить эти термины болѣе конкретными и опредѣленными въ духѣ рациональной философіи. Почему-бы, могутъ сказать, не замѣнить напоминающаго идеализмъ и пантеизмъ выраженіи: абсолютное, словомъ, напр., божество, Богъ, а слово идея, — выраженіемъ: „сущность“ или подобнымъ? На этотъ, вполнѣ уважительный вопросъ, считаемъ нужнымъ дать нашъ отвѣтъ. Главный недостатокъ опредѣленій философіи, какъ указанныхъ нами, такъ и множества другихъ, состоитъ въ ихъ относительной узкости, въ томъ, что ими собственно опредѣляется философія только тѣхъ лицъ, кои ихъ составили. При такой узкости и односторонности, всѣ философскія системы, несогласныя съ направленіемъ извѣстнаго автора, не находятъ себѣ мѣста въ области нашей науки — оказываются не философіею, а чѣмъ-то инымъ. Такимъ недостаткомъ страдало-бы и наше опредѣленіе, если-бы мы захотѣли кажущееся недостаточно опредѣленнымъ выраженіемъ: абсолютное, замѣнить напр. словомъ Богъ. Съ этимъ понятіемъ мы соединяемъ строго опредѣленный, теистическій смыслъ и включивъ его въ наше опредѣленіе, тѣмъ самымъ исключили-бы за предѣлы философіи всѣ многочисленныя, не только эмпирическія, но и идеалистическія системы, въ которыхъ понятія о первоосновѣ бытія, не совпадаютъ съ понятіемъ теизма. Поэтому для опредѣленія философіи мы должны были избрать такіе термины, которые вѣрно выражая существенное содержаніе нашей науки, имѣли-бы возможную широту и допускали-бы существованіе не одной только теистической, но и другихъ философіи. Изъ такихъ терминовъ наиболѣе пригодными для нашей цѣли оказались намъ: *абсолютное* и *идея*. Знакомому сколько нибудь съ исторіею философіи нѣтъ нужды говорить, что эти термины освящены долгою научною традиціею, которая показываетъ, что они явились не случайно, а въ удовлетвореніе какихъ либо существенныхъ потребностей философскаго мышленія и языка, что оправдываетъ и наше употребленіе ихъ. Дѣйствительно слово: *абсолютное*

все существующее. Потому что все, что ни существуетъ, за исключеніемъ явленій случайныхъ и не истинныхъ, имѣетъ свое основаніе, свою идею, свою цѣль,—разумность своего бытія, независимо отъ того, въ какой мѣрѣ осуществляетъ свою идею. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать даже, что въ область философіи входитъ болѣе, чѣмъ сколько существуетъ, если подъ именемъ существующаго будемъ понимать только эмпирически существующее, являющееся намъ какъ фактъ внѣшняго или внутренняго опыта. Идея есть то, что *должно быть* въ предметахъ; но *должное*, какъ мы замѣтили, можетъ осуществляться и не осуществляться въ явленіи, можетъ осуществ-

удачно выражаетъ общее понятіе первоосновы бытія, дозволяя въ то же время болѣе конкретное опредѣленіе понятія, соединяемаго съ этимъ словомъ, что должно быть уже дѣломъ не общаго опредѣленія философіи, а самой системы этой науки. Противъ слова: абсолютное, не можетъ ничего возразить даже понимающей самъ себя матеріализмъ, такъ какъ и его самосушая матерія есть ни что иное, какъ абсолютное начало бытія. То же самое должно сказать и о словѣ: *идея*, и оно принято нами въ виду наибольшаго обобщенія понятія философіи и возможности включить въ это понятіе разнообразіе философскихъ системъ. Этотъ терминъ конечно не можетъ поправиться тѣмъ современнымъ философамъ, для которыхъ въ философіи важенъ не столько смыслъ соединяемый съ извѣстнымъ словомъ, сколько его современность, и для которыхъ выраженія напр. субстанція, абсолютное, метафизика и т. п., составляютъ предметъ суевѣрнаго страха. Но кто обращаетъ болѣе вниманія на мысль, чѣмъ на словесную ея оболочку, тотъ можетъ быть согласенъ съ нами, что для обозначенія того содержанія, которое мы признали принадлежащимъ философіи, слово: *идея* есть наиболѣе подходящее. Болѣе или менѣе синонимическія слову: *идея* выраженія, какъ читатель могъ замѣтить изъ нашего изслѣдованія, у насъ суть: норма, типъ, сущность, начало бытія. Но каждое изъ этихъ выраженій въ отдѣльности не соотвѣтствуетъ во всей широтѣ тому понятію, которое мы назвали идеею, уже потому одному, что философія, какъ мы сказали, должна быть наукою не только объ общихъ началахъ бытія, но и познанія; принятый-же нами терминъ можетъ обозначать какъ объективную, такъ и субъективную сторону познаваемаго. Слово—*идея*, можетъ быть одинаково употреблено и въ онтологическомъ и въ гносеологическомъ значеніи; оно допускаетъ поэтому существованіе какъ объективной, такъ и субъективной философіи, судя потому, будемъ-ли мы разумѣть подъ идеею истинно сущее въ вещахъ (какъ Платонъ), или умственное представленіе о нихъ (какъ Кантъ), или то и другое вмѣстѣ. Какое изъ этихъ понятій вѣрно, что такое *идея* въ дѣйствительности, рѣшеніе этого вопроса, точно также какъ и рѣшеніе вопроса, что такое абсолютное, есть уже дѣло самой философіи. Опредѣленіе должно дать лишь самое общее понятіе о нашей наукѣ, подъ которое по возможности входили-бы все виды философскаго познанія. Самая философія, какъ и всякая другая наука, должна быть развитіемъ того зерна, которое дано въ опредѣленіи.

ляться больше или меньше. Такимъ образомъ въ идеѣ, сравнительно съ валичнымъ, эмпирическимъ бытіемъ, всегда можетъ оказаться избытокъ, такъ сказать, бытія, который хотя не имѣетъ въ данное время внѣшней реальности, но имѣетъ реальность и истину внутреннюю.

Изъ этой обширности содержанія философіи уже видно, что такъ какъ всѣ существующіе предметы имѣютъ свою идеальную сторону, то всѣ они могутъ быть разсматриваемы философски и что философіи могутъ быть *причастны*, такъ сказать, всѣ науки, какъ идеѣ причастны всѣ предметы, достойные научнаго познанія. Въ какой мѣрѣ причастны, въ какой мѣрѣ предметъ каждой науки можетъ доставлять матеріалъ для философскаго изслѣдованія, это легко опредѣляется высказаннымъ нами понятіемъ о содержаніи философіи и для каждаго частнаго случая. Именно, въ область нашей науки могутъ входить всѣ изслѣдованія объ общихъ началахъ того, чѣмъ занимается каждая наука и что составляетъ ея сущность и цѣль; всѣ изслѣдованія, касающіяся значенія и смысла извѣстныхъ предметовъ и явленій, не въ ихъ эмпирической разрозненности, но въ связи съ цѣлостію и гармоніею міроваго бытія. Такъ, напр. положительное изложеніе истинъ какой либо религіи, или историческое описаніе ея происхожденія и дальнѣйшія судьбы, есть дѣло, или ея догматики, или исторіи религій. Но если мы обратимъ вниманіе не на конкретное содержаніе или исторію той или другой религіи, но на религію вообще, на идею религіи, какъ на скрытое, внутреннее основаніе всѣхъ частныхъ проявленій религіознаго сознанія, если мы станемъ изслѣдовать вопросы о сущности и происхожденіи религіи вообще, объ основныхъ законахъ развитія религіознаго сознанія вообще, о цѣли религіи, то мы изъ области положительнаго и историческаго ученія о религіи, перейдемъ въ область философіи религіи. Опять, — философія касается и видимой природы, но она не занимается ни описаніемъ тѣхъ или другихъ явленій природы, ни систематикою ихъ, ни изученіемъ эмпирическихъ ихъ законовъ; это дѣло естествознанія. Но какъ скоро мы беремъ во вниманіе не частныя явленія міра, но міръ вообще какъ цѣлое, въ его идеѣ, какъ скоро мы спрашиваемъ: въ чемъ

состоить сущность природы? откуда и какъ она первоначально произошла? какой общій законъ и какая послѣдняя цѣль міроваго процесса? и т. п., то съ этими вопросами мы переходимъ изъ области естествознанія въ область философскаго ученія о природѣ. Подобнымъ же образомъ мы безъ труда можемъ отличить содержаніе философіи, напр., исторіи отъ исторіи вообще, нравственной философіи отъ этнографическаго описанія нравовъ и обычаевъ, философіи права отъ положительныхъ юридическихъ наукъ и пр. Даже, прилагая представленное нами понятіе о философіи къ какому либо болѣе частному предмету, мы тотчасъ-же можемъ открыть, что въ немъ можетъ принадлежать философіи и что нѣтъ. Возьмемъ напр. понятіе войны. Описаніе тѣхъ или другихъ войнъ, частныя причины и слѣдствія каждой изъ нихъ, — дѣло исторіи, пожалуй частнѣе, исторіи военнаго искусства. Но когда мы возьмемъ идею войны вообще, независимо отъ различныхъ частныхъ войнъ, и станемъ изслѣдовать: какая причина появленія войнъ между людьми? какой смыслъ и значеніе имѣютъ войны въ жизни рода человѣческаго? должны ли онѣ быть или нѣтъ? то такого рода изслѣдованія о войнѣ могутъ быть названы философскими.

Но если теперь философія можетъ имѣть свою долю въ каждой наукѣ, если каждая изъ нихъ можетъ имѣть свою философскую сторону, то невольно возникаетъ вопросъ: для чего же мы раздѣляемъ каждую науку, отдѣляя въ ней идеальную, философскую сторону отъ эмпирической, положительной и соединяемъ собранное такимъ образомъ отъ всѣхъ наукъ однородное содержаніе въ особую науку, — философію? Не правильнѣ ли было бы и въ познаніи не разрывать той живой связи между идеєю и явленіемъ, какая существуетъ въ дѣйствительности, — не отдѣлять напр. философіи религіи или естественнаго богословія отъ положительнаго, космологіи отъ наукъ естественныхъ, философіи права отъ законовѣдѣнія и пр. При представленномъ нами возрѣніи на философію, существованіе ея какъ самостоятельной и отличной отъ прочихъ науки, кажется, такимъ образомъ, недостаточно обезпеченнымъ. Это возрѣніе говоритъ только о томъ, что въ каждой наукѣ возможна

философская часть или сторона, но не доказываетъ, чтобы необходима была философія, какъ отдѣльная наука.

Выставленное нами требованіе единства эмпирическаго и философскаго изученія предмета каждой науки, въ теоріи можетъ быть признано справедливымъ, но на дѣлѣ оно составляетъ только *prim desiderium* науки,—ея идеаль, достиженію котораго препятствуетъ и личная ограниченность дѣятелей науки и самая задача философіи. Прогрессъ науки совершается при посредствѣ отдѣльныхъ личностей болѣе или менѣе ограниченныхъ и по силѣ ума и по его направленію и по кругу занятій „и величайшій геній“, справедливо замѣчаетъ Шопенгауеръ, „въ какойнибудь сферѣ познанія оказывается рѣшительно ограниченнымъ“ *). При этомъ условіи почти невозможно совмѣщеніе въ одномъ лицѣ и философскаго и эмпирическаго направленія въ дѣлѣ познанія; то или другое явится преобладающимъ и гармоническая, цѣлостная въ своей идеѣ наука, одностороннею. Философъ или эмпирикъ неминуемо получитъ перевѣсъ при тѣхъ характеристическихъ особенностяхъ, которыя отличаютъ мышленіе философское отъ эмпирическаго. Эта мысль не теоретическое только предположеніе; опытъ показываетъ, что эмпирики болѣею частію бывали плохими, односторонними философами, а философы плохими естествоиспытателями, какъ скоро думали прилагать свои философскія теоріи къ объясненію конкретныхъ явленій природы. Такъ, занимающіеся философіею естествоиспытатели нашего времени (напр. Молшоттъ, Бюхнеръ, Фогтъ и др.), не могли создать ничего кромѣ материалистической болѣе популярнаго, чѣмъ научнаго достоинства философіи, и наоборотъ, первостепенный философскій умъ Гегеля къ своей философіи природы, оказался бессильнымъ для выведенія и построенія конкретныхъ фактовъ естествознанія изъ началъ своей теоріи. Далѣе, трудность соединенія философскаго изслѣдованія вещей съ эмпирическимъ, заключается не въ одномъ только, сейчасъ указанномъ нами, субъективномъ условіи знанія; она зависитъ и отъ самой задачи философіи. Философія разсматриваетъ различныя частныя

*) Jeder auch das höchste Genie in irgend einer Sphäre der Erkenntnis entschieden bornirt ist. Schopenhauer, Parerga u Paral. 1851. B. 2 85.

идеи въ ихъ взаимной связи и въ отношеніи ихъ къ идеѣ абсолютнаго. Одно отрывочное размышленіе о какомъ либо предметѣ и даже группѣ однородныхъ предметовъ, хотя бы то и съ философской точки зрѣнія, не составляетъ еще философіи, какъ науки. Такое размышленіе называютъ иногда философствованіемъ, въ отличіе отъ философіи. Какъ царство міра идеальнаго представляетъ собою гармоническую систему взаимно связанныхъ между собою идей, сосредоточивающихся въ высшей идеѣ абсолютнаго; такъ и отраженіе этого міра въ познаніи, — философія должна быть стройнымъ, систематическимъ объединеніемъ всѣхъ тѣхъ идеальныхъ элементовъ, которые могутъ содержаться въ отдѣльныхъ наукахъ. Она должна дать намъ не только разрозненныя опыты философій той или другой науки, но единое, цѣльное философское міросозерцаніе. Но еслибы при этомъ требованіи наша наука, не ограничиваясь общею идеальною стороною бытія, захотѣла заниматься и эмпирическою его стороною, въ законномъ, повидимому, желаніи соединить философское знаніе съ положительнымъ, то она совершенно вовлекла бы въ себя всѣ науки или лучше, — вмѣсто философіи и наукъ опытныхъ явилась бы одна универсальная наука, которая совмѣстила бы въ себѣ всѣ познанія какъ объ общемъ, такъ и о частномъ, какъ объ идеальномъ, такъ и феноменальномъ, соединивъ тѣ и другія въ единство стройной системы. Конечно, такая наука есть идеаль челоѣческаго знанія, потому что съ одной стороны и философія должна бы стараться представить намъ не однѣ общія идеи, но и раскрыть ихъ въ примѣненіи ко всѣмъ видамъ феноменальнаго бытія, не отступая даже предъ малозначительными предметами, такъ какъ и имъ не чуждъ идеальный элементъ; для истиннаго философа, какъ справедливо думаетъ Платонъ, нѣтъ малозначительныхъ вещей, ибо каждая изъ нихъ имѣетъ свою идею ***). Съ другой стороны и эмпирическія на-

***) Парменидъ, отъ имени котораго Платонъ, въ діалогѣ носящемъ это названіе, излагаетъ свое ученіе объ идеяхъ, спрашиваетъ молодаго Сократа, признаетъ ли онъ существованіе такихъ напр. идей, какъ справедливаго, добраго, прекраснаго и тому подобнаго? Сократъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. А идея челоѣка, огня, воды? Относительно этихъ идей, признавать ли ихъ, Сократъ остается въ недоумѣніи. „А относительно такихъ предметовъ, которые

уки, своею высшею цѣлью, должны бы имѣть не простое изученіе фактовъ и ихъ систематизацію, не ближайшіе только законы эмпирическихъ явленій, но и дать отчетъ въ самыхъ основныхъ понятіяхъ эмпирическаго званія, стараться уловить затѣмъ значеніе, смыслъ и цѣль міровыхъ явленій въ общей системѣ бытія. Но очевидно, что такая идеальная наука еще далека отъ насъ. Чтобы прослѣдить проявленіе идей во всѣхъ явленіяхъ, мы должны бы прежде всего точно знать всѣ явленія и предметы эмпирическіе; но такимъ знаніемъ далеко еще не можетъ похвалиться положительная наука. Затѣмъ, самыя наши философскія познанія объ идеальной сторонѣ міра должны бы имѣть характеръ законченности и несомнѣнности, чтобы мы могли стоять на вполнѣ твердой и надежной почвѣ при объясненіи явленій. Но какъ то, такъ и другое, еще далеко отъ осуществленія, да едва ли вполнѣ и осуществимо какъ по ограниченности силъ каждой познающей личности, такъ и по общему свойству человѣческаго познанія, которому суждено постепенно приближаться къ идеалу абсолютной истины, но не овладѣвать ею вполнѣ и окончательно.

В. Гудравцевъ.

могли бы показаться ничтожными и смѣшными, какъ напр. волоса, грязь или что другое, самое презрѣнное и худое, ты конечно также сомнѣваешься, могутъ ли быть идеи подобныхъ предметовъ?" спрашиваетъ Парменидъ. Сократъ отвѣчаетъ, что думать будто есть идеи такихъ вещей, было бы странно. „Впрочемъ меня уже нѣкогда безпокоила мысль, не существуетъ ли идея и каждой вещи, но остановясь на этомъ предположеніи, я потомъ обратился въ бѣгство, боясь, чтобы какъ нибудь не впасть въ бездонную пустоту и не погибнуть“. — „Ты еще молодецъ Сократъ, сказалъ Парменидъ, и любовь къ философіи не обьяла еще тебя такъ, какъ она по моему мнѣнію, илѣнитъ тебя тогда, когда ни которую изъ этихъ вещей ты не станешь считать презрѣнною; теперь же, по причинѣ молодости, ты еще судишь такъ, какъ обыкновенно думаютъ люди“. (Parmen. 130). Вообще по мнѣнію Платона, идеѣ не чуждо ничто существующее; гдѣ не было бы никакой идеи тамъ ничего и не существовало бы. (Сводъ мѣстъ, объясняющихъ ученіе Платона объ идеяхъ, см. у Риттера, въ [его: Geschichte d. alter Philosophie 1829—34. 11, 302 и слѣд.).

Заслуга греческихъ философовъ архаическаго *) періода.

Въ послѣднее время симпатію образованныхъ людей, какъ извѣстно, стала привлекать почти исключительно одна положительная наука, а соотвѣтственно этому все болѣе и болѣе стало усиливаться нерасположеніе къ философіи. Туманъ философіи давно вошелъ въ притчу; но больше всего философію упрекаютъ въ отсутствіи всякаго прогресса, въ совершенной бесплодности ея для человѣческой жизни и т. п. Самыя великія свѣтила философіи называются не болѣе, какъ только блестящими метеорами, которые, освѣтивъ на мгновеніе горизонтъ человѣческой мысли, исчезли затѣмъ совершенно и *безслѣдно*. При такомъ рѣшительномъ осужденіи философіи, само собою разумѣется, наибольшая доля ея должна падать на такія философскія ученія и направленія, которыя по характеру и содержанию своему меньше всего могутъ соотвѣтствовать состоянію и потребностямъ нашего современнаго образованія, — таковы главнымъ образомъ всѣ системы древнѣйшихъ мыслителей Греціи. Къ нимъ относятся съ какимъ-то пренебреженіемъ даже люди, совсѣмъ не раздѣляющіе господствующаго предубѣжденія противъ философіи; и они не находятъ въ изученіи ихъ никакого интереса. Спрашиваютъ: — какое значеніе, какой интересъ для человѣка, стоящаго на высотѣ современнаго просвѣщенія, могутъ представлять всѣ тѣ наивныя мнѣнія и положенія, до какихъ дошли разыскатели истины самой начальной эпохи философствованія? Такой духъ пренебреженія къ метафизическимъ міросозерцаніямъ древнихъ мудрецовъ, къ сожалѣнію, крѣпко держится среди многихъ людей нашего вре-

*) Этимъ названіемъ означается самый древній періодъ греческой философіи.

мени. Во всѣхъ этихъ міросозерцаніяхъ не находятъ ничего такого, что могло бы быть сколько-нибудь поучительнымъ для нашего времени,—у однихъ они возбуждаютъ только сострадательную улыбку, а у другихъ насмѣшку.

Такія пристрастныя оцѣнки философскихъ умозрѣній древнихъ мудрецовъ могутъ быть очень пріятны для современнаго критика, потому что соединяются съ чувствомъ собственнаго превосходства. Тѣмъ не менѣе онѣ происходятъ все-таки изъ самаго неправильнаго отношенія къ предмету. Самымъ неправильнымъ и несправедливымъ отношеніемъ къ древнѣйшимъ произведеніямъ философствующаго ума нужно признать, когда изучаютъ ихъ только для того, чтобы подвергнуть своему сужденію, и судятъ ихъ исключительно по вкусу современной критики; при такомъ отношеніи къ нимъ получается искаженіе истины факта, смыслъ и душа его утрачиваются, и немудрено, что въ результатѣ всего этого получается то, что древніе мыслители съ высоты своего могучаго философскаго царенія низводятся на степень не только самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, но представляются такими невѣждами и людьми наивными, съ которыми въ состояніи состязаться теперь любой школьникъ. Болѣе справедливымъ отношеніемъ къ древнимъ мыслителямъ было бы то, когда бы мы меньше старались судить ихъ и больше заботились о томъ, чтобы все, что мыслящій духъ ихъ произвелъ своимъ творчествомъ, возстановить передъ собою, какъ живой образъ, потомъ внимательно присмотрѣлись бы къ этому образу и выяснили его себѣ; тогда, быть можетъ, наше самомнѣніе значительно уменьшилось бы и мы у древнихъ нашли бы много такого, что было бы поучительно и вразумительно и для насъ.

Говоря опредѣленнѣе, неправильное отношеніе къ исторіи философіи вообще и—въ частности—къ исторіи древнѣйшей философіи, главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ томъ, что при изученіи философскихъ системъ обыкновенно прямо обращаются къ тѣмъ *результатамъ*, до коихъ дошла въ то или другое время философствующая мысль, и относительно этихъ результатовъ прямо изслѣдуютъ, что между ними есть *истиннаго*, или приближающагося къ истинѣ, и что представляютъ они

ложнаго. Подъ истинною-же обыкновенно подразумѣваются отдѣльные свѣдѣнія или привычныя понятія, которыя отложились въ умахъ отъ различныхъ наукъ. По этой мѣркѣ и судятъ: если какому нибудь философу удалось высказать такое положеніе, которое сколько-нибудь подходитъ къ этой мѣркѣ, его хвалятъ; если другой во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ совершенно расходится съ современнымъ воззрѣніемъ на вещи, его беспощадно осуждаютъ. Само собою разумѣется, что при такомъ отношеніи къ дѣлу вся древнѣйшая философія должна сильно проигрывать: вѣдь въ самомъ дѣлѣ, древнѣйшіе мыслители оставили намъ въ наслѣдіе очень немного такого, что могло бы цѣликомъ быть воспринято въ кругъ *нашего* міровоззрѣнія!

Когда къ произведеніямъ философствующаго ума, къ какому бы времени они ни относились, прилагаютъ такую оцѣнку, когда цѣнятъ ихъ только по *количеству* заключающихся въ нихъ вѣрныхъ мнѣній и вѣрныхъ положеній, въ этомъ случаѣ обнаруживаютъ большое непониманіе самой сущности исторіи философіи. Исторію философіи нельзя сравнивать съ исторіей какихъ-нибудь открытій и изобрѣтеній. Когда изслѣдователь, намѣреваясь прослѣдить эту послѣднюю, безъ всякаго вниманія опускаетъ цѣлыя эпохи человѣческой исторіи — потому, что изобрѣтательный геній человечества въ нихъ не заявилъ себя никакими открытіями, то онъ поступаетъ совершенно по праву; но когда изслѣдующій исторію философіи съ пренебреженіемъ опускаетъ въ ней цѣлыя страницы — потому, что не находитъ въ нихъ ни одного такого положенія, которое на *его* взглядъ могло бы быть признано вѣрнымъ, то онъ поступаетъ совершенно несправедливо. Это потому именно, что онъ въ этомъ случаѣ опускаетъ изъ виду самую существенную сторону предмета; такъ какъ существенное содержаніе исторіи философіи составляетъ собственно самый *ходъ мысленія* человѣческаго, на сколько оно проявлялось въ разныя времена — движимое стремленіемъ человѣческаго духа къ отысканію и уразумѣнію истины. Истину-же, какъ предметъ исканій философіи, нельзя представлять въ видѣ какого-то готоваго клада, который, послѣ тщетныхъ многовѣковыхъ усилій человѣческаго ума, будто бы

удалось, наконецъ, откопать только современному человѣчеству. Если истину, согласно съ наиболѣе употребительнымъ опредѣленіемъ ея (сдѣланнымъ Спинозою), понимать, какъ согласіе мысли съ предметомъ, какъ гармонію мышленія съ бытіемъ, то она должна представляться только какъ идеаль для человѣческаго ума, по отношенію къ которому и современное состояніе просвѣщенія никакъ нельзя принимать за полное осуществленіе его. Но несомнѣнно, что какъ настоящая эпоха образованія, такъ и всякая другая представляетъ только различныя степени *приближенія* къ нему. Извѣстную степень приближенія къ этому идеалу представляетъ намъ и образъ мышленія древнѣйшихъ философовъ. Съ этой точки зрѣнія, именно какъ исторія мышленія, на сколько оно возбуждалось живымъ стремленіемъ человѣческаго духа къ истинѣ, насколько оно проявлялось въ дѣйствительности какъ живой фактъ, съ необходимостью вытекавшій изъ самой природы человѣческаго духа, на извѣстной ступени его развитія, — съ этой точки зрѣнія и должна рассматриваться древнѣйшая исторія философіи; рассматриваемая съ этой точки зрѣнія, она для всякаго будетъ представлять глубокой интересъ. Мышленіе, на сколько оно есть живой фактъ человѣческой исторіи, для изученія представляетъ даже несравненно большій интересъ, чѣмъ любой фактъ природы, или всякое другое проявленіе человѣческаго бытія; это потому, что этотъ фактъ есть, такъ сказать, живой элементъ нашей собственной умственной жизни, — наше собственное мышленіе самымъ живымъ образомъ связано съ нимъ, хотя и громаднымъ, по никогда не прерывающимся протяженіемъ мысли; онъ, поэтому, является болѣе близкимъ и родственнымъ намъ, чѣмъ все другое, дошедшее до насъ изъ прожитой исторіи человѣчества и составляющее проявленіе человѣческаго духа.

Потому-то мы и говоримъ, что ошибочно судять, будто древнѣйшая философія — эта первая страница цѣлой исторіи философіи — пуста, безцвѣтна и безынтересна, потому что изъ этой страницы мы не можемъ усвоить никакой готовой истины, пригодной для нашего времени; такая оцѣнка происходитъ только изъ поверхностнаго представленія предмета; при вниматель-

номъ-же взглядѣ на дѣло, напротивъ, она оказывается полной самаго живаго и глубокаго интереса. Уже одно то естественно должно возбуждать въ насъ полное вниманіе къ умозрѣніямъ древнихъ мудрецовъ, что они первые намѣтили для человѣческой мысли тѣ цѣли, къ которымъ съ тѣхъ поръ она никогда не переставала направляться, и первые проложили пути къ знанію. На этой первой страницѣ исторіи философіи дѣлается прочная завязка той великой духовной драмы, развитіе которой съ тѣхъ поръ непрерывно продолжается до нашихъ дней, а окончанія ея и предвидѣть нельзя. Любопытно теперь, хотя бѣглымъ взглядомъ, остановиться на этомъ историческомъ моментѣ перваго пробужденія философскаго сознанія.

До VI вѣка предъ Р. Х. умственная жизнь греческаго народа исчерпывалась почти исключительно одними поэтическими мифическими представленіями о богахъ, герояхъ и ихъ отношеніи къ человѣческой жизни. Но при такомъ направленіи мысли, исчерпывавшемся однимъ религіозно-поэтическимъ творчествомъ, человѣческой умъ не могъ оставаться навсегда; въ этомъ направленіи рано или поздно долженъ былъ совершиться переломъ, и рѣзкій переломъ произошелъ тогда, когда сознаніе греческаго народа, отбросивъ, наконецъ, традиціонное содержаніе знанія, освободившись изъ-подъ авторитета устарѣлыхъ вѣковыхъ преданій, выступило на путь самостоятельнаго раціональнаго объясненія существующаго. Этотъ переломъ начинается съ VI вѣка до Р. Х. и съ этого времени появляются начатки той философіи, которой съ этихъ поръ стали принадлежать господствующая роль и великое значеніе въ исторіи европейскаго просвѣщенія вообще.

Мыслящій духъ созрѣваетъ не сразу,—не сразу, не съ самаго начала своего существованія человѣкъ сознательно устремляется къ раціональному познанію истины; были народы, которые исчезли съ лица земли, не оставивъ по себѣ никакой философіи. Для пробужденія философскаго мышленія всегда необходимымъ является присутствіе извѣстныхъ благоприятныхъ условій. Всѣ такія условія впервые счастливо соединились около указаннаго времени только въ томъ уютномъ уголкѣ Европы, который называется благословенной Элладой, среди народа, ко-

торый давно „любилъ отдаваться порывамъ вдохновенія“, „мечтать о природѣ“, — давно доказалъ всю силу сообразительности и всю находчивость ума. Когда настали всѣ благопріятныя условія, — когда съ одной стороны самый естественный ростъ греческой мысли далъ ей возможность выступить на путь свободной самостоятельной дѣятельности, когда съ другой стороны къ этому присоединился внѣшній толчекъ, въ видѣ столкновенія греческаго народа съ міровоззрѣніемъ другихъ народовъ — особенно персовъ и египтянъ, тогда греческая философія получаетъ свое начало; днемъ рожденія ея нужно признать тотъ моментъ, когда сознаніе греческаго народа, въ лицѣ мыслящихъ представителей его, впервые отрѣшилось отъ устарѣлыхъ преданій, освободилось отъ безотчетныхъ вѣрованій и ограничило „свой кругъ и способъ изслѣдованія силою свободной и самостоятельной мысли“.

Нѣтъ ничего легче, какъ сѣсть на кресло судьи и начать судить о скудости, безсодержательности философскихъ умозрѣній первыхъ греческихъ мыслителей и, въ концѣ концовъ, назвать всѣ эти умозрѣнія однимъ сплошнымъ и чистымъ заблужденіемъ, даже безсмыслицей. Но такое отношеніе къ древнимъ мудрецамъ у всякаго сейчасъ-же должно исчезнуть, если бы только всякій обратилъ вниманіе на одно, что всѣ тѣ мнѣнія и мысли, которыя оставили намъ они, всѣ были плодомъ сознательнаго, разумнаго мышленія. Мысль-же, если только она является результатомъ сознательнаго мышленія, никогда не можетъ быть безсмыслицей; если бываетъ отсутствіе смысла, то съ этимъ соединяется и отсутствіе мысли. Всякая мысль имѣетъ всегда извѣстную степень разумности. Разумна-же мысль безъ сомнѣнія тогда, когда она достигаетъ извѣстной цѣли. Итакъ можемъ-ли мы сказать, что умозрѣніе древнихъ мудрецовъ не достигало никакой цѣли?

До пробужденія философскаго сознанія человекъ жилъ одною безотчетною, — такъ сказать — инстинктивною, механическою мыслию; теперь онъ перешелъ къ сознательному мышленію. Сознательность мышленія характеризуется тѣмъ именно, что оно не безотчетно относится къ тому, что представляется въ существующемъ, но всѣ факты, открывающіеся здѣсь, оно пола-

гаетъ какъ эмпирическія основы, какъ простыя эмпирическія данныя, изъ которыхъ своею творческою дѣятельностію и выработываетъ философское умозрѣніе. При свѣтѣ разумной мысли всѣ факты получаютъ теперь извѣстный смыслъ, значеніе то они были нѣмы и бессмысленны, теперь же осмысливаются; умозрѣніемъ. Такимъ образомъ, существующее становится теперь *понятнымъ* для мысли, т. е. относительно существующаго открывається теперь его естественность, законосообразность. Такое *уразумѣніе* существующаго и даетъ *истину* относительно его, а плодомъ самостоятельнаго уразумѣнія истины является *убѣжденіе* мысли. Итакъ общемою конечною цѣлью, къ которой ведетъ разумное мышленіе, является свободное убѣжденіе; это, одно изъ высшихъ благъ, какія только доступны человѣку, -- первые узнали древніе мудрецы. И въ этомъ, неоспоримо, ихъ главнѣйшая заслуга для послѣдующаго человѣчества, что они первые внесли силу свободного убѣжденія въ число „руководственныхъ началъ всемірной исторіи“.

Стремясь къ разумному убѣжденію, первые мыслители, уразумѣется, не могли дойти до многихъ изъ тѣхъ суровыхъ истинъ дѣйствительности, познаніе которыхъ сдѣлалось доступнымъ послѣдующему времени; они приступили къ разумному рѣшенію вопросовъ относительно существующаго въ то время, когда положительныя знанія существовали еще въ зародышѣ, когда „экспериментація не существовала еще какъ искусство, посредствомъ котораго смѣтливый изслѣдователь умѣетъ допроситься у природы, отвѣтитъ ли и она сама согласно его догадкѣ и предположенію“. Понятно, что слабо вооруженные научнымъ опытомъ и при отсутствіи правильныхъ методовъ изслѣдованія, они до многого могли доходить только по одной догадкѣ. Но если они и не *искали* знаній въ современномъ смыслѣ этого слова, за то во многомъ они обнаружили чудный даръ угадыванія. Не обладая достаточными знаніями реальнаго міра, всѣ они однако вѣрно подмѣтили одну великую *истину*, что надъ всѣмъ разнообразіемъ предметовъ, явленій и постоянно повторяющихся измѣненій въ природѣ должно лежать строгое единство общаго неизмѣннаго закона, что всѣ частныя причины явленій, открывающіяся въ опытѣ, должны

быть сведены въ какой-нибудь одной высшей и основнѣйшей причинѣ, къ одному высшему началу всего сущаго. Всѣ философскія системы и направленія архаическаго періода, не смотря на всю кажущуюся пестроту свою и разнообразіе, — всѣ они представляютъ только различные моменты этой одной истины; во всѣхъ философскихъ ученіяхъ разсматриваемаго періода пробудившееся философское сознаніе греческаго народа ищетъ одного — открыть единство въ разнообразіи явленій природы; оно порывается свести частныя явленія къ одному общему началу и конкретные образы къ одному высшему отвлеченному понятію.

Но такъ какъ въ этомъ случаѣ греческимъ мыслителямъ не доставало твердой научной почвы, такъ какъ они были почти безоружны относительно научнаго опыта, то естественно, что въ своихъ умозрѣніяхъ многое они должны были дополнять воображеніемъ; фантазія какъ бы вездѣ спѣшила у нихъ на помощь и на встрѣчу тамъ, гдѣ не доставало прямой связи, прямого перехода отъ единичныхъ явленій къ основнымъ, первоначальнымъ причинамъ. Въ этомъ источникѣ ихъ многихъ частныхъ заблужденій; но эти заблужденія все-таки не закрываютъ основной истины и существеннаго смысла всего ихъ философскаго дѣла.

Первоначальникомъ греческой философіи считается, какъ извѣстно, Фалесъ, по происхожденію принадлежавшій къ самому даровитому изъ греческихъ племенъ — іонійцамъ, на долю которыхъ, такимъ образомъ, пришлось первымъ выступить на путь философствованія, точно такъ же, какъ они же раньше сдѣлали первые шаги и въ области поэзіи. Въ лицѣ этого перваго мыслителя пробудившееся философское мышленіе, взявши своимъ предметомъ весь міръ — безъ раздѣла, впервые обращается къ разумному изъясненію его посредствомъ разумнаго оправданія его бытія и происхожденія. Но остановившись передъ природою и стремясь объяснить ее, т. е. подчинить все представляющееся въ ней многообразіе единству, какому-нибудь высшему началу, Фалесъ ищетъ это начало не въ духовномъ какомъ-нибудь элементѣ вообще, потому что мыслящій духъ на первыхъ порахъ еще не могъ выдѣлать себя, какъ нѣчто особое

изъ цѣлой совокупности бытія; онъ ищетъ это начало въ самой природѣ, какъ высшую вещественность и первичную основу всѣхъ вещей. Какъ передаютъ отрывочныя указанія древнихъ писателей, Талесъ полагалъ въ основу природы воду, т. е. думалъ, что началомъ всего служитъ это текучее, „единое въ разнообразныхъ видахъ“ вещество. Поставивши своей задачей разумное изъясненіе природы и рѣшивши эту задачу посредствомъ сведенія ея къ одной основной *вещественной* причинѣ, Талесъ этимъ положилъ начало цѣлому философскому направленію, которое вслѣдъ за нимъ не замедлили развивать другіе мыслители. Продолжателемъ Талеса былъ другой іоніецъ, Анаксименъ, который, не удовлетворившись предположеніемъ Талеса, чтобы все могло произойти изъ воды, училъ, что основное начало всего сущаго есть воздухъ, начало все связующее и все объединяющее въ природѣ, все проникающее и все окружающее въ ней, изъ котораго все образуется или чрезъ разрѣженіе (огонь), или чрезъ сгущеніе (земля, камень). Такое положеніе Анаксимена получило дальнѣйшее развитіе у Діогена Аполлонійскаго, который дополнилъ его тѣмъ, что сравнилъ воздухъ съ душой человѣка и призналъ его основнымъ началомъ, дающимъ не только жизнь, но и сознаніе. Къ этой группѣ мыслителей, признававшихъ основнымъ началомъ какіе-нибудь вещественные элементы, мы можемъ присоединить еще Анаксимандра, современника Талеса.

Этотъ мыслитель въ изъясненіи бытія также не ушелъ дальше простаго механическаго матеріальнаго пониманія его, но сравнительно съ первыми указанными нами философами онъ отличается тѣмъ, что возвышается до болѣе общаго пониманія самаго основнаго начала сущаго, признавши въ немъ не определенное какое-либо вещество, какъ напр. вода Талеса, но назвавши его „бесконечнымъ“; такъ что все въ природѣ, по его взгляду, есть только осуществленіе бесконечнаго въ конечныхъ образахъ, все изъ бесконечнаго выходитъ и все въ него возвращается.

Высшую степень развитія того направленія философской мысли, начало которому положено ученіемъ Талеса, представляютъ намъ философскія воззрѣнія тѣхъ мыслителей архаичес-

кой эпохи, которые, хотя также въ изъясненіи природы не возвышаются дальше предположенія первичныхъ матеріальныхъ основъ ея, но не остаются при одномъ чистомъ понятіи матеріи, а доходятъ до понятія первоначальной живой *силы*, какъ начала образовательнаго, представляя ее однако, какъ только нераздѣльную принадлежность той же самой матеріи. Такимъ принципомъ эти мыслители стремятся разрѣшить вопросъ, выдвинутый самымъ ходомъ развитія философской мысли въ разсматриваемую эпоху,—объ отношеніи бытія къ его измѣненію. Къ этимъ мыслителямъ принадлежатъ: Гераклитъ, Эмпедоклъ, Демокритъ. Гераклитъ училъ, что основное начало сущаго есть огонь, такъ что вся природа есть лишь совокупность безчисленныхъ видоизмѣненій огня; этотъ огонь Гераклитъ понималъ не какъ чистое матеріальное вещество, а какъ вѣчно живое и вѣчно самодвижущееся начало; отсюда сущность всего существующаго состоитъ въ томъ, что все непрерывно течетъ и видоизмѣняется, постоянно колеблясь между бытіемъ и небытіемъ, такъ что всю природу Гераклитъ понимаетъ, какъ одинъ постоянный самодѣятельный процессъ. Эмпедоклъ вмѣсто одного первоначальнаго элемента принимаетъ четыре первичныя, вѣчныя и самостоятельныя вещества,—это извѣстные намъ четыре элемента, изъ различнаго смѣшенія которыхъ онъ и объясняетъ происхожденіе всего существующаго; образовательными силами при этомъ онъ признаетъ соединяющую любовь и разъединяющую ненависть, такъ что каждое смѣшеніе элементовъ есть дѣло любви, каждое разложеніе — дѣло ненависти. Наконецъ, Демокритъ училъ, что первичную основу всего сущаго составляетъ не одно какое-либо вещество и не четыре стихіи Эмпедокла, а безконечное множество первоначальныхъ недѣлимыхъ частицъ матеріи — атомовъ; этимъ атомамъ отъ вѣчности принадлежитъ сила самодвиженія, и все въ природѣ есть только различное сочетаніе ихъ при видоизмѣненіи двухъ условій: ихъ формы и положенія.

Итакъ, вотъ краткій обзоръ основныхъ воззрѣній одной группы мыслителей самаго начальнаго періода греческой философіи. Для перваго взгляда всѣ тѣ положенія, какія высказывались этими мыслителями, могутъ показаться до того нераціо-

нальными, дѣтски-наивными, что серьезному человѣку въ наше время, повидимому, не стоило бы и заниматься ими. Но не будемъ профанировать человѣческаго разума, не будемъ спѣшить называть ихъ какимъ-то безразсудствомъ. „Исторія философіи, по замѣчанію Льюиса, есть, можетъ быть, исторія заблужденій, но никакъ не исторія безразсудства“. Всѣ главныя мысли, высказанныя древними мудрецами, какъ бы онѣ ни казались намъ на первый взглядъ нераціональными, непременно имѣютъ свой смыслъ, слѣдовательно, и разумность и при внимательномъ взглядѣ на дѣло мы всегда можемъ открыть этотъ смыслъ. „Смыслъ этотъ соотвѣтствовалъ понятіямъ эпохи и потому заслуживаетъ вниманія.“ Какъ ни грубы на нашъ взглядъ всѣ эти мысли, но онѣ имѣютъ уже то глубокое значеніе, что въ нихъ являются первыя попытки ума свести имѣвшіяся безотчетныя знанія міра къ единству первой причины, возвыситься надъ міромъ феноменальнымъ, который люди до сихъ поръ принимали такъ, какъ онъ есть, и безотчетно вѣрили во все, что въ немъ видѣли.

Философское мышленіе въ разсматриваемую нами эпоху не остановилось однако на одномъ грубо-эмпирическомъ направленіи, которое начинается съ Thalеса; въ своемъ стремленіи познать истину относительно существующаго, найти начало всѣхъ вещей и изяснить сущность ихъ философская мысль этого времени открываетъ и другіе пути и отъ чисто вещнаго опредѣленія абсолютнаго начала возвышается до отвлеченнаго пониманія его. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Пифагоръ, выступившій на поле философской дѣятельности почти одновременно съ Thalесомъ. По ученію Пифагора, верховное начало всего существующаго есть число. Вся природа, по его воззрѣнію, есть ничто иное, какъ симметрически расположенное цѣлое, въ которомъ всѣ различія и противоположности соединяются по твердымъ, непреложнымъ законамъ развитія чиселъ. Всѣ предметы природы могутъ разнообразно видоизмѣняться, они могутъ подлежать разрушенію, но численныя основанія ихъ всегда остаются неизмѣнными. Всякій предметъ, какимъ-бы измѣненіямъ онъ ни подвергался, всегда есть одна неизмѣнная единица. Основною

же всего служить первоначальная высшая единица, которая содержитъ всѣ числа и, слѣдовательно, всѣ элементы вселенной. Такимъ образомъ, у Пифагора число является и началомъ, и сущностію, и матеріей всѣхъ вещей.

Что касается этого матеріальнаго воззрѣнія, то какъ опять ни можетъ показаться оно страннымъ для перваго взгляда, но главная мысль, лежащая въ основѣ его, имѣетъ свою долю истины и значенія. „Эта основная мысль его состоитъ въ томъ, что въ явленіяхъ природы господствуетъ разумный порядокъ, взаимное соотвѣтствіе и законосообразность и что законы природы могутъ быть выражены въ мѣрѣ и числахъ“ (Швеглеръ). Но только какъ самъ Пифагоръ, такъ и его многочисленные послѣдователи, не удержались на понятіи числа, какъ основы однихъ количественныхъ отношеній, но они несправедливо прилагали это понятіе и къ опредѣленію всѣхъ чисто качественныхъ явленій.

Еще одинъ шагъ философской мысли по пути обобщенія, и она отъ математическаго опредѣленія возвышается уже до чисто логическаго опредѣленія сущности бытія. Такой шагъ въ разсматриваемую эпоху представляетъ намъ третье направленіе мышленія, какое принимаетъ въ это время философская школа, основанная Ксенофаномъ и, по мѣсту своего процвѣтанія, получившая названіе Элеатской. Уже въ Пифагорейской философіи высказалось нѣкоторое недовѣріе къ простымъ даннымъ чувственнаго воззрѣнія и отсюда стремленіе возвыситься надъ непосредственными показаніями простаго чувственнаго опыта; Элеатская философія дѣлаетъ въ этомъ отношеніи шагъ еще дальше и уже прямо признаетъ всякое чувственное познаніе только обманчивымъ. Поэтому мыслители Элеатской школы (Парменидъ, Зенонъ) отрицали напр., всякое движеніе, измѣненіе и разнообразіе въ существующемъ,—все, что свидѣтельствуютъ намъ чувства, и полные исключительнаго довѣрія къ однимъ показаніямъ чистаго мышленія—принимали за истину одну только отвлеченную идею *чистаго бытія*. Отрѣшавшись отъ всего матеріальнаго и возносясь рѣшительно надъ всѣми данными непосредственнаго опыта, элеатскіе мыслители принимаютъ за основу своего воззрѣнія на бытіе эту самую отрѣшенность, это полное отрицаніе всѣхъ пространственныхъ и

временныхъ отношеній и твердо держатся одной мысли, что „только бытіе есть, а не бытія, т. е. измѣненія, нѣтъ,“ что „бытіе и мысль одно и тоже“, принимая, въ этомъ случаѣ, единство бытія не за собирательное только единство всего существующаго, но за одно чистое *помятіе бытія*.

Въ появленіи этой философіи, безъ сомнѣнія, нужно видѣть тотъ фактъ, что пробудившійся философствующій умъ человека, стремясь изъяснить существующее и, какъ бы обрадованный первымъ проблескомъ своей самодѣтельной мысли, приходитъ къ слишкомъ уже преувеличенному представленію объ ея могуществѣ, признавши, что исключительно только ею одною онъ можетъ опредѣлить природу вещей, что изъ нея одной онъ можетъ развить законы дѣйствительности; но, отрѣшившись совсѣмъ отъ данныхъ опыта, онъ естественно долженъ былъ впасть въ большую односторонность.

Но самымъ важнымъ явленіемъ въ исторіи греческой философіи разсматриваемаго періода былъ Анаксагоръ. Его ученіе составляетъ какъ-бы завершеніе всего философскаго движенія этого времени. Ученіе Анаксагора, соединивъ въ себѣ многое изъ того, что свойственно было другимъ философскимъ воззрѣніямъ архаической эпохи, въ тоже время существенно возвышается надъ всѣми ими—тѣмъ, что въ немъ философствующая мысль впервые доходитъ до понятія творящей и образовательной силы вѣчнаго разума, какъ верховнаго начала всего существующаго. Все существующее, по ученію Анаксагора, состоитъ изъ безконечнаго множества разнообразныхъ стихійныхъ веществъ, простыхъ, безконечно малыхъ и первоначально находившихся въ хаотическомъ смѣшеніи (оміомерій). Гармоническое сочетаніе далъ имъ разумъ. „Разумъ безконеченъ и самосущъ“; онъ обладаетъ движущей силой и познаніемъ. „Все создаетъ разумъ,—что должно бы быть и что было, что существуетъ теперь и что будетъ—все это опредѣлено разумомъ“. До этой идеи вѣчнаго разума Анаксагоръ дошелъ потому, что въ виду гармоніи и цѣлесообразности, наблюдаемыхъ въ явленіяхъ міра, созналъ необходимость признать такую первую движущую силу, которой бы вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежала и цѣлесообразная дѣятельность.

Итакъ, вотъ въ общемъ все то, что представляетъ намъ развитіе философской мысли въ архаическую эпоху; мышленіе начинается съ вещественнаго, чисто эмпирическаго опредѣленія причины и основнаго начала сущаго, и постепенно, послѣдовательно доходитъ въ ученіи Анаксагора до понятія разума, какъ верховнаго начала міра. Обратившись къ разумному изъясненію всего существующаго, философское мышленіе стремится дойти до этого посредствомъ сведенія всего къ единству общаго закона и высшей причины и, испробовавъ въ этомъ случаѣ самыя разнообразныя пути, становится, наконецъ, на тотъ путь, который приводитъ его къ признанію за послѣднее основаніе сущаго—разумнаго начала. Это было послѣднею и высшею истинною, до которой самый естественный и послѣдовательный ходъ развитія привелъ мышленіе въ рассматриваемую эпоху.

Очень многими въ наше время высказывается, что философія есть дѣло только празднаго ума, которому извѣстныя умы отдавались и могутъ отдаваться по какой-то непонятной, случайной прихоти. Эти представленные нами только самыя первые шаги греческой философіи съ рѣшительностью отвергаютъ такое воззрѣніе; они показываютъ, что философія есть живое явленіе человѣческаго бытія, которое съ необходимостью вытекаетъ изъ самой природы человѣческаго разума на извѣстной ступени его развитія.

Разъ проявившись, философское мышленіе не замыкается кругомъ дѣятельности только какой-нибудь одной извѣстной группы людей, но оно увлекаетъ многіе и самыя разнообразныя по своему складу умы, съ строгою постепенностію дѣлаетъ одинъ шагъ за другимъ и создаетъ цѣлую исторію развитія; оно направляется къ рѣшенію разъ постановленныхъ вопросовъ и задачъ съ такою послѣдовательностію и въ тоже время съ такою настойчивостію, которыя были бы совсѣмъ непонятны, если бы философія вытекала только изъ одной прихоти ума, и которыя становятся совершенно понятными только въ томъ случаѣ, когда мы признаемъ ее за необходимое выраженіе самой реальнѣйшей потребности человѣческаго духа. Никогда вообще нельзя лучше опредѣлить силу той или другой потребности человѣческой природы, какъ въ томъ случаѣ, когда она

получаетъ свое первое удовлетвореніе; такъ и относительно философіи—никакой другой періодъ изъ исторіи ея, можно сказать, не даетъ намъ такихъ ясныхъ доказательствъ всей силы потребности въ ней, присущей человѣческому разуму, какъ самая первая эпоха проявленія философскаго мышленія. Всѣ свѣдѣнія, къ сожалѣнію очень отрывочныя и немногочисленныя, дошедшія до насъ отъ этого времени, свидѣтельствуютъ о томъ великомъ обаяніи мысли, какое наполняло и оживляло всю эту эпоху, увлекало многихъ и возбуждало то чувство энтузіазма, которое заставляло ставить вопросы знанія выше всѣхъ вопросовъ жизни. Никогда, кажется, жажда умственной жизни и дѣятельности, вытекавшая изъ безкорыстной любви къ истинѣ, не заявляла себя такъ сильно, какъ въ эту эпоху перваго пробужденія философскаго сознанія. Разумная мысль всегда вообще имѣетъ какое-то обаяніе, но въ большей степени она производитъ это обаяніе безъ сомнѣнія тогда, когда является дѣломъ собственнаго творчества. Большая разница — уразумѣть собственную мысль и заимствованную; уразумѣть первую значитъ быть творцемъ ея; въ этомъ заключается болѣе *прямой* интересъ знанія. Этого-то непосредственнаго интереса знанія, этого стремленія къ мудрости ради самой мудрости—и были полны всѣ мыслители разсматриваемой эпохи. И это сообщаетъ всей этой эпохѣ какое-то симпатическое величіе.

Обаяніе первой пробудившейся самодѣятельной мысли рождаетъ любознательность. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, эта любознательность могла быть удовлетворена только непосредственнымъ изученіемъ природы и человѣческой жизни. Пробудившаяся страсть любознательности почти всѣхъ мыслителей древности, въ ту или другую пору ихъ жизни, манитъ въ далекія странствованія, заставляетъ ихъ переходить съ мѣста на мѣсто и всюду и во всемъ искать разрѣшенія занимавшихъ ихъ думъ. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ покидаютъ свою родину и ищутъ себѣ второй родины тамъ, гдѣ бы ихъ жажда умственной жизни могла найти лучшее удовлетвореніе. Ксенофанъ Колофонскій 67 лѣтъ странствуетъ по разнымъ мѣстамъ Эллады и другимъ землямъ, одинокій и отовсюду убѣгающій, потому что нигдѣ не находилъ сочувствія своимъ думамъ. Когда

Анаксагора, уже въ зрѣлыхъ годахъ своей жизни покинувшаго свой родной городъ Клазомены и переселившагося въ Аѳины, упрекали въ равнодушїи къ родинѣ, онъ указывалъ на небо и говорилъ: „Богъ съ вами, напротивъ я только и думаю объ пей“, выражая этимъ, что мысль и знаніе считалъ онъ самымъ высшимъ благомъ и съ ними вездѣ находилъ себѣ родину. Что умственное влеченіе для древнихъ мыслителей было цѣннѣе и сильнѣе всего, это особенно ясно доказывается тѣмъ, что многие изъ нихъ свободу и уединеніе мыслителя предпочитали всѣмъ выгодамъ обладанія богатствомъ и всѣмъ почестямъ общественной дѣятельности. Парменидъ еще въ юныхъ лѣтахъ, не смотря на блескъ и богатство своего рода, отказался отъ всякой общественной дѣятельности и безгранично отдался науцѣ. Анаксагоръ также ради науки бросилъ свое богатство, пренебрегъ всѣми преимуществами политическаго дѣятеля, и, когда въ послѣдствїи изъ богатаго человѣка сталъ нищимъ, онъ будто-бы высказывалъ: „я обязанъ философіи моимъ матеріальнымъ разореніемъ и счастіемъ моей души“. Гераклиту, какъ передаютъ, въ его родномъ городѣ Ефесѣ предлагали высшую должность, но онъ отказался отъ нея и, какъ сообщаетъ преданіе, часто уходилъ въ горы и жилъ тамъ, какъ аскетъ, предаваясь своимъ любимымъ размышленїямъ. О Демокритѣ рассказываютъ, что онъ изъ своего родоваго имущества взялъ самую меньшую долю и всю ее употребилъ на путешествїя, такъ что послѣднее время своей жизни провелъ въ бѣдности. Но весь преданный интересу философіи, онъ нимало не тяготился этою бѣдностію: „всего царства Персидскаго, говорилъ онъ, не взялъ бы я за одно прїобрѣтеніе науки“, и эта преданность его философіи, какъ и у Гераклита, доходила у него также до нѣкотораго аскетизма.

Естественно, что эти величавыя личности древнѣйшихъ мыслителей должны были оставить по себѣ великое впечатлѣніе въ греческомъ мірѣ; и немудрено, поэтому, что древнія преданїя о нихъ такъ изукрашены различными чудесными легендами, что очень трудно отличить въ нихъ истину отъ вымысла; чудесныя легенды слагаются всегда только о великихъ людяхъ. Обаяніе многихъ изъ древнихъ мудрецовъ было такъ ве-

лико, что имъ приписывали сверхъ-естественную силу и сверхъ-человѣческую мудрость. О Пифагорѣ, напр., преданіе высказывается, что это былъ демоническій мужъ, существо совершенно особенное, *не богъ, не человекъ, но Пифагоръ*. О Парменидѣ Платонъ, или лучше сказать—Сократъ у Платона высказывается, какъ о человѣкѣ *почтенномъ и вмѣстѣ странномъ*. „Я, говоритъ Сократъ, будучи юношею, знался съ нимъ уже старцемъ, и мнѣ казалась въ немъ глубина какая-то чудесная“. Вообще древніе съ великимъ уваженіемъ и почтеніемъ относились къ первымъ разыскателямъ истины, считая ихъ за людей, великій духъ которыхъ „поднимался по небесной стезѣ истины“, какъ говоритъ надгильная надпись объ Анаксагорѣ.

Итакъ, исканіе истины, составляющее задачу философіи, многими принимаемое въ наше время за какой-то странный и непонятный призракъ, уже на первыхъ страницахъ человѣческой исторіи, представляется нашему взору, какъ самый жизненный и имѣющій глубокое значеніе фактъ. Фактъ этотъ остается и будетъ оставаться простымъ призракомъ только для той близорукости ума, при которой человѣкъ какъ будто и не подозреваетъ, что между всѣми интересами, наполняющими содержаніемъ человѣческую жизнь, одними изъ самыхъ высшихъ являются всегда—теоретическіе интересы ума, которые (своимъ могуществомъ) могутъ всецѣло покорить себѣ человѣка, наполнить всю его жизнь и сообщить ей высокой смыслъ и содержаніе. Смыслъ жизни, которая посвящается этимъ возвышеннымъ интересамъ, которая вся обращается на служеніе высокому идеалу истины, для поверхностнаго представленія всегда будетъ оставаться непонятнымъ. Раскрытая предъ нами самая первая страница изъ цѣлой многовѣковой исторіи философіи представляетъ высокіе образцы этого безраздѣльнаго и безкорыстнаго служенія истинѣ; этими образцами стоило бы назидаться многимъ людямъ нашего времени, которые всю цѣль знанія, всю цѣну науки обыкновенно полагаютъ только въ той пользѣ, которую изъ нихъ можно извлечь, для которыхъ знаніе и научная дѣятельность получаютъ значеніе только тогда, когда изъ этого, какъ изъ капитала, можно сдѣлать какое ни-

будь выгодное обращеніе. Многіе какъ будто опускаютъ изъ виду то, что цѣль знанія есть *истина*, стремленіе къ которой есть одно изъ самыхъ могущественныхъ стремленій человѣческаго духа, и что обладаніе истиной, насколько оно даетъ силу убѣжденія, само по себѣ есть высшее и самое цѣнное благо жизни. О приобрѣтеніи тѣхъ или другихъ убѣжденій безъ сомнѣнія всѣ заботятся и въ наше время, но къ собственному мышленію обращаются въ этомъ случаѣ рѣдко; въ большинствѣ случаевъ—убѣжденія приобрѣтаются прямо готовыми изъ книгъ и слагаются подъ вліяніемъ господствующихъ въ данную минуту авторитетовъ. Оттого-то многіе и не понимаютъ теперь значенія философіи, что не знаютъ, что значитъ жить собственнымъ разумомъ....

Н. Страховъ.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И .

ПИСЬМО III *).

ДОЛЖНО ВОСПИТЫВАТЬ ВЪ СЕБѢ ТВЕРДЫЙ ХАРАКТЕРЪ. ПРИ СТРЕМЛЕНИИ КЪ МУДРОСТИ БѢДНОСТЬ НЕ ДОЛЖНА НАСЪ СТРАШИТЬ.

Я радъ, если ты здоровъ и чувствуешь себя въ состояніи отрѣшиться отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній **). Миѣ будетъ честь, если я разрѣшу твое сомнѣніе, въ которомъ ты находишься безъ надежды на выходъ. Но объ одномъ прошу тебя, мой Луцилій, и въ одномъ убѣждаю тебя, чтобы любовь къ мудрости проникла въ глубину твоего сердца и чтобы ты мѣрою твоего движенія впередъ признавалъ не искусство говорить и писать, а то, насколько окрѣпла твоя воля и насколько уменьшились у тебя пожеланія. Слова доказывай на дѣлѣ. Иная задача риторь, гоняющихся за одобреніемъ окружающихъ ихъ слушателей, и иная задача тѣхъ, которые приковываютъ слухъ молодыхъ и досужихъ людей различными пустыми спорами ***). Философія учитъ дѣлать, а не говорить; она требуетъ, чтобы каждый жилъ согласно съ ея закономъ, чтобы жизнь не разногласила съ словами и всѣ поступки окрашены были, *такъ сказать*, одною краскою. Это самая высокая задача и самый существенный признакъ мудрости, чтобы дѣла согласовались съ словами и *человѣкъ* повсюду былъ-бы одинаковъ. Кто-же это

*) Epist. XX.

***) Въ буквальномъ переводѣ это мѣсто читается такъ: „если ты считаешь себя достойнымъ, чтобы сдѣлаться когда-либо господивомъ надъ самимъ собою“.

***) Софисты.

исполнить? Немногіе, но все-таки нѣкоторые. Это трудно, — и я не утверждаю, что мудрецъ всегда идетъ равномернымъ шагомъ, но *говорю, что онъ идетъ всегда одною дорогою.* Итакъ, внимательно смотри за тѣмъ, не противорѣчитъ-ли твоя одежда съ домашнею твоею обстановкою, не щедръ-ли ты въ отношеніи къ себѣ, а въ отношеніи къ домашнимъ своимъ скупъ, не скупись-ли ты въ расходахъ на пищу, а на роскошныя постройки *не жалтись денегъ.* Прими себѣ однажды *навсегда* одно какое-либо правило и по немъ располагай всю свою жизнь и имъ руководствуйся. Нѣкоторые дома ограничиваютъ себя, а внѣ дома проявляютъ роскошь и пышность. Такое различіе — порокъ и служитъ признакомъ неустойчиваго и еще неспособнаго идти непрерывно однимъ путемъ духа. Скажу теперь еще, откуда происходитъ это непостоянство и это несогласіе въ поступкахъ и намѣреніяхъ. Никто не предназначаетъ себѣ напередъ, чего онъ желаетъ, а если и предназначалъ, то не стоитъ твердо на этомъ, а перескакиваетъ съ одного желанія на другое, и не измѣняетъ только своего рѣшенія, но снова возвращается къ прежнему и снова останавливается на томъ, что отвергъ и осудилъ. Поэтому, оставляя въ сторонѣ древнія опредѣленія мудрости и сводя къ одному всѣ правила человѣческой жизни, я ограничусь слѣдующимъ: что такое мудрость? *Мудрость* состоитъ въ томъ, чтобы всегда одного и того же желать и всегда одно и то же отвергать. Нѣтъ нужды прибавлять ограниченіе, что желаніе должно быть честное, потому что никому не можетъ всегда одно и то же нравиться, если оно не честно. Итакъ, люди не знаютъ, чего хотятъ, развѣ только въ тотъ моментъ, когда хотятъ; ни у кого на всю жизнь не опредѣлено ни того, чего онъ хочетъ, ни того, къ чему онъ нерасположенъ. Каждый день измѣняются рѣшенія и превращаются въ совершенно противоположныя, и у большинства проходитъ жизнь, какъ забава. Твердо держись за то, съ чего ты началъ: можетъ быть ты достигнешь самой высшей степени совершенства или того, что одинъ ты будешь понимать, что еще не самая высшая ступень *та, которую другіе считали уже высшею.*

Ты спросишь: что-же будетъ съ толпою слугъ? Толпа эта,

какъ скоро прекратится выдача отъ тебя пропитанія, будетъ пропитывать сама себя, или, чего ты не могъ узнать, благодарѣтельствуя ей, узнаешь, благодаря бѣдности. Эта послѣдняя удержитъ при тебѣ вѣрныхъ и преданныхъ друзей, а тотъ, кто былъ привязанъ не къ тебѣ, а къ чему-то другому, уйдетъ отъ тебя. Ужъ не ради-ли одного этого нужно любить бѣдность, что она обнаружитъ, кто тебя любитъ? О, когда настанетъ тотъ день, въ который никто больше не будетъ лгать въ угоду тебѣ (лстить)! И такъ, къ тому должно направлять всѣ свои мысли, о томъ заботиться и того желать, чтобы быть довольнымъ самимъ собою и рождающимися изъ тебя самого благами. Какое можетъ быть еще счастье, которое болѣе приближало-бы насъ къ Богу? Стань, ограничивая себя, на такую ступень, откуда-бы ты не могъ пасть, а чтобы ты охотнѣе это сдѣлалъ, тебя будетъ побуждать подарокъ, который я сейчасъ приложу къ этому письму. Ты позавидуешь мнѣ: вѣдь и теперь еще Эпикуръ съ охотою рассчитывается за меня. „Рѣчь твоя, вѣрь мнѣ, — говоритъ онъ, — будетъ казаться величественнѣе, когда ты будешь вести ее съ бѣднаго ложа и одѣтый въ рубище, — потому что тогда будутъ не слова только говорить, но будетъ представлено и доказательство къ нимъ“. Я по крайней мѣрѣ другими ушами слушаю нашего Деметрія *), когда вижу его только въ туникѣ и на самомъ простомъ ложѣ. Онъ является тогда не только учителемъ истины, но свидѣтелемъ ея. Итакъ, можно презирать богатства, которыми мы владѣемъ? А почему-же нѣтъ? Великою силою духа обладаетъ тотъ, кто, смотря на окружающее его богатство, смѣется надъ тѣмъ, что оно приходитъ къ нему, и больше отъ другихъ слышитъ, что оно принадлежитъ ему, чѣмъ самъ сознаетъ это. Многу значитъ не развратиться отъ сожительства съ богатствомъ; великъ тотъ, кто въ богатствѣ бѣденъ, но безопаснѣе не имѣть богатства. „Я не знаю, скажешь ты, какъ перенесетъ бѣдность тотъ, кто упадетъ въ нее“. И я не знаю, отнесется-ли съ презрѣніемъ къ богатству, если получить его бѣдный послѣдователь Эпикура. Поэтому въ томъ и въ другомъ случаѣ нужно обращать вниманіе на внутреннее расположеніе и смотрѣть на

*) Знаменитый современникъ Сенеки и жившій въ Римѣ циникъ.

то, расположенъ-ли первый къ бѣдности, или не расположенъ-ли послѣдній къ богатству. Иначе бѣдное ложе и рубище будутъ слабыми доказательствами доброй воли, если не видно, что ихъ употребляютъ не изъ нужды, а по свободному выбору. Впрочемъ, признакъ высокаго природнаго дара—не стремиться къ этому, какъ къ лучшему, а приучать себя, какъ къ болѣе легкому. И это легко, мой Луцилій, а если приступаютъ къ этому послѣ долгихъ размышленій,—и пріятно. Поэтому я считаю необходимымъ, какъ я писалъ тебѣ, дѣлать то, что нѣкоторые великіе люди дѣлали: они назначали опредѣленные дни, въ теченіи которыхъ они налагали на себя добровольно лишенія и тѣмъ приготавливали себя къ дѣйствительной бѣдности; и это тѣмъ болѣе нужно дѣлать, что мы изнѣжились въ удовольствіяхъ и считаемъ это тяжелымъ и труднымъ. По преимуществу нужно духъ пробуждать отъ сна, ободрять его и убѣждать въ томъ, что природа опредѣлила для насъ весьма немногое. Никто не рождается богачемъ; каждый, рождаясь на свѣтъ, довольствуется молокомъ и простымъ покрываломъ,—и послѣ такого-то начала намъ часто даже царства бывають тѣсны.

ПИСЬМО IV.

ДОЛЖНО ТВЕРДО СТОЯТЬ НА ПУТИ КЪ МУДРОСТИ; ОТЪ НЕЯ ЗАВИСИТЪ БЛАГОПОЛУЧІЕ, СЧАСТІЕ И СВОБОДА *).

То, что ты обѣщаль сдѣлаться нравственно добрымъ человекомъ и даже поручился въ этомъ, обязываетъ тебя къ тому, чтобы ты пріобрѣталъ добрый навыкъ. Надъ тобой посмѣялись бы, если бы сказали, что это легкая и пріятная служба: я не хочу оставлять тебя въ заблужденіи. Это честное поручительство на словахъ нисколько не отличается отъ безчестнаго обязательства тѣхъ людей, которые напимаются для зрѣлищъ и которые ѣдятъ и пьютъ, чтобы вскорѣ потомъ заплатить за это собственной кровью. Тѣхъ заставляютъ поклясться, что хотя и противъ воли они претерпятъ всѣ мученія и даже смерть; отъ тебя требуется, чтобы ты терпѣлъ все добровольно и охотно. Тѣмъ позволяется бросить оружіе и просить пощады у на-

*) Ер. 37.

рода; ты же не будешь склонять колѣни и вымаливать жизнь; ты долженъ умереть стоя, непобѣжденнымъ. Что пользы въ томъ, что ты выиграешь нѣсколько лишнихъ дней или годовъ? Вѣдь мы являемся въ міръ для борьбы безъ надежды на получение снисхожденія. Какъ же мнѣ выйти изъ затруднительнаго положенія? спросишь ты. Ты не можешь избѣжать того, что неизбежно; но ты можешь стать выше его. Нужно только отыскать себѣ путь, и этотъ путь укажетъ тебѣ философія. Обратись къ ней, если хочешь жить благополучно, спокойно, счастливо, и главное—независимо; достигнуть этого иначе нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, неразумность презрѣнна, отвратительна, позорна; она дѣлаетъ человѣка рабомъ и подчиняетъ его многочисленнымъ страстямъ, самымъ пагубнымъ. Мудрость, въ которой и заключается истинная свобода, освободитъ тебя отъ этихъ тяжелыхъ господъ, которые иногда господствуютъ *въ душѣ* то порознь, то всѣ вмѣстѣ. Одинъ путь къ истинной свободѣ, и онъ прямъ; заблудиться нельзя; иди же твердо и увѣренно.

Если хочешь, чтобы все тебѣ покорялось, подчини себя прежде разуму. Многими будешь управлять, если тобою будетъ управлять разумъ. Онъ научитъ, что предпринимать и какъ поступать: ты не будешь подчиняться обстоятельствамъ. Не найдешь никого, кто зналъ бы, какъ онъ началъ желать того, чего желаетъ: не вслѣдствіе зрѣлаго размышленія онъ пришелъ къ этому, но вслѣдствіе нѣкотораго внутренняго неяснаго влеченія. Счастье такъ же часто приходитъ къ намъ *само*, какъ и мы наталкиваемся на него. Но позорно позволить себя влечь, а не самому идти, позорно, неожиданно очутившись въ водоворотѣ случайностей, съ изумленіемъ спрашивать себя: какъ это я попалъ сюда?

ПИСЬМО V.

ДОЛЖНО БЫТЬ СДЕРЖАННЫМЪ ВЪ СВОИХЪ РѢЧАХЪ *).

За то, что часто пишешь, благодарю, ибо, сколько это возможно для писемъ, ты раскрываешь въ нихъ свою душу. При полученіи каждаго письма я чувствую тотчасъ, что мы нахо-

*) Ер. 40.

димся вмѣстѣ. Если портреты отсутствующихъ друзей намъ дороги, потому что возобновляютъ память о нихъ и вѣкторымъ обманчивымъ утѣшеніемъ облегчаютъ тоску, причиненную ихъ отсутствіемъ; то насколько пріятнѣе для насъ письма, которыя представляютъ намъ истинныя черты и дѣйствительные слѣды отсутствующаго друга. Ибо все, что намъ пріятно узнать въ личной бесѣдѣ съ нимъ,—все это его рука впечатлѣваетъ на бумагѣ.

Ты слышалъ—чинешь ты—философа Сераціона *) послѣ его прибытія туда, гдѣ ты живешь. Онъ обыкновенно говорилъ съ такою поспѣшностію, что языкъ не успѣвалъ выговаривать слова вполнѣ, но на половину скрадывалъ ихъ и перепутывалъ; ибо словъ у него набиралось всегда больше, чѣмъ сколько въ состояніи былъ произнести языкъ. Я не одобряю этого пріема въ философѣ, у котораго выговоръ долженъ быть столь же спокоенъ, какъ и сама жизнь; тамъ нѣтъ порядка и мѣры, гдѣ быстростремительность и поспѣшность. Такая горячая рѣчь, падающая безъ перерыва, какъ снѣгъ у Гомера, приписывается оратору **); рѣчь же старика льется плавно и слаще меда. Итакъ вѣрь, что бурное и обильное краснорѣчіе приличнѣе тому, кто хочетъ плѣнить слушателей, чѣмъ человѣку, обсуждающему важный предметъ и научающему другихъ. На мой взглядъ, рѣчь не должна ни литься медленно, капля-го-каплѣ, ни быть торопливой; она не должна ни слишкомъ напрягать слухъ ожиданіемъ одного слова за другимъ, ни обременять излишествомъ ихъ. Правда, бѣдность и сухость рѣчи дѣлаетъ слушателя менѣе внимательнымъ и утомляетъ его медленностію и перерывами; однако то, чего мы ждемъ, легче укореняется, чѣмъ то, что быстро пролетаетъ мимо. Говорятъ, что люди даютъ своимъ ученикамъ наставленія; но то, что ускользнуло, все равно, что не сообщено. Имѣй въ виду и то, что рѣчь, направляющаяся къ отысканію истины, должна быть проста и безъ всякихъ украшеній. Обыкновенно назначенная для толпы, рѣчь не имѣетъ нисколько истины: цѣль ея произвести впечатлѣніе и увлечь неразумительныхъ

*) Стоикъ изъ Гіераполя.

***) Разумѣется Улиссъ, которому, по словамъ Гомера, дана была рѣчь, подобная змѣному снѣгу, подъ чѣмъ Сенека разумѣетъ обиліе рѣчи.

слушателей; она не подвергается обсужденію и ускользаетъ тотчасъ же послѣ произнесенія. Какъ такая рѣчь можетъ сдерживать другихъ людей, когда въ ней самой не находится сдержанности? Не должна ли рѣчь, назначенная для у врачеванія души, глубоко западать въ насъ? вѣдь лекарства не приносятъ пользы, если дѣйствіе ихъ не продолжится нѣкоторое время. А въ рѣчахъ этого рода всегда много виѣшняго пустаго блеска, онѣ болѣе производятъ шума, чѣмъ пользы.

Я долженъ ослаблять дѣйствіе того, что меня устрашаетъ, умиротворяетъ, что меня волнуетъ, разбавляетъ, что меня вводитъ въ заблужденіе; мнѣ надлежитъ отучаться отъ изнѣженности и сдерживать корыстолюбіе. Возможно-ли все это исправить вдругъ? Какой врачъ лечитъ больныхъ мимоходомъ? Вѣдь этотъ шумъ словъ, выбрасываемыхъ беспорядочно, безъ выбора, не ласкаетъ даже и слуха. Какъ на вещи, которыя мы считаемъ невозможными, достаточно посмотрѣть однажды, такъ точно довольно одинъ разъ послушать этихъ ораторовъ. Чему можно научиться у нихъ или чему подражать, даже что можно подумывать объ умѣ этихъ людей, рѣчь которыхъ такъ беспорядочна, стремительна и не можетъ быть сдержана? Какъ бѣгущіе по покатости не могутъ остановиться и летятъ дальше, чѣмъ хотятъ, отъ тяжести тѣла; такъ и рѣчь такихъ людей не останавливается во время. Такая рѣчь недостаточно прилична для философа, который долженъ подбирать надлежащимъ образомъ слова, а не бросать ихъ на-вѣтеръ, и идти размѣреннымъ шагомъ. Что-же? философіи недозволительно никакое возбужденіе? Почему-же нѣтъ? только-бы она сохраняла свое достоинство, котораго лишаетъ ее это излишество словъ и запальчивость рѣчи. Я желаю, чтобы слово имѣло силу, лишь-бы въ мѣру; пусть оно будетъ равномерно текущимъ, а не стремительнымъ горнымъ потокомъ.

Едва-ли можно дозволить оратору такую быстроту, запальчивость и беспорядочность рѣчи; ибо судья, особенно самъ не опытный и не упражнявшійся въ краснорѣчьи, какъ можетъ слѣдить за такимъ ораторомъ, тѣмъ болѣе, когда ораторъ, или увлекаясь тщеславіемъ или подъ вліяніемъ спльнаго возбужденія, такъ спѣшитъ и столько набрасываетъ словъ, сколько могутъ вмѣстить только уши.

Итакъ ты правильно будешь поступать, если не будешь обращать вниманіе на людей, которые заботятся о томъ, чтобы говорить много, а не о томъ, чтобы говорить хорошо; и когда потребуется, больше пожелаешь говорить по образцу П. Виниція *). Однажды, когда рѣчь зашла о томъ, какъ онъ говорить, нѣкто Азеллій **) отвѣчалъ: „съ разстаповкой“. Ибо Геминій Варъ замѣтилъ передъ этимъ: „я не знаю, почему этого человѣка считаютъ краснорѣчивымъ, онъ не можетъ трехъ словъ связать“. Почему ты не хотѣлъ-бы говорить такъ, какъ Виницій? Можетъ быть, найдется такой глупецъ, который, слыша его, подбирающаго одно слово за другимъ, какъ-бы диктующаго, а не говорящаго, скажетъ: „говори, или никогда не говори“. Я хочу, чтобы здравый человѣкъ не имѣлъ такой торопливости въ рѣчи, какая замѣчалась у Гатерія ***), знаменитѣйшаго оратора своего времени. Онъ ни надъ чѣмъ не задумывался, никогда не отдыхалъ, такъ что его рѣчь отъ начала до конца была непрерывною питью.

Я признаю однако, что нѣкоторыя особенности въ характерѣ рѣчи находятся въ зависимости отъ свойствъ племени. Между греками можетъ быть терпима такая вольность; мы же, даже когда пишемъ, ставимъ точки между словами, и нашъ Цицеронъ, отъ котораго римское краснорѣчіе ведетъ свое начало, въ своихъ рѣчахъ былъ человѣкъ степенный. Римляне говорятъ болѣе осмотрительно, съ разборчивостью и заставляютъ цѣнить свою рѣчь. Фабіанъ, извѣстный своею честностію, ученостію и (что я ставлю ниже) краснорѣчіемъ, говорилъ болѣе развязно, чѣмъ торопливо, такъ что можно сказать, что это была скорѣе легкость бесѣды, чѣмъ быстрота. Такую рѣчь я допускаю для мудреца; не требую, чтобы она текла неприужденно; однако болѣе придаю цѣны хорошему произношенію, чѣмъ легкости рѣчи.

Виная тебѣ отвращеніе къ этому недостатку, я это дѣлаю потому, что онъ ведетъ къ потерѣ совѣстливости. Нужно быть

*) Ораторъ времени Августа.

**) Другой ораторъ того-же времени.

***) Гатерій, ораторъ времени Августа, особенно прославился чрезмѣрною быстротою и легкостію своей рѣчи.

безразсуднымъ и не желать слушать самого себя, чтобы неосторожно и поспѣшно высказывать многое, что послѣ захочешь воротить назадъ. Это такой недостатокъ—повторяю, — съ которымъ нельзя совмѣстить совѣстливость. | Даже если у тебя слова сами льются съ языка, нужно ставить имъ границы; ибо мудрому прилична какъ скромная поступь, такъ и рѣчь сдержанная, не опрометчивая. Выводъ изъ сказаннаго будетъ такой: будь степененъ въ своихъ рѣчахъ.

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that this is crucial for ensuring transparency and accountability in the organization's operations.

2. The second part outlines the various methods and tools used to collect and analyze data. This includes the use of surveys, interviews, and data mining techniques to gather insights into the organization's performance and the needs of its stakeholders.

3. The third part focuses on the analysis and interpretation of the collected data. It describes how statistical methods and data visualization tools are used to identify trends, patterns, and key areas for improvement.

4. The final part of the document discusses the application of the findings to inform decision-making and strategic planning. It highlights the importance of using data-driven insights to make informed choices that drive the organization's success.

•

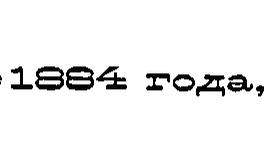
•

•

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Января № 2. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Отъ Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Правленія Ахтырскаго духовнаго училища. — Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

19 января, согласно представленію епархіальнаго начальства, св. Синодомъ разрѣшено выдѣлить Іоанно-Предтеченскую церковь, слоб. Ивановки, Изюмскаго уѣзда, изъ состава Левковскаго прихода, того-же уѣзда, и образовать при ней самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ настоятеля и псаломщика.

Согласно представленію Харьковскаго епархіальнаго начальства, Св. Синодъ опредѣлилъ: выдѣлить изъ состава Введенскаго прихода, Зміевскаго уѣзда, Покровскую въ селѣ Ново-Покровскомъ церковь и образовать при ней самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ настоятеля и псаломщика (указъ св. Синода отъ 9 января 1884 года за № 98), и изъ состава Боровскаго прихода, Зміевскаго уѣзда, выдѣлить Рождество-Богородичную церковь села Константиновки и образовать при ней также самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ настоятеля и псаломщика (указъ св. Синода отъ 12 января 1884 года за № 164).

Отъ Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи.

Въ теченіи декабря минувшаго 1883 года, въ комитетъ постушили пожертвованія, съ 5-ти - лѣтнимъ взносомъ, отъ слѣдующихъ лицъ: подполковника В. Н. Скоритовскаго по 100 р., штаб.-капит. И. Т. Голенищева-Кутузова 25 р., крестьянина П. С. Скрыпкина

5 р., крест. Θ . Близнюковой 3 р. и унт.-оф. С. Ф. Филиппова 3 р. и одновременныя: отъ священника I. Смирнскаго 10 р., коллеж. сов. В. П. Кривошеева 100 р., землевлад. Волчанскаго уѣзда Е. В. Задонской 100 р., П. И. Гуковой 100 р., землевлад. К. Θ . Катериничъ 200 р., дѣйстви. ст. сов. И. М. Степурскаго 50 р., Е. С. Кротковой 50 р., подполков. Н. А. Македонскаго 25 р., Д. И. Плетнева 25 р., землевлад. Л. А. Рѣзановой 10 р., Θ . И. Балясной 6 р., купца Г. А. Попова 25 р., собранныя купцомъ Я. А. Заряниновымъ 18 р., куп. В. И. Александрова 3 р., А. Титаренка 10 р., М. Шинкаренка 10 р., ун.-оф. С. Ф. Филиппова 5 р., ун.-оф. И. Штанько 5 р., мѣщ. М. Н. Трифоновой 5 р., крест. М. Д. Попонина 25 р., крест. П. И. Худолѣя 3 р., крестьянъ: Колядовскаго прихода Старобѣльскаго уѣзда 26 р., крест. И. Яценка 10 р., кр. С. Ткаченка 2 руб., Евдокіи и Николая Баевыхъ 2 руб., кр. Θ . Близнюковой 5 р., крестьянъ сл. Верхней Сыроватки: вол. старш. Н. И. Литюги 10 р., И. С. Скрыпкина 5 р., М. Г. Малюка 3 р., М. Д. Малюковой 3 р., В. Ф. Руденка 2 р., Н. В. Пушкарева 3 р., Г. П. Гриценка 3 р. и отстав. солд. М. Власенкова 2 р.; отъ крест. Никольскаго прихода Старобѣльскаго уѣзда: Павла, Афанасія и Андрея Назаренковыхъ и Петра Олейникова 25 р. и того-же прихода кр. С. Радченка и А. Ковалевой 8 р., крест. Тимоновскаго прихода того-же уѣзда К. Θ . Вороны, Н. М. Супруна, С. С. Уткина и И. И. Кочина 20 р., кр. С. Ещенко 25 р., кр. М. Сѣраго 5 р., прихожанъ сл. Бригадировки Зміевскаго уѣзда 10 р., кр. А. Мокрой 1 р. и процентовъ по облигаціямъ принадлежащихъ Комитету 38 р. 50 к. Всего-же съ прежде поступившими и заявленными (см. „Епарх. Вѣд.“ за 1883 г.), съ открытія Комитета по 1-е января текущаго года—47,088 р. 41 к.

Епархіальныя извѣщенія.

Дополненіе къ № 1. Въ поясненіи резолюціи преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, послѣдовавшей на рапортъ настоятеля Покровской церкви слоб. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, священника Дмитрія Попова (напеч. въ № 1 журнала „Вѣра и Разумъ“, Епарх. извѣщ. стр. 8), редакція почитаетъ долгомъ сообщить, что этотъ священникъ въ своемъ рапортѣ доносилъ его преосвященству, что приходская Покровская церковь была почти пуста во время богослуженій въ воскресные и праздничные дни. Желая привлечь своихъ прихожанъ къ участию въ богослуженіи,

онъ сталъ читать имъ между утренею и литургіею житія святыхъ. Эти чтенія такъ понравились прихожанамъ, что церковь стала полна молящимися. Этотъ именно фактъ благодѣтельнаго вліянія чтеній житій святыхъ на православныхъ христіанъ преосвященный и приказалъ сообщить редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ для напечатанія, съ цѣлію рекомендовать такія чтенія и другимъ священникамъ Харьковской епархіи.

— Діаконъ Петропавловской церкви слободы Петропавловки, Купянскаго уѣзда, Никита *Слюсаревъ* рукоположенъ 5 января 1884 года во священника къ Николаевской церкви слоб. Сычевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Настоятельское священническое мѣсто при Успенской церкви слободы Лимана, Старобѣльскаго уѣзда, предоставлено студенту семинаріи Василю *Настѣдкиму*, и діакону-псаломщику Харьковской кладбищенской церкви Василю *Полтавцеву* предоставлено священническое мѣсто въ Ницахскомъ приходѣ, Ахтырскаго уѣзда.

— 18 января 1884 года настоятелемъ Короточанскаго Покровскаго прихода Харьковскаго уѣзда опредѣленъ священникъ Іаковъ *Березовскій*.

— Опредѣлены: Настоятель Славянской Воскресенской церкви, священникъ Григорій *Кирилловъ*, на вакантную должность помощника благочиннаго 2 округа Изюмскаго уѣзда; и. д. псаломщика: псаломщиками: — къ Успенской церкви слоб. Двурѣчной, Купянскаго уѣзда, Владиміръ *Войтовъ*; къ Петропавловской слоб. Петропавловки, того-же уѣзда, воспитанникъ семинаріи 4 класса Гавріиль *Якубовичъ*; къ Николаевской слоб. Жихора, Харьковскаго уѣзда, и. д. псаломщика Иванъ *Пономаревъ*; къ Пророко-Ильинскѣй церкви с. Березоваго, сынъ дьячка Лукьянъ *Пономаревъ* и перемѣщенъ діаконъ-псаломщикъ Николаевской церкви слоб. Каменки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Тертиловскій* на псаломщицкое-же мѣсто къ Николаевской церкви слободы Бѣловодска того-же уѣзда.

— Утверждены законоучителями начальныхъ народныхъ училищъ: Алексѣевскаго, Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Георгій *Поповъ*; Старо-Рябиновскаго, Богодуховскаго уѣзда, священникъ села Новой-Рябины, того-же уѣзда, Андрей *Савухинъ*; Артемовскаго, священникъ Николай *Чернивецкій*; Короточанскаго, священникъ Іаковъ *Березовскій*; Брусовскаго, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Покровской церкви слоб. Брусовки, Капитонъ *Баженовъ*; священники: Троицкой церкви слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Никелай *Куртовъ*—законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища и уволенъ отъ должностей законоучителя Смольяниновскаго народнаго

училища, а Рождество - Богородичной церкви слоб. Смольяниновой Андрей *Лядскій*—законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища и уволенъ отъ должности законоучителя Шульгинскаго народнаго училища.

— Разрѣшено употребленіе черной скуфьи при требоисправленіяхъ священникамъ—слоб. Поповки, Купянскаго уѣзда, Іоанну *Юшкову* и помощнику настоятеля Лиманскаго прихода, Изюмскаго уѣзда, Феодору *Бородаеву*.

— Настоятель Левковскаго прихода, Изюмскаго уѣзда, священникъ Благосвященской церкви села Богуславскаго Никандръ *Бушковскій*—умеръ.

— И. д. псаломщика Іанно-Богословской церкви слободы Средняго Бурлучка, Волчанскаго уѣзда, Симеонъ *Подольскій* уволенъ за штатъ.

— Бывшимъ церковнымъ старостамъ церквей Старобѣльскаго уѣзда: Покровской слоб. Лашиновки Аѳанасію *Нечаеву*, Архангельской слоб. Старой Айдаря Михаилу *Ушакову* и Успенской церкви слоб. Литвиновки Старобѣльскаго уѣзда, крестьянину Ивану *Мазковому* разрѣшено пожизненно носить кафтанъ, присвоенный должности церковнаго старосты.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Петропавловской слоб. Петропавловки, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Елисей *Андрейченко*; къ Архангело-Михайловской церкви заштатнаго гор. Краснукутска, Богородицкаго уѣзда, крестьянинъ Евфимій *Раина*; къ Изюмской Крестовоздвиженской церкви, изюмскій 2-й гил. купецъ Симеонъ Димитріевъ *Климанцевъ* и Изюмскаго уѣзда къ Троицкой церкви слоб. Крючковъ крестьянинъ Моисей Емельяновъ *Слабуновъ*; къ церкви Іоанна Милостиваго сл. Рубцовой крестьянинъ Памфилъ Михайловъ *Берленцъ*; къ Софійевской цер. слоб. Стратилатовки крестьянинъ Михаилъ Григорьевъ *Рослинъ*; къ Воскресенской церкви слоб. Гороховатки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Скрылченко*; Старобѣльскаго уѣзда крестьяне: къ Покровской церкви сл. Трехизбянска Василій *Шинкаревъ*, Казанской церкви слоб. Безяиновой Михаилъ *Вербичкій*, Троицкой слоб. Бахмутовки Павелъ *Голубовъ*, Архангельской слоб. Старой Айдаря Тимошей *Скороходцевъ*, Свято-Димитріевской цер. слоб. Свято-Димитріевки Леонгій *Бондаренко*, Рождество-Богородичной, слоб. Шгорековой Матѳей *Коробка*, Покровской ц. слоб. Лашиловки Сысой *Гулескій*, Петропавловской ц. слоб. Петропавловки отставной солдатъ Феодоръ *Мирошниченко*, Николаевской ц. слоб. Новой-Айдаря Андрей *Поймановъ* и Ахтырско - Богородичной ц. Новой-Ахтырки Іаковъ *Шкирманъ*.

Вакантныя мѣста.

Настоятельское въ селѣ Богуславскомъ Изюмскаго уѣзда, при Благовѣщенской церкви. Псаломщицкія: 1) въ гор. Харьковѣ при кладбищенской Усѣкновенской церкви; 2) въ с. Пришибѣ, Зміевского уѣзда и 3) въ Среднемъ Бурлучкѣ Волчанскаго уѣзда.

Отъ Правленія Ахтырскаго Духовнаго Училища.

При Ахтырскомъ духовномъ училищѣ состоитъ вакантная должность эконома съ жалованьемъ 150 руб. въ годъ, при казенной квартирѣ и училищномъ столѣ. Желаящіе занять означенную должность изъ лицъ духовнаго званія или свѣтскаго сословія имѣютъ подать въ Правленіе Ахтырскаго духовнаго училища, въ г. Ахтырку, прошеніе съ приложеніемъ надлежащихъ документовъ не позже 20 февраля сего 1884 года. Отъ эконома училища, кромѣ точнаго соблюденія училищной инструкціи эконому, требуется четкое писмо, знаніе бухгалтеріи и умѣнье составлять годовую экономическую отчетность по училищу.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Назначенія на епископскія каведры.—Высочайшее пожертвованіе.—Высочайшая благодарность.—Полезный урокъ церковнымъ старостамъ.—Заботы духовенства о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своихъ пасомыхъ.—По поводу изданій г. Леухина.—Выдающійся фактъ изъ жизни народной школы.—Распоряженіе попечителя Виленскаго учебнаго округа.—О присягѣ.—Засѣданіе православнаго Палестинскаго общества.—Мысль о сооруженіи въ Петербургѣ часовни Гроба Господня.—Священные сосуды во вновь сооружаемый въ Петербургѣ храмъ Воскресенія Христова.—Обращенія въ православіе.—Братство преп. Пафнутія въ Боровскѣ.—О шгунизмѣ.—По поводу вѣстей изъ Россіи въ заграничныхъ газетахъ.—Государственная роспись на 1884 г. Харьковское общество взаимнаго страхованія.—Объ отношеніи сельскихъ хозяевъ къ рабочимъ и волостнымъ правленіямъ.—Проектъ устройства мастерскихъ при тюрьмахъ и исправительныхъ домахъ.—Частная благотворительностьна дѣло образованія.—Вопросъ объ устройствѣ бесплатныхъ читаленъ для народа.—Проектъ учрежденія особыхъ воинскихъ капиталовъ.—Объ обезпеченіи рабочихъ и ихъ семействъ въ случаѣ смерти и увѣчья.—Замѣчательное самопожертвованіе.—Средства противъ дифтерита, обжога и осы.

— Государь Императоръ, 16-го декабря 1883 года, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о бытіи члену Литовской духовной консисторіи, архимандриту Мемнону—епископомъ елисаветградскимъ, вторымъ викаріемъ Херсонской епархіи съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ С.-Петербургѣ, и настоятелю Переяславскаго Троицкаго-Данилова второ-класснаго монастыря архимандриту Іакову—епископомъ якутскимъ и вилкойскимъ, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ Москвѣ.

— Изъ Петербурга „Рус. Кур.“ сообщаютъ, что Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили пожертвовать 4,500 рублей въ пользу устройства въ столицѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ комитета общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, лечебницы для дѣтей, страдающихъ хроническими болѣзнями.

— Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что гласный харьковской городской думы, купецъ Кирилъ Ивановичъ Велитченко, въ ознаменованіе дня священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, устроилъ въ г. Харьковѣ на собственные средства домъ для богадѣльни на пятнадцать кроватей, въ настоящее время уже открытой и призрѣвающей 15 престарѣлыхъ женщинъ, Собственноручно начертать соизволилъ: „Благодарить“.

— Полезный урокъ церковнымъ старостамъ далъ недавно г. Богдановичъ, староста Исаакіевскаго собора, напечатавшій въ газетахъ свое „заявленіе“ по случаю оставленія имъ должности старосты. Въ этомъ заявленіи высказавъ, что ему удалось сдѣлать по части питанія народа духовною пищею („Исаакіевская каѳедра“) и насущнымъ хлѣбомъ (бесплатная столовая), г. Богдановичъ замѣчаетъ: „Сознаю вполне, что начинанія, какія удалось мнѣ провести въ эти два трехлѣтія, далеко не исчерпываютъ всѣхъ задачъ полезнаго служенія соборнаго старосты, какъ я понималъ это служеніе. Этими начинаніями только намѣчены нѣкоторыя стороны скромной и, въ то же время, весьма почтенной дѣятельности, открытой передъ каждымъ церковнымъ старостою“. Да, предъ нашими церковными старостами дѣйствительно открыто несравненно болѣе широкое поприще, чѣмъ то, на которомъ обыкновенно они трудятся. („Ц. В.“)

— Въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатаны къ свѣдѣнію духовенства извлеченія изъ протоколовъ благочиническихъ сѣздовъ по Влодавскому благочинію, изъ которыхъ видно, что священно-церковно-служители Влодавскаго благочинія дали подписку въ томъ, что они обязываются вести старательно и усердно дѣло общенароднаго церковнаго пѣнія. Въ рапортѣ своемъ благочинный, между прочимъ, прописалъ: развитіе и преуспѣяніе этого святаго дѣла имѣетъ несомнѣнно глубокое значеніе въ религіозно-нравственной жизни народа и служить могучимъ рычагомъ для поднятія его благочестія, его любви къ храмамъ Божиимъ, къ св. церковнымъ пѣснопѣніямъ, столь назидательнымъ для ума и сердца христіанина, и, черезъ дѣятельное и живое участіе въ общественныхъ богослуженіяхъ, вызываетъ сознаніе важности праздничныхъ дней, трезвеннаго и благонаправнаго препровожденія ихъ и, тѣмъ самымъ, благодѣтельно вліяетъ на уменьшеніе пьянства, такъ глубоко подрывающаго нравственную и матеріальную стороны жизни простонародія. Неустанное стремленіе, по этому, къ возможно полнѣйшему преуспѣянію общенароднаго церковнаго пѣнія— есть важная и необходимая задача и высокая заслуга духовенства. Кромѣ того, протоколомъ 2-мъ отъ 12 сентября сего года, духовенство постановило совмѣстить въ одномъ лицѣ должности: бібліотекаря благочиннической бібліотеки и завѣдывающаго центральнымъ книжнымъ складомъ и избрало въ эти должности священ. Радешской церкви Михаила Бѣлевича; тутъ же на сѣздѣ, согласно его благочиннаго предложенію, выдало священнику Михаилу Бѣлевичу

по 8 руб. отъ каждой церкви благочинія, для немедленной выписки подходящихъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, разноцѣнныхъ крестиковъ, медаліоновъ, иконокъ и т. п. Священникъ Михаилъ Бѣлевичъ неотложно взялся за дѣло и въ настоящее время книжная операція практикуется уже по всѣмъ церквамъ Влодавскаго благочинія. 18 октября, въ день храмоваго праздника Домачевской церкви, въ который бываетъ и ярмарка въ м. Домачевѣ, о. благочинный лично видѣлъ первые опыты распродажи предметовъ книжнаго склада. Не смотря на конкуренцію, предметы эти, вслѣдствіе доступности цѣнъ, довольно хорошо расходились между народомъ. Можно надѣяться, что этимъ благодѣтельнымъ путемъ всякая иновѣрная конкуренція будетъ отгѣснена и православный людъ будетъ пріобрѣтать предметы назиданія и чествованія исключительно въ духѣ истиннаго православія и благочестія. Продажа по дѣйствительной стоимости и потому небывалая дешевизна предметовъ покупки неминуемо отгѣснитъ торговцевъ-барышниковъ, преслѣдующихъ преимущественно матеріальный интересъ, хотя и не чуждый духа полонизма и латинства.

— Изъ Летичевскаго уѣзда, Подольской губерніи, „Зарѣ“ пишутъ: „Едва-ли не въ первый разъ приходится отмѣчать выдающійся фактъ изъ жизни народной школы, имѣвшій мѣсто въ нашемъ уѣздѣ. Приходскій священникъ П. (онъ-же законоучитель народной школы), по состоявшемуся опредѣленію Подольской духовной консисторіи, утвержденному епархіальнымъ начальствомъ, лишенъ занимаемаго имъ прихода за неисполненіе обязанностей законоучителя въ народной школѣ. Дѣло это возникло по заявленію инспектора народныхъ училищъ 2-го района Подольской губ., который, истощивъ всѣ средства, имѣвшіяся въ его распоряженіи и направленные къ тому, чтобы побудить священника выполнять обязанности законоучителя въ сельской школѣ, вынужденъ былъ, наконецъ, обратиться съ представленіемъ въ учебный округъ.“ Любопытны тѣ мотивы, на которые ссылался законоучитель, объясняя епархіальному начальству, почему онъ не исполняетъ своихъ обязанностей. „Въ зимнее время, писалъ онъ, дѣти не охотно и не аккуратно посѣщаютъ школу: школа находится въ приписанномъ приходѣ, отстоящемъ отъ главнаго прихода на разстояніи трехъ верстъ; наконецъ, школа открыта въ селеніи М—цы по приговору, составленному бывшимъ инспекторомъ Левицкимъ, не въ общественномъ домѣ, а въ почтовой станціи“ и т. п. Всѣ эти мотивы признаны епархіальнымъ начальствомъ, какъ и слѣдовало ожидать, неуважительными, и, въ

виду „даннаго уже священнику П. предостереженія“, рѣшено перевести въ с. К. опытнаго законоучителя, предоставивъ П. искать въ теченіи двухъ мѣсяцевъ другаго прихода. Фактъ этотъ послужить, конечно, назиданіемъ для другихъ законоучителей.

— Есть у насъ на Руси разные роды литературы и между ними, къ сожалѣнію, есть родъ литературы грязной, цинической и безсовѣстно спекулятивной, рассчитанной на возбужденіе чувственности и эксплуатацію невѣжества. Такая литература особенно процвѣтаетъ въ Москвѣ, въ изданіяхъ Леухина, который чрезвычайно заботится о томъ, чтобы его изданія соотвѣтствовали потребностямъ молодыхъ людей; не забываетъ онъ и пожилыхъ, рекомендуя всѣмъ разныя „секретныя наставленія, развлеченія“ и т. п. Казалось бы, грязная и торгашеская спекуляція не должна была вовлекать въ свою циническую область по крайней мѣрѣ предметовъ и вопросовъ, составляющихъ высшее, послѣднее упованіе человѣчества. Не тутъ-то было: Леухинъ съ кощунственной развязностью рекламируетъ въ своемъ объявленіи даже „тайны ада“. Вотъ подлинныя слова его рекламы. „Обращая вниманіе читающей публики на эту замѣчательно рѣдкую и еще неизвѣстную у насъ книгу, мы находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ ея значеніи въ таинственномъ и еще такъ мало разработанномъ отдѣлѣ изслѣдованій о нашей будущей, загробной жизни. Всѣ мы боимся не смерти, но той неизвѣстности, которая ожидаетъ насъ на томъ свѣтѣ. Извѣстному изслѣдователю де-Планси, послѣ многихъ лѣтъ почти не человѣческихъ усилій, удалось, наконецъ, доставить намъ въ картинахъ почти точное и вѣрное описаніе ада и его обитателей. Мы говоримъ „точное“ и „справедливое“, принимая во вниманіе глубоко-научныя изслѣдованія и факты, на которыхъ основался авторъ и одобреніе этого вполне добросовѣстнаго труда самимъ парижскимъ архіепископомъ. Добавленіе поразительно вѣрныхъ портретовъ всѣхъ обитателей ада въ количествѣ 70 штукъ и картина страшнаго суда дадутъ самое наглядное и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрное понятіе о томъ, что было для насъ всегда таинственною загадкой, которая въ изданной нами книгѣ отразилась какъ бы въ зеркалѣ и раскрыла тайну загробной жизни“. Справедливо восклицаетъ авторъ „Писемъ провинціала“ въ „Моск. Вѣд.“, обращаясь къ редактору этой газеты: „Избавьте насъ (провинціаловъ) отъ Леухинскихъ изданій, г. редакторъ! Это будетъ доброе дѣло, а сослужить его могутъ лишь столичныя газеты, бичуя по достоинству и заслугамъ позорную спекуляцію печатнымъ русскимъ словомъ. У васъ въ Москвѣ Леухинскія изданія едва ли

найдутъ себѣ покупателей. Но у насъ въ провинціи? Какими книгами, какъ не указанными выше, торгуютъ на всѣхъ ярмаркахъ, торгуютъ ходячки и офени?“ Въ видахъ противодѣйствія распространенію въ народѣ произведеній Леухинскаго издѣлія, по мнѣнію автора, цензура не должна бы разрѣшать печатныхъ рекламъ объ этихъ издѣліяхъ, хотя бы самыя книги и были разрѣшены и находились въ продажѣ въ магазинѣ Леухина. Не отрицая нѣкоторой пользы подобной мѣры, мы съ своей стороны думаемъ, что кромѣ цензуры слѣдуетъ и нашимъ пастырямъ обратить особенное вниманіе на то, какою духовною пищею питаются ихъ пасомые, въ особенности по глухимъ провинціальнымъ захолустьямъ. Сельскіе пастыри всего удобнѣе могутъ сдѣлать это среди сборовъ хлѣбомъ и другими произведеніями по приходу, предлагая сельскимъ грамотѣямъ вопросы о томъ, что они читаютъ, и рекомендуя, а иногда и раздавая имъ безмездно дешевыя книжки и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія. При все большемъ и большемъ распространеніи грамотности въ народѣ, вопросъ о народной литературѣ есть вопросъ перво-степенной важности. („Ц. В.“)

— Относительно церковно-приходскихъ школъ сдѣлано попечителемъ Виленскаго учебнаго округа распоряженіе, направленное къ тому, чтобы облегчить практическое осуществленіе Высочайше возложенной на учебное вѣдомство обязанности оказывать содѣйствіе преуспѣванію школъ. Такъ какъ содѣйствіе возможно только при личномъ ознакомленіи членовъ дирекціи съ состояніемъ школъ, то попечитель вмѣнилъ въ обязанность инспекторамъ народныхъ училищъ производить осмотръ церковно-приходскихъ школъ. „Но при этомъ“,—сказано въ предложеніи г. попечителя, „само собою разумѣется, что осмотръ церковно-приходскихъ школъ членами дирекціи долженъ имѣть иной характеръ, чѣмъ осмотръ народныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ дирекціи; отношеніе членовъ дирекціи къ дѣлу осмотра церковно-приходскихъ школъ должно быть опредѣляемо сообразно объясненной выше цѣли сего осмотра“.

— Странныя иногда являются въ нашихъ газетахъ мнѣнія. Такъ, „Новости“ недавно возстали противъ обязательности присяги, доказывая по поводу одного случая (именно отказа гласнаго псковскаго уѣзднаго собранія Зиновьева отъ принесенія присяги) „совершенную ея будто-бы ненужность и бесполезность“. Газета много наговорила въ защиту своего мнѣнія: присяга дескать „окончательно утратила значеніе гарантіи исполненія требованій закона“, „присягой торгуютъ какъ товаромъ“, страхъ кары за клятвенарушеніе

не останавливаетъ преступниковъ клятвы, честному человѣку, отъ котораго требуютъ присяги или росписки, „не можетъ не быть прискорбно (?), а пожалуй и обидно (?), что довѣряютъ не ему, а ключку бумаги или произнесенной имъ клятвѣ“.

Поистинѣ удивительно, до чего можно иногда договориться подъ вліяніемъ предвзятой идеи, или моднаго, взятаго съ Запада, мѣнія (на Западѣ въ настоящее время, какъ извѣстно, пошла мода на отказы отъ присяги). Насъ удивляетъ, впрочемъ, главнымъ образомъ не то, что, рассуждая такъ, можно признать излишними всякіе законы божескіе и человѣческіе, ибо люди нарушаютъ и профанируютъ ихъ на каждомъ шагу, а — то, что „Биржевая Газета“ возстаетъ даже противъ „росписокъ“, на томъ основаніи, что „честный человѣкъ и безъ всякихъ росписокъ исполнитъ свой долгъ“.

— „Новости“ сообщаютъ любопытныя подробности объ общемъ собраніи членовъ православнаго Палестинскаго общества, подъ предсѣдательствомъ Е. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича: засѣданіе открылось чтеніемъ отчета. Затѣмъ, членъ ревизіонной комиссіи г. Корсаковъ представилъ отчеты о ревизіи и о поступившихъ пожертвованіяхъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ пожертвованія августѣйшаго предсѣдателя общества въ размѣрѣ 5,000 рублей и Е. В. Великаго Князя Павла Александровича, изъявившаго благосклонное согласіе на изданіе на собственный счетъ сочиненій съ рисунками извѣстнаго путешественника по Святой землѣ о. Барскаго, на что потребуется сумма въ размѣрѣ 15,000 руб. Въ отчетѣ было также заявлено, что въ наступающемъ году общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи вмѣстѣ съ поступившими новыми пожертвованіями и членскими взносами (въ количествѣ до 60,000 р.), всего болѣе 129,000 р. По выслушаніи отчетовъ, слѣдовалъ докладъ г. А. А. Цагарели о своемъ путешествіи на Синай и въ Палестину. Докладъ удостоился лестнаго одобренія Его Высочества. Между присутствующими высокопоставленными лицами находились: митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ, оберъ-прокуроръ св. Синода К. Ш. Побѣдоносцевъ, графъ Игнатъевъ, директоръ Императорской публичной бібліотеки г. с. А. Э. Бычковъ и др.

— Въ средѣ Палестинскаго общества давно возникла мысль о сооруженіи въ Петербургѣ часовни Гроба Господня, которая была бы копіей съ Іерусалимскаго храма. Пока эта мысль зрѣла, другіе приступили къ ея осуществленію. Главнымъ дѣятелемъ, по свѣдѣніямъ газетъ, являлся д. с. с. М. Н. Паруновъ. Предполагается

выстроить на живописномъ загородномъ мѣстѣ, въ 10 верстахъ по линіи царскосельской желѣзной дороги, не часовню, а большой храмъ, такъ какъ, судя по поступающимъ заявленіямъ, приливъ пожертвованій будетъ весьма обильнымъ и необходимая сумма около 200,000 руб. будетъ собрана. Къ подготовительнымъ работамъ предполагается приступить тотчасъ по полученіи благословенія его высокопреосвященства. Планъ храма уже составленъ; владѣлецъ царскосельской дороги г. Поляковъ изъявилъ согласіе предоставить коммиссіи бесплатный провозъ всѣхъ пужныхъ для постройки матеріаловъ.

— Въ виду выраженнаго Ея Высочествомъ Великой Княгиней Александрой Іосифовной желанія пожертвовать на сооружаемый на Екатерининскомъ каналѣ храмъ въ память въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II, всѣ священные сосуды, въ настоящее время, согласно желанію Великой Княгини, приступлено къ составленію рисунковъ сосудовъ въ стилѣ, который бы гармонировалъ съ общимъ характеромъ архитектуры храма, согласно Высочайше утвержденному проекту архитектора Портданда и настоятеля Сергіевскаго монастыря Игнатія.

— Въ Кіевѣ, по словамъ „Кіевлянина“, полиціймейстеромъ недавно получена была отъ еврея Ц. со станціи Бобровицы телеграмма съ увѣдомленіемъ, что дочь его, семнадцатилѣтняя дѣвушка, отъ него убѣжала и потому онъ проситъ о розыскѣ ея въ городѣ Кіевѣ. На дняхъ Еврей Ц. прибылъ съ тою же цѣлью въ Кіевъ, но получилъ свѣдѣніе, что дочь его дѣйствительно находится тамъ и приняла уже православіе. Прибыла она въ Кіевъ недѣли полторы тому назадъ; по объясненію ея, она окончила курсъ въ Харьковской гимназіи и главною причиною принятія ею православія послужила окружающая ее среда, взгляды и убѣжденія которой, по ея словамъ, она не могла раздѣлять.

— Недавно тамъ-же происходило рѣдкое торжество обращенія въ христіанство и крещенія язычника. „Кіевлянинъ“ сообщаетъ, что въ Кіевѣ, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ каѳедральнымъ отцемъ протоіереемъ П. Г. Лебединскимъ 22 декабря присоединенъ къ православію и крещенъ калмыкъ Малодербетовскаго улуса, Астраханской губерніи, Бассанъ Эрещиновъ Кокаповъ. Г. Кокаповъ 36 лѣтъ отъ роду, по вѣроисповѣданію буддистъ, по профессіи царьцинскій рыбный торговецъ и обладатель нѣсколькихъ хуторовъ въ своемъ улусѣ, табуновъ и стадъ скота. Вращаясь часто по своей торговой профессіи въ средѣ православныхъ, г. Кокаповъ давно

думалъ о принятіи православной вѣры, но этому препятствовали жена-язычница и вся семья. Лѣтомъ его постигла сильная болѣзнь, и г. Кокановъ далъ обѣтъ по выздоровленіи, не взирая ни на что окреститься. Наслышавшись отъ православныхъ русскихъ, въ особенности же отъ старушки, матери своего прикащика, пѣшкомъ ходившей въ Кіевъ на богомолье, что Кіевъ центръ православной русской святыни и что здѣсь много св. мощей, г. Кокановъ прибылъ въ Кіевъ съ дѣлюю посмотрѣть „святой городъ“, поклониться кіевскимъ святымъ и рѣшить окончательно вопросъ о крещеніи. Видъ пещеръ Лавры и храмовъ кіевскихъ, осмотромъ которыхъ онъ тотчасъ по пріѣздѣ занялся, произвелъ на язычника-паллиграма такое впечатлѣніе, что всѣ сомнѣнія исчезли. Дѣятельное участіе въ незнакомѣ-паллигримѣ принялъ управляющій Еврепейскою гостиницей Г. Я. и указалъ ему пути, какъ онъ можетъ удобнѣе научиться вѣрѣ православной и окреститься; онъ препроводилъ г. Коканова къ члену миссіонерскаго братства св. Владимира, каѳедральному отцу протоіерею, который наставленіе въ вѣрѣ поручилъ катихизатору братства, который и научилъ его православной вѣрѣ. Новопросвѣщенный имѣетъ жену и двухъ братьевъ, которыхъ онъ желаетъ также обратить въ христіанство.

— „Варш. Дневн.“ передаетъ слѣдующій случай изъ дѣятельности православнаго духовенства. Мѣсяць тому назадъ въ полковой церкви одного изъ гвардейскихъ полковъ, квартирующихъ въ Варшавѣ, совершалось присоединеніе къ православію одного католика, К.—цаго, окончившаго отбываніе воинской повинности и перечисленнаго уже въ запасъ арміи. Присоединеніе его совершилось по глубокому убѣжденію и неотступной просьбѣ самого присоединившагося. К.—цкій человѣкъ не только грамотный и разумный, но достаточно образованный и начитанный. Во время отбыванія воинской службы въ одномъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, онъ былъ старшимъ писаремъ полковой канцеляріи и въ свободное отъ службы время много читалъ русскихъ книгъ и много разговаривалъ и спорилъ о вѣрѣ съ своими товарищами-писарями православнаго исповѣданія, между которыми, благодаря всесостовной воинской повинности, были люди съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Результатомъ этихъ чтеній, разговоровъ и товарищескихъ споровъ и разсужденій было то, что К.—цкій началъ посѣщать православную полковую церковь и изучать ея богослуженіе. Случилось такъ, что въ этой церкви полковой священникъ имѣлъ обычай за каждымъ богослуженіемъ объяснять своимъ слушателямъ-солдатамъ или

дневное Евангеліе, или Апостоль. Долго, почти въ теченіе двухъ лѣтъ К—цкій слушалъ эти простыя, назидательныя поученія и не мало удивленъ былъ тѣмъ, что православный проповѣдникъ въ своихъ „казаньяхъ“ ни разу не коснулся другихъ иновѣрныхъ, неправославныхъ исповѣданій, ни разу не восхвалялъ своей православной вѣры и Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ ни разу ни единымъ словомъ не укорилъ, а тѣмъ болѣе не старался унижить другихъ иновѣрныхъ церквей и христіанскихъ обществъ. Эта черта характера православной церковной проповѣди сильно подѣйствовала на сердце К—цкаго и весьма расположила его въ пользу православія. Ко всему этому товарищи-писаря постоянно доказывали ему, что духъ и характеръ православной Церкви есть духъ евангельской любви и мира по возможности со всѣми, что у насъ, въ нашей православной Церкви, положительно за каждымъ почти богослуженіемъ произносится общая, единоклубная молитва „о мирѣ всего міра, о благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и соединеніи всѣхъ“... Желая сколько можно болѣе тверже убѣдиться во всемъ этомъ, К—цкій рѣшился испробовать тайно отъ товарищей еще одинъ имъ самимъ придуманный способъ удостовѣренія: во время великаго поста на ряду со всѣми православными говѣльщиками-солдатами онъ не разъ исповѣдывался у полковаго священника и на исповѣди, какъ будто искренно и простоудушно, предлагалъ ему такіе вопросы: „можно ли, батюшка, ходить по нуждѣ въ католическій костелъ и въ немъ молиться Богу вмѣстѣ съ католиками? Какъ поступать съ иновѣрцами, если они позволяютъ себѣ дерзость хулить и порицать православную вѣру, называя ее „хлопскою“, мужицкою вѣрою и какою-то „схизмою“? Простые, добродушные, полные христіанской любви и незлобія отвѣты священника каждый разъ все болѣе и болѣе только укрѣпляли слагавшееся въ душѣ К—цкаго понятіе о духѣ и характерѣ православной Церкви. Но и этимъ не удовлетворялся еще вполне пытливый и поколебавшійся умъ его, — онъ началъ ходить въ православный Варшавскій соборъ, въ домовую архіерейскую церковь и въ другія православныя церкви, вездѣ исповѣдывался, вездѣ предлагалъ тѣ же самые вопросы и вездѣ получалъ совершенно одинаковые на нихъ отвѣты. Изъ церквей православныхъ онъ отпраплялся въ свои костелы, снова исповѣдывался, снова предлагалъ своимъ священнослужителямъ мучившіе его вопросы, но получалъ отъ нихъ такіе отвѣты, которые только глубоко огорчали его, и сильно возмущали и безъ того мятущуюся его совѣсть. Такое самоискушеніе продолжалось цѣлыхъ три года. Мно-

го перечиталъ, много передумалъ за это время бѣдный К—цкій и много, очень много перестрадалъ онъ душою. Наконецъ, совершенную побѣду надъ всѣми его сомнѣніями и колебаніями одержало православіе своимъ умилительнымъ и въ высшей степени трогательнымъ совершеніемъ причащенія мірянъ подъ обоими видами святыхъ Даровъ Тѣла и Крови Христовой. „Этого никогда не могъ я видѣть равнодушно, говорилъ К—цкій послѣ своего присоединенія; всякій разъ, когда сослуживцы мои, солдаты православные приступали ко святому причащенію и торжественно, громогласно произносили предъ святою чашею слова молитвы: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую .. яко сія есть самая честная Кровь Твоя“,—меня въ это время душили слезы, мнѣ становилось невыразимо больно и жалко, что я никогда, никогда въ моей жизни не удостоюсь причаститься этой святости, этой бездѣнной, животворящей крови Христовой“... Присоединеніе совершилось въ воскресный день передъ литургіею; въ церковь собралось много католиковъ-солдатъ и жителей одного предмѣстья Варшавы; всѣ они съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣли на совершавшійся предъ ними обрядъ, а ко времени причащенія К—цкаго продвинулись впередъ въ самымъ царскимъ дверямъ и стали около амвона съ видимымъ намѣреніемъ посмотрѣть, какъ онъ будетъ причащаться.. И дѣйствительно было что посмотреть: К—цкій приступалъ къ Божественной чашѣ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и истиннымъ страхомъ Божиимъ, а вмѣстѣ и съ самымъ радостнымъ чувствомъ, которое свѣтилось въ его глазахъ и во всемъ его существѣ. Замѣчательно, что по окончаніи Божественной литургіи, многіе католики подходили къ К—цкому и поздравляли его съ принятіемъ св. Таинъ. при чемъ ни въ тонѣ ихъ рѣчей, ни въ выраженіи ихъ лицъ не было замѣтно ни малѣйшаго враждебнаго чувства!..

— Въ „Современныя Извѣстія“ сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о новооткрытомъ братствѣ преп. Пафнутія. Боровскъ, пишетъ корреспондентъ, издавна раскольничій городъ. Начало раскола здѣсь положилъ еще Аввакумъ, находившійся въ заточеніи въ Боровскомъ Пафнутьевскомъ монастырѣ. Въ настоящее время едва ли найдется въ Боровскѣ десятая часть православныхъ жителей. Изъ города расколъ проникъ въ деревню. Есть селенія, сплошь зараженные расколомъ. Въ числѣ разныхъ причинъ распространенія въ здѣшнемъ городѣ раскола не послѣднее мѣсто занимало и то обстоятельство, что до послѣдняго времени расколученіе не встрѣчало себѣ противодѣйствія со стороны православныхъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ

сдѣлалъ соборный священникъ о. В. К—скій. Онъ первый началъ вразумлять раскольниковъ, преимущественно въ лицѣ ихъ руководителей, и открывать имъ неправоту ихъ ученія. О. К—скій пользовался для сей цѣли всякимъ удобнымъ случаемъ: встрѣтится ли гдѣ съ кѣмъ изъ раскольниковъ, придетъ ли къ нимъ въ лавку купить что, вездѣ заводилъ съ ними бесѣды о вѣрѣ. И раскольники очень любили съ нимъ бесѣдовать и уважали его; называли его всегда батькою или отцемъ В—мъ. Бывало, въ какомъ мѣстѣ онъ говорить, собирались туда сами раскольники.

Въ послѣдствіи бесѣды со старообрядцами получили болѣе определенный и постоянный порядокъ, именно съ того времени, какъ назначенъ былъ къ Пятницкой церкви священникомъ Ж—въ, обратившійся изъ раскола въ православіе. Онъ сталъ вести бесѣды каждое воскресенье, зимою въ храмѣ, а лѣтомъ на улицѣ близъ храма. О. Ж—въ взялся за дѣло съ большимъ рвеніемъ. Бесѣды его привлекали всегда множество слушателей и православныхъ и раскольниковъ. Труды о. Ж—ва по справедливости цѣнили архіереи и выражали особенное благоволеніе къ нему.

Наконецъ, православное населеніе города задумало учредить при Пафнутьевомъ каедральномъ монастырѣ (близъ Боровска) братство, съ цѣлью обращенія раскольниковъ въ лоно Церкви. Нынѣшнимъ лѣтомъ былъ представленъ епископу калужскому Владиміру уставъ братства, который и утвержденъ его преосвященствомъ; а 11 сентября послѣдовало открытіе братства. Въ этотъ день въ Боровскомъ соборѣ преосвященнымъ Владиміромъ, вмѣстѣ съ градскимъ духовенствомъ, отслужена литургія, потомъ молебенъ преподобному Пафнутію, въ которомъ участвовало и сельское духовенство. По окончаніи церковной службы всѣ бывшіе въ храмѣ отправились въ домъ, занимаемый земскою управою. Здѣсь сначала прочли общимъ хоромъ молитву „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“. Затѣмъ, послѣ краткой рѣчи преосвященный владыка объявилъ братство открытымъ. Тотчасъ по открытіи братства изъ числа братчиковъ избраны: предсѣдатель совѣта (намѣстникъ Пафнутьева монастыря архимандритъ Діонисій), члены (протоіерей Чертковъ, священникъ Казанскій, священникъ Жаровъ, мировой судья Н. М. Челищевъ, купецъ Волокитинъ и др.), дѣлопроизводитель (помѣщикъ А. Н. Челищевъ) и казначей (акцизный надзиратель Алексѣевъ). На торжествѣ открытія братства присутствовалъ г. калужскій губернаторъ.

Общая цѣль братства духовно-просвѣтительная и благотворительная; въ частности: а) разъясненіе истинъ вѣры и правилъ бла-

гочестія; б) способствованіе къ обращенію въ лоно православной Церкви раскольниковъ глаголемыхъ старообрядцевъ и в) оказаніе христіанской благотворительности (§ 1 устава). Для достиженія сей цѣли предположено: имѣть бібліотеку (§ 2) и книжный складъ для раздачи книгъ бесплатно или по дешевымъ цѣнамъ (§ 7), вести бесѣды со старообрядцами какъ въ городѣ (§ 3), такъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространенъ расколъ (§ 6), оказывать вспомошествованіе бѣднымъ и устраивать для нихъ благотворительныя заведенія (§ 8). Членами братства могутъ быть: дѣйствительными православныя лица обоого пола, всякаго званія и сословія, изъ всѣхъ мѣстъ Россіи, вносящія не менѣе 3 руб. въ годъ или 50 руб. единовременно (§§ 9 и 10), а членами-соревнователями допускаются и неправославные (§ 13). Послѣдними признаются всѣ, кто вноситъ въ кассу братства деньгами менѣе 3 руб. въ годъ, а также кто жертвуетъ книгами и другими вещами, или-же служитъ братству миссіонерскимъ трудомъ. На основаніи § 11, почетными членами считаются, не иначе какъ по рѣшенію общаго собранія братства, лица, оказавшія значительное содѣйствіе успѣхамъ братства вліяніемъ и своими трудами, а также внесшія отъ 200 до 300 р.

Это уже второе противораскольническое братство въ Калужской епархіи. Первое имени св. Іоанна Богослова основано при калужской духовной семинаріи бывшимъ ея ректоромъ Мисаиломъ (нынѣ епископъ Можайскій, викарій московской митрополи).

— Года два тому назадъ въ с. Окнино Звенигородскаго уѣзда, какъ сообщаетъ „Южный Край“, появился штундизмъ, представителемъ котораго былъ окнинскій крестьянинъ Андрей Дерякинъ. Свои рационалистическія воззрѣнія онъ почерпнулъ отъ одного изъ выдающихся херсонскихъ штундистовъ Рябошапки, у котораго онъ состоялъ рабочимъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ крестьянами, священникомъ и другими лицами, Андрей отзывался о своемъ учителѣ съ благоговѣніемъ. „Рябошапка—чоловікъ необразованный; вінъ не вчився ні въ якій паньскій школі, але дуже знає духовні науки, а святе писъмо (Евангеліе) вивчивъ чуть не на память.. Вінъ знає всякі ремесла—на всі руки майстеръ“... У Балабана Андрей научился грамотѣ и столярному дѣлу. Переселившись въ Окнино, онъ устроилъ свою жизнь согласно своимъ религіознымъ стремленіямъ; бросилъ ньянство, пересталъ бить жену, которая если и не сдѣлалась послѣдовательницей ученія штундистовъ, то во всякомъ случаѣ была довольна переменой въ характерѣ своего мужа. Впрочемъ и она замѣтно подчинялась вліянію Андрея: не соблюдала

постовъ, не ходила въ церковь. До начала нынѣшняго года на Андрея никто не обращалъ никакого вниманія. Но, какъ сообщаетъ „Заря“, съ начала 1883 года противъ Андрея выступилъ сельскій сходъ, который сталъ грозить ему выселеніемъ. Начались посѣщенія благочиннаго и его помощника. Съ священникомъ села Окнино, о. Костецкимъ, Андрей всегда охотно бесѣдовалъ по религіознымъ и церковнымъ вопросамъ. Сообщающій это лично присутствовалъ въ августѣ на одномъ изъ религіозныхъ собесѣдованій Андрея съ священникомъ. Съ какимъ вниманіемъ выслушивалъ Андрей замѣчанія священника и другихъ лицъ, присутствовавшихъ на бесѣдѣ! Онъ не былъ фанатикомъ: въ сентябрѣ Андрей хоронилъ свое дитя по обряду православной Церкви, хотя самъ отрицалъ его. Недавно онъ умеръ. Когда, послѣ его смерти, священникъ о. Костецкій спросилъ оставшуюся вдову: будетъ-ли она по прежнему придерживаться своихъ религіозныхъ убѣжденій, та отвѣтила: „куда люди, туды ѿ я“.

— По поводу появившихся не такъ давно въ разныхъ иностранныхъ газетахъ вѣстей изъ Россіи о готовящихся, будто-бы, измѣненіяхъ въ ея государственномъ устройствѣ „Моск. Вѣд.“ помѣстили пространную статью, въ которой указываютъ на вредныя послѣдствія этихъ ни на чемъ неоснованныхъ слуховъ. „Поводъ къ такимъ слухамъ, по словамъ газеты, заключается въ томъ затиши, которое водворилось у насъ послѣ бурныхъ вѣяній минувшаго царствованія; теперь все спокойно, страну сверху не бударажатъ, но за то и не видно куда направляются ея дѣла, что ждетъ ее впереди, какой порядокъ вещей утверждается и будетъ господствовать въ ней; въ какую систему должны войти тѣ новыя учрежденія, которыми было такъ обильно минувшее царствованіе“. Указывая на мѣры и приведя очеркъ минувшаго и описывая настоящее положеніе, въ статьѣ въ заключеніе говорится: „Итакъ, надо рѣшиться на что-нибудь. Должна-ли оставаться Россія—Россіей, съ ея Церковью, съ ея государственнымъ правомъ, въ которыхъ состоитъ ея существо, или вмѣсто извѣстной намъ Россіи должно явиться нѣчто новое, намъ неизвѣстное. Въ промежуточномъ состояніи, которое мы теперь переживаемъ, аномалія возникнетъ за аномаліей и люди умные иногда кажутся помѣшанными. У насъ двоится, троится и десятерится въ глазахъ; вмѣсто одного самодержавія, котораго достигли мы великимъ трудомъ всей нашей исторіи, которое для всѣхъ здравомыслящихъ и на яву живущихъ людей остается непоколебимымъ, намъ мерещится призракъ многихъ самодержавій, все

болѣе и болѣе овладѣвающихъ нашими дѣлами. Пора освободиться отъ этого призрака; для этого не требуется ни особенныхъ усилій, ни ломки, требуется только отрезвить учрежденіи, созданныя не для фантастической, а для дѣйствительной Россіи, — требуется только привести ихъ къ правдѣ, т. е. согласить ихъ съ русскимъ государственнымъ правомъ, въ систему котораго они должны входить, пока Россія остается Россіей. Все пойдетъ иначе, когда путаницѣ понятій положенъ будетъ конецъ, когда недосказанное будетъ доказано и неясное разъяснено. Тѣ-же учрежденія будутъ дѣйствовать иначе, и тогда только всѣ оцѣнятъ благотворное значеніе реформъ, обновившихъ Россію въ минувшее царствованіе“.

— Утвержденіе государственной росписи на предстоящій годъ совершается обыкновенно 31 декабря минувшаго года и вслѣдъ за тѣмъ публикуется въ „Прав. Вѣст.“ Въ настоящемъ году государственная роспись представляетъ не простое цифровое предположеніе о покрытіи расходовъ доходами, но заключаетъ въ себѣ сверхъ обычая цѣлую финансовую программу. Приводимъ существенныя мѣста.

Доходовъ обыкновенныхъ исчислено 709.778,153 руб. (въ томъ числѣ прямыхъ налоговъ свыше 131½ мил. руб., косвенныхъ налоговъ около 433 мил. — послѣдніе т. е. превышаютъ первые почти вчетверо: разныхъ другихъ поступленій исчислено до 145 м. руб.). Между тѣмъ обыкновенные расходы исчислены въ 721.382,006 р. (въ томъ числѣ государств. долгу, т. е. платежей по займамъ около 153 мил. руб. и платежей по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ свыше 53 мил. руб., — расходъ на высшія государственныя учрежденія 2 мил., на вѣдомство Св. Синода 10½ мил., на министерство Императорскаго двора 10½ мил., — мин. иностр. дѣлъ около 4 мил., мин. военное 196½ мил., — морское 34 мил. — финансовъ 98 мил., госуд. имущество 21 мил. — вн. дѣль 70½ мил. — народнаго просвѣщенія 19½ м., — путей сообщенія 22½ м., — юстиціи 19 м., — государств. контроль 3 м., — государств. коннозаводство около 1 м. и на экстренные расходы 8 мил. р.). Такимъ образомъ, въ государственномъ бюджетѣ на 1884 г. показанъ дефицитъ въ 11.603,863 р. по отдѣлу обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ: кромѣ того потребуются произвести чрезвычайныхъ расходовъ свыше 74 м. руб., изъ коихъ 50 милліоновъ на изытіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ и 24½ мил. руб. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ. Въ общемъ итогъ обыкновенные доходы не покрываютъ предположенныхъ расходовъ на 86¼ милліоновъ руб. На удовлетворе-

ніе этого расхода будутъ употреблены: военное вознагражденіе отъ Турціи и отъ Хивы — 3¼ мил. руб.; изъ суммъ, полученныхъ отъ послѣдняго выпуска билетовъ государственнаго казначейства 15½ м. р.; изъ суммъ желѣзно-дорожнаго фонда, переданнаго теперь въ распоряженіе Государственнаго казначейства около 14 мил. руб.; изъ суммъ, полученныхъ по золотой рентѣ 32 милл. и изъ свободныхъ средствъ въ кассахъ 12 мил. Итогъ всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ ресурсовъ составляетъ болѣе 76½ милл., такъ что фактическій смѣтный дефицитъ бюджета сокращается до 9.733,839 руб. Министерство финансовъ намѣрено покрыть этотъ дефицитъ новыми налогами, чтобы по возможности не прибѣгать къ займамъ. „Еслибы ссуды, выданныя правительствомъ (замѣчено во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ) желѣзно-дорожнымъ обществамъ въ счетъ ихъ облигаціонныхъ капиталовъ, были хотя-бы на одну десятую долю возмѣщены казначейству, то не пришлось-бы прискивать средствъ для покрытія какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ расходовъ 1884 года.“

По заявленію министра финансовъ, увеличеніе нѣкоторыхъ изъ существующихъ налоговъ и установленіе новыхъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, соразмѣрное обложеніе доходовъ, получаемыхъ частными лицами. Если министерство финансовъ не рѣшилось сразу проектировать общій подоходный налогъ, то это потому, что та же цѣль, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податнаго управленія, потребность въ которомъ становится, однако, со дня на день болѣе настоятельною, но для устройства котораго потребуются значительныя финансовыя средства. Это послѣднее обстоятельство заставило министерство финансовъ нѣсколько замедлить преобразованіемъ, которое, однако, должно быть осуществлено при первой къ тому возможности. „На настоятельность этого преобразованія указываютъ также нужды мѣстнаго земскаго хозяйства по сбору налоговъ и въ особенности обременительность мірскихъ сборовъ, ускользающихъ отъ общаго финансоваго учета“.

Виды финансоваго управленія на 1884 годъ, по словамъ министра финансовъ, „не могутъ быть признаны особенно благопріятными, но и не представляютъ ничего тревожнаго“. Какъ на одну изъ причинъ пріостановки роста государственныхъ доходовъ въ 1883 г., равно какъ и нѣкоторыхъ затрудненій, испытанныхъ про-

мышленностію и торговлею—записка указываетъ на пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, вызванное соперничествомъ со стороны Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Канады и Остъ-Индіи и въ прошедшемъ отъ сего застоѣ въ хлѣбной торговлѣ. Вслѣдствіе сего застоя оказалось менѣе свободныхъ денегъ въ рукахъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ и уменьшилась закупка послѣдними мануфактурныхъ произведеній. Такимъ образомъ безденежье, на которое жалуются землевладѣльцы, обратилось въ безденежье для торговцевъ и фабрикантовъ.

Въ видахъ улучшенія общаго положенія всѣхъ отраслей промышленности приняты и проектируются мѣры, которыя должны способствовать болѣе широкому, но правильному пользованію кредитомъ. Государственный банкъ открылъ въ 1883 году шесть новыхъ отдѣленій и приступитъ къ операціи учета соло-векселей землевладѣльцамъ немедленно по изданіи новаго закона, которымъ предполагается сдѣлать краткосрочный кредитъ доступнымъ для помѣщиковъ, имѣнія коихъ уже заложены въ частныхъ банкахъ или у частныхъ лицъ. Кроме того министерство финансовъ приступитъ въ 1884 году къ разрѣшенію вопроса объ устройствѣ государственнаго учрежденія для оказанія помѣщикамъ кредита долгосрочнаго на болѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ. На основаніи нормальныхъ правилъ для городскихъ общественныхъ банковъ, министерство финансовъ произвело ревизію 6 банковъ и приняло мѣры къ устраненію вравшихся въ сихъ учрежденіяхъ злоупотребленій.

Крестьянскій поземельный банкъ имѣлъ въ текущемъ году 11 отдѣленій и, вслѣдствіе хозяйства какъ мѣстныхъ дворянъ, такъ и земскихъ учрежденій, послѣдуетъ въ январѣ 1884 года открытіе еще 7 отдѣленій. Нормальныя правила для сельскихъ банковъ уже выработаны и будетъ приступлено къ устройству краткосрочнаго кредита для крестьянъ.

Независимо отъ исчисленныхъ мѣръ, въ видахъ огражденія народной нравственности, министерство финансовъ представитъ въ настоящую сессію государственнаго совѣта проектъ новыхъ правилъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ и такимъ образомъ разрѣшеніе этого важнаго вопроса можетъ послѣдовать въ наступающемъ году.

Одно изъ наиболѣе неблагопріятныхъ явленій въ нашемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи представляетъ по прежнему нашъ вексельный курсъ. Въ истекшемъ году онъ отличался постоянною вялостію. Главною причиною этого явленія было стремленіе иностранныхъ капиталистовъ, дѣлающееся болѣе двухъ лѣтъ,

сбыть въ Россію русскія процентныя бумаги, въ особенности выпущенныя на кредитные рубли. Въ свою очередь низкій вексельный курсъ усиливаль приливъ этихъ бумагъ къ русскимъ биржевымъ рынкамъ и испытываль отъ этого дальнѣйшее пониженіе. Въ настоящую пору, когда разсѣялись всѣ опасенія на счетъ внѣшнихъ заимствованій, надо надѣяться, что, при первомъ болѣе благоприятномъ оборотѣ дѣлъ въ нашемъ торговомъ отпускѣ, вексельный курсъ можетъ получить снова склонность къ повышенію. Быстрое, но временное улучшеніе не было бы впрочемъ въ настоящую пору особенно желательнымъ, потому что оно могло бы вызвать паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и безъ того невыгодныхъ для помѣщиковъ, отправляющихъ хлѣбъ за границу. Возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля, столь желательное и въ финансовомъ и народно-хозяйственномъ отношеніяхъ, можетъ быть плодотворнымъ только тогда, когда совпадетъ съ возростаніемъ народнаго благосостоянія и развитіемъ нашей отпускной торговли, и когда сокращеніе суммы бумажныхъ денегъ, безъ стѣсненія промышленности и торговли, облегчитъ принятіе мѣръ, направленныхъ къ возстановленію металлическаго обращенія.

Въ заключеніе всего министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ намѣчаетъ слѣдующія цѣли финансовой политики: уравновѣшеніе доходовъ съ расходами, при соблюденіи благоразумной бережливости: улучшеніе податной системы въ видахъ установленія соразмѣрности налоговъ съ средствами плательщиковъ; покровительство всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности, нуждающимся въ защитѣ; развитіе кредита, прочнаго и равно доступнаго для всѣхъ сословій; наконецъ, улучшеніе и упроченіе денежной системы безъ ущерба для промышленности и торговли и безъ стѣсненія денежнаго обращенія.

— Харьковское общество взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ принадлежитъ къ самымъ образцовымъ учрежденіямъ этого рода. По отношенію запаснаго капитала къ суммѣ, въ которой застрахованы въ немъ имущества, наше общество занимаетъ первое мѣсто въ Россіи. Въ настоящее время на страхъ имѣется въ немъ до 3,000 городскихъ имуществъ, въ суммѣ 19,000,000 р. Въ теченіе 1883 года общество получило страховой преміи 65,580 р. 71 коп. и процентовъ на капиталъ получено 49,619 руб. 56 коп. Истекшій годъ сравнительно былъ не особенно благоприятнымъ. Общество имѣло три крупныхъ пожара: на Уралѣ, въ домѣ Клейна и въ домѣ Сливицкаго, такъ что пришлось уплатить пожарныхъ

убытковъ въ теченіе года въ суммѣ 75,971 руб. Чистой прибыли все-же остается 29,047 руб. 43 коп., которые и приобщены къ запасному капиталу, цифра котораго теперь дошла до 887,080 руб. 22 коп.; расходъ по управленію составляетъ всего 8.646 рублей. Какъ извѣстно, общество взаимнаго страхованія признало полезнымъ для себя, для скорѣйшаго осуществленія 4-й пожарной части, ассигновать, въ помощь городу, значительную сумму денегъ.

— Въ виду многочисленныхъ заявленій, поступившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ сельскихъ хозяевъ, на ненормальность ихъ отношеній къ сельскимъ рабочимъ и волостнымъ правленіямъ, которыя становятся законными посредниками и факторами между рабочими и его нанимателемъ, взимая съ послѣдняго (при договорѣ о наймѣ) задатокъ и внося его въ счетъ недоимки рабочаго, который впоследствии не выполняетъ взятыхъ на себя обязательствъ и задатокъ сельскаго хозяина-помѣщика за нимъ пропадаетъ, вслѣдствіе недостаточности его имущественнаго ценза для удовлетворенія иска, какъ сообщаютъ „Рус. Кур.“ изъ Петербурга, въ настоящее время возбужденъ въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о выработкѣ такихъ правилъ для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ вообще, какія у насъ уже существуютъ для заводчиковъ и фабрикантовъ, по найму рабочихъ.

— Судебная статистика доказала, что изъ лицъ, приговоренныхъ по суду къ тюремному заключенію, большая часть, по отбываніи обязательныхъ сроковъ и по выходѣ на свободу, снова впадаетъ въ преступленія. Главною причиною этого является трудность найти занятія и отсутствіе средствъ къ существованію. Съ цѣлью предупредить подобное зло, въ настоящее время проектируется, одновременно съ реформою тюремнаго дѣла, устроить при тюремныхъ замкахъ и исправительныхъ домахъ особыя заведенія, гдѣ приговоренные къ заключенію на болѣе или менѣе продолжительные сроки могли бы работать и съ помощью труда составить себѣ сбереженіе ко времени выхода на свободу. По дошедшимъ теперь свѣдѣніямъ, на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ внесенъ недавно проектъ объ учрежденіи такихъ мастерскихъ при тѣхъ тюрьмахъ имперіи, въ которыхъ содержится не менѣе 200 арестантовъ. Предполагается учреждать только такія мастерскія произведенія которыхъ могутъ найти легкой сбытъ, какъ напримѣръ: пеньковыхъ издѣлій и холста, прядильни льна, шерсти и т. п. Для обученія арестантовъ этимъ ремесламъ предполагается нанимать мастеровъ, если не найдется такихъ изъ числа заклю-

ченныя. Всѣ выручаемыя отъ продажи производствъ суммы, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ, составлять собственность арестантовъ, сообразно работѣ каждаго по установленной таксѣ. Капиталь каждаго арестанта будетъ выдаваться ему на руки при выходѣ на свободу.

— Частная благотворительность на дѣло образованія юношества достигла въ настоящее время весьма солидныхъ размѣровъ. Такъ изъ собранныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія данныхъ оказывается, что въ наступившемъ 1884 году университеты имперіи и Царства Польскаго будутъ располагать слѣдующими суммами, пожертвованными частными лицами и учрежденіями, на выдачу стипендій несостоятельнымъ студентамъ: петербургскій университетъ будетъ располагать капиталомъ въ 279,050 руб., проценты съ коихъ составятъ 17,696 руб.; московскій—капиталомъ въ 770,580 руб., проценты составятъ 53,834 руб.; университетъ св. Владиміра — капиталомъ въ 675,021 руб., проценты составятъ 32,905 руб.; харьковскій—капиталомъ въ 282,197 руб., проценты составятъ 15,870 руб.; казанскій—капиталомъ въ 177,726 рублей, проценты составятъ 9,854 руб.; дерптскій—капиталомъ въ 69,060 р., проценты составятъ 3,323 р.; варшавскій—капиталомъ въ 2,400 р.—ежегодный доходъ съ имѣнія „Куявы“, пожертвованнаго по записи г. Млоцкаго на стипендіи. Такимъ образомъ, съ капитала, составляющаго въ общей сложности 2.425,884 руб., поступитъ въ 1884 году всего процентовъ—144,576 руб., которые послужатъ для выдачи стипендій лучшимъ по успѣхамъ студентамъ; размѣръ стипендіи будетъ 300 руб. въ годъ; деньги эти будутъ выдаваться на руки стипендіатамъ вездѣ, за исключеніемъ петербургскаго университета, гдѣ вся сумма будетъ передаваться въ коллегію Императора Александра II.

— Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ послѣднее время поднятъ вопросъ объ устройствѣ бесплатныхъ читаленъ для простаго народа. Проектъ въ этомъ направленіи уже разработанъ и въ непродолжительномъ времени будетъ представленъ на совмѣстное разсмотрѣніе гг. министра внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Настоятельность бесплатныхъ читаленъ для народа мотивируется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что обучающіеся грамотности въ школахъ и начальныхъ училищахъ, при вступленіи ихъ на практическое поприще, за отсутствіемъ возможности пользоваться книгами, по истеченіи нѣкотораго времени совершенно утрачиваютъ познанія, вынесенныя ими со школь-

ной скамьи, тогда какъ бесплатная читальня поддерживаетъ тѣ немногія познанія, которыя вынесены ими изъ школы.

— Громадное число отставныхъ нижнихъ чиновъ, занимающихся въ столицахъ и городахъ нищенствомъ, обратило на себя вниманіе въ правительственныхъ сферахъ. Съ цѣлью устранить это въ будущее время, въ государственный совѣтъ внесенъ проектъ учрежденія повсемѣстно въ имперіи, при воинскихъ участкахъ, особыхъ воинскихъ капиталовъ, источниками которыхъ служили бы сборы съ лицъ, освобождающихся отъ воинской повинности по льготамъ, установленнымъ въ уставѣ объ общей воинской повинности. Согласно вышеупомянутому проекту предполагается установить три разряда сборовъ, сообразно съ числомъ членовъ, составляющихъ одно семейство. Установленіе такихъ разрядовъ предоставлено будетъ усмотрѣнію уѣздныхъ присутствій по воинской повинности, сообразно экономическимъ условіямъ каждой данной мѣстности. Капиталь, образованный изъ такихъ сборовъ, будетъ употребленъ исключительно для пособій нижнимъ чинамъ при водвореніи ихъ въ отдаленныхъ отъ мѣста родины губерніяхъ и для всѣхъ вообще нуждъ чиновъ запаса и ихъ семействъ. При этомъ предлагается для облегченія плательщиковъ установить общимъ правиломъ, что сборы эти взимаются одновременно съ лицъ состоятельныхъ, а съ крестьянскихъ семействъ — ежегодными взносами въ теченіи пяти лѣтъ, т.-е., до окончанія выслуги установленнаго для дѣйствительной службы срока.

— Выработанный министерствомъ финансовъ проектъ закона объ обезпеченіи рабочихъ и ихъ семействъ, въ случаѣ смерти и увѣчья, послѣдовавшихъ при исполненіи ими своихъ обязанностей, препровожденъ былъ на заключеніе министерства юстиціи. Нынѣ, по словамъ „Нов. Вр.“, министерство признало нужнымъ установить слѣдующее: 1) Отвѣтственнымъ лицомъ предъ пострадавшимъ можетъ быть только владѣлецъ предпріятія. 2) Во всѣхъ строительныхъ работахъ отвѣтственными за смерть и увѣчья рабочихъ должны считаться подрядчики. 3) Предъявленіе исковъ должно производиться по мѣсту происхожденія несчастія. 4) Въ случаѣ виновности въ несчастномъ случаѣ управляющаго или служащаго, завѣдывающаго работой, хозяину предоставляется право требовать отъ такихъ служащихъ возврата уплаченнаго имъ вознагражденія. Всѣ установленныя начала отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній будутъ разсматриваться въ государственномъ совѣтѣ одновременно съ общимъ проектомъ, выработаннымъ департаментомъ торговли и мануфактуръ.

— Нѣсколько недѣль тому назадъ былъ случай замѣчательнаго самопожертвованія. Одна крестьянка, находясь въ состояніи беременности, бросилась, съ опасностью собственной жизни, въ рѣку, уже покрытую льдомъ, для спасенія утопающихъ, что ей и удалось сдѣлать. Мѣстное начальство представило о награжденіи этой женщины установленною серебряною медалью за спасеніе погибающихъ. При докладѣ этого представленія Государю Императору, доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія, что въ Божѣ почившій императоръ Николай Павловичъ въ 1827 году, по однородному случаю, повелѣлъ пожаловать одной беременной женщинѣ, спасшей утопавшаго, вмѣсто серебряной, золотую медаль, и кромѣ того, если она родитъ сына, то отдать его на воспитаніе въ учебное заведеніе, которое мать изберетъ, а если родитъ дочь, то выдать на ея приданое матери тысячу рублей ассигнаціями (285 р. сер.). Его Величеству благоугодно было повелѣть поступить и въ настоящемъ случаѣ такимъ же точно образомъ.

— Кромѣ другихъ средствъ противъ дифтерита, „Сельскій Вѣстникъ“ указываетъ на слѣдующее простое лекарство, оказавшееся по испытаніи дѣйствительнымъ во многихъ случаяхъ. Это лекарство—обыкновенный сотовый медъ пасѣчный или садовый (лѣсной не былъ испробованъ), не перетопленный, а выжатый или стекшій въ посуду. Этотъ медъ при первыхъ признакахъ болѣзни пужно глотать медленно, по немногу и довольно часто. Сначала будетъ жечь въ горлѣ, но чѣмъ сильнѣе будетъ жечь, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе можно надѣяться на полное выздоровленіе.

— Американцы лечатъ ожоги присыпкой содоваго порошка. Недавно одинъ врачъ-американецъ, доказывая своимъ слушателямъ пользу при ожогахъ соды, въ подтвержденіе своихъ словъ пустилъ себѣ на руку струю кипятка и затѣмъ посыпалъ обожженное мѣсто чистымъ содовымъ порошкомъ и обернулъ мокрымъ полотенцемъ. По наблюденіямъ нашего провинціального доктора И. В. Троицкаго, средство это оказываетъ дѣйствіе только при легкихъ видахъ ожога; а въ случаѣ опасныхъ ожоговъ онъ совѣтуетъ прибѣгать къ *раствору* соды: адская боль, по его словамъ, утихаетъ мгновенно. „Для раствора нужно брать три драхмы на шесть унцъ соды, или по вѣсу 3 части соды на 48 частей воды, или просто кладя въ чашку или стклянку столько соды, чтобы послѣ мѣшанія и отстоя на днѣ сосуда часть соды всегда оставалась нерастворенной. Въ такомъ растворѣ намачиваютъ чистую ветошь или полотенце и, не выжимая, кладутъ на рану; послѣднюю лучше всего

сначала прикрыть мокрой кисеей и не снимать ее. Если будетъ много гною, то поливать сверху содовымъ растворомъ. Частая поливка замѣняъ перемѣняъ компресса уничтожаетъ малѣйшій запахъ“. („Здоровье“ № 24 1883 г.)

— Предлагаемъ извлеченіе изъ письма одного священника въ редакцію „Минскихъ Епарх. Вѣдомостей“, въ которомъ онъ разсказываетъ о свирѣпствовавшей въ 1882 г. въ его приходѣ оспѣ и о своемъ исканіи дѣйствительнаго противъ нея средства. Медицина отказалась помогать больнымъ и докторъ и фельдшеръ не были въ силахъ помочь, въ теченіе мѣсяца наблюдая смерть 40 человѣкъ. „Присматриваясь, говорить авторъ письма, ежедневно къ больнымъ, во время исповѣди, я по неволѣ изучилъ многіе признаки появленія и дѣйствія этой болѣзни. Я совѣтовалъ нѣкоторымъ прикладывать, къ головѣ холодныя мокрыя тряпки, такъ какъ мнѣ говорили врачи что это есть только одинъ и единственный способъ леченія оспы, который по настоящее время успѣла открыть медицина; но выходило еще хуже. Въ концѣ концовъ старшій мой сынъ, которому теперь восьмой годъ, не смотря на то, что ему была на первомъ году привита оспа, началъ жаловаться на боль во всей головѣ. Къ вечеру слегъ въ постель и жаловался, что кромѣ головы болитъ весь позвоночный столбъ и оцущаетъ жаръ въ глоткѣ. Ночь всю провелъ почти безъ сна и бредилъ, а на другой день начало горѣть все тѣло. Тутъ ужъ я нисколько не сомнѣвался, что это оспа. Третьяго дня выкинуло десятка два оспенныхъ прыщей на лицѣ, шеѣ и груди, а на шестой день онъ былъ уже почти совсѣмъ здоровъ, хотя прыщи долго не заживали. Я невольно призадумался надъ легкостію и скоростію переходовъ его болѣзни, тогда какъ у всѣхъ больныхъ три дня продолжается головная боль, потомъ другихъ три дня горитъ все тѣло, потомъ три дня сыплютъ прыщи, преимущественно на головѣ и груди, потомъ три дня больной положительно находится въ безсознательномъ состояніи, затѣмъ или умираетъ или начинаетъ постепенно приходить въ сознаніе и выздоравливаетъ. Вся эта болѣзнь продолжается мѣсяць и больше. Своего сына я не лечилъ ни чѣмъ и не могъ лечить, такъ какъ нѣтъ способа леченія, а только сначала приложили къ головѣ воду съ укусуомъ, но побоялся, и, когда платокъ высохъ, больше не прикладывалъ. Къ вечеру, когда онъ началъ говорить, что ему жарко въ горлѣ и очень сохнетъ во рту, то я сдѣлалъ миндальное молоко и давалъ ему понемногу пить, отъ чего ему сдѣлалось лучше и взглядъ его, до того тусклый, ожив-

лялся. Къ молоку этому я прибавлялъ только немного сахару, а потомъ, когда появились на лицѣ прыщи, то я кромѣ сахару прибавилъ немного селитры и далъ предъ этимъ ложку кастороваго масла. Хотя я видѣлъ оспу на дѣтяхъ, которымъ была привита оспа и какъ все-таки они довольно тяжело переносятъ свою болѣзнь, но я все же приходилъ къ заключенію, что у моего сына такъ легко прошла эта болѣзнь, въ силу того, что привита была оспа. Слуга два дня меня пригласилъ исповѣдывать свою дочь церковный староста, которая была уже безъ сознанія и походила на обгорѣлое бревно. Видя слезы своего старосты, жалѣя и самъ этой дѣвочки, какъ хорошей ученицы народнаго училища, я сдѣлалъ и ему миндальное молоко, бросивъ туда сахару и немного селитры, велѣлъ заливать ее ложкой, такъ какъ пить она уже не могла и, благодаря Бога, эта дѣвочка выздоровѣла и уже ходитъ въ школу. Потомъ это средство совѣтовалъ всѣмъ и всѣ благодарить. Заявилъ объ этомъ фельдшеру волостному, чтобы онъ этотъ способъ леченія совѣтовалъ и по другимъ селамъ, если гдѣ окажутся больные оспой. Съ тѣхъ поръ, благодаря Бога, хотя заболѣвающіе и еще встрѣчаются, но уже смертности нѣтъ. Въ сосѣднемъ приходѣ въ настоящее время начала свирѣпствовать оспа, я сообщилъ мой способъ леченія тамошнему священнику, чтобы онъ совѣтовалъ народу пользоваться имъ, причемъ не лишнимъ считаю, путемъ печатнаго слова, предать гласности этотъ способъ леченія, авось онъ принесетъ пользу страждущему человѣчеству:

Рр. на фунтъ миндалю—отъ 15 до 20 стак. воды, $\frac{1}{4}$ фунта сахару и 1 стол. ложку селитры. Миндаль я всегда покупалъ сладкій, но между сладкимъ попадаются всегда и горькіе миндалики“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Алустѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисарѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Верхнедѣириовскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геничевѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотошѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Копотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Королевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-Осколѣ, Обовни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Тарашѣ, Таганрогѣ, Уманн. ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Одосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	<i>На годъ.</i>	<i>На 6 мѣс.</i>	<i>На 3 мѣс.</i>	<i>На 1 мѣс.</i>
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногор. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета, № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Јозефовичъ.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ 1884 ГОДУ

будеть издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Православное Обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ исвѣріемъ, церковной исторіи, критики и библиографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и иностранныхъ, выходитъ еженѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою 7 рублей. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала протоіерея при церкви Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

ВЪ РЕДАКЦІИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ Писанія мужей апостольскихъ, изданныя въ русскомъ переводѣ со введеніями и примѣчаніями къ нимъ свящ. П. А. Преображенскимъ. Цѣна съ пересылкою 2 р.—Кромѣ того:

1) Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 к., съ пересылкою 1 р.

2) Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія архіепископа Московскаго. Москва 1878 года. Цѣна 50 коп.

3) Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія евангельской исторіи съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою повѣйшаго времени. Свящ. Т. Булкевича. Цѣна 3 р. 25 к. съ пересылкою.

4) Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Аппнагора, Θεофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданіе прот. П. Преображенскаго. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

5) Сочиненія св. Иринея Ліонскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданіе его же. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

6) Христось. Публичныя чтенія Эрнеста Навиля. Москва 1881 года. Цѣна 75 к. съ пересылкою.

7) Теорія древле-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Сочиненіе Юрія Арнольда. Москва, 1880 г. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Просимъ обратить особенное вниманіе: желая облегчить исполненіе церковныхъ библиотекъ и библиотекъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія, для копъ „Православное Обозрѣніе“ рекомендовано учебнымъ начальствомъ, редакція „Православнаго Обозрѣнія“ находитъ возможнымъ доставить подпискамъ это изданіе за 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг. по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: для выписывающихъ его за одинъ какой либо годъ—пять руб.; за два года—семь руб. за три—десять руб.; за четыре—тринадцать руб.; за пять лѣтъ—пятнадцать руб. съ пересылкою.

Редакторъ прот. П. Преображенскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

НА 1884 ГОДЪ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ)

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной Св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общеизвестныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*. 2) Общеизвестныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*. 3) Церковныя слова, поученія и другія нравоучительныя произведенія. 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *Внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣльная статья, посвященная *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11) Обзоръ русскыхъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *святскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная летопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскыхъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденція; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ шесть рублей; съ пересылкою за границу восемь рублей. Адресовать: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій проспектъ, д. № 167).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ

составленный Членомъ Археографической Коммисіи Министер-
ства Народнаго Просвѣщенія
Петромъ Гильтебрандтомъ.

ШЕСТЬ КНИГЪ.

14 Августа 1882 года ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Всемилостивѣйше свизволилъ на посвященіе „Словаря“ Священной Памяти Державныхъ ЕГО Родителей.

18 Октября 1882 года ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйше повелѣли включить Свои Августѣйшія Имена въ число подписчиковъ на „Словарь“. ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ, Государь Великій Князь ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, Государыня Великая Княгиня ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА также изволили подписаться на это изданіе.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѢНОДЪ оказалъ помощь изданію „Словаря“ подпискою и рекомендаціею „Словаря“ вниханію Епархіальныхъ Архіереевъ. Епархіи Тамбовская, Астраханская и Владимірская первыми отозвались и подписались на значительное количество экземпляровъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1881 года Общество Любителей Древней Письменности, издавшее пробный выпускъ „Словаря“ П. А. Гильтебрандта, признало этотъ „Словарь“ „необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія Церковно-Славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго Христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи Новозавѣтной части Библии“.

Первыя четыре книги „Словаря“ высылаются подписчикамъ; въ нихъ заключается самая большая, уже законченная, часть (1424 печатныхъ страницы или 2848 столбцовъ) Словаря, вплоть до буквы П. Пятая книга печатается, и выйдетъ въ Апрѣлѣ, шестая (и послѣдняя) въ Августѣ 1884 г.

Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 150-ти печатныхъ листовъ большаго формата, такъ-что во всемъ „Словарѣ“ будетъ не менѣе 2400 страницъ, или 4800 столбцовъ. Подшная цѣна на Словарь: на обыкновенной бумагѣ—двѣнадцать (12) рублей; на веленовой—семнадцать (17) рублей. Подписка принимается исключительно у издателя Петра Андреевича Гильтебрандта, Петербургъ, Надеждинская, 36.

Продолженіе списка подписчиковъ будетъ ереложено въ пятой книгѣ „Словаря“.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-
мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять час-
тей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части.
Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла,
вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую
часть составить собою листокъ для Харьковской Епар-
хіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ
особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ намечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать намечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской духовной семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.